

КУРС ЛЕКЦИЙ

**ГОСУДАРСТВЕННО-
КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ
И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ
ОТНОШЕНИЯ В РОССИИ**

Пятигорск 2024

УДК. 300.38.

ББК 15.56.

***Буттаева А.М.* Курс лекций по дисциплине «Государственно-конфессиональные и межконфессиональные отношения в России» –
Пятигорск: 2024. – 274 с.**

Данный курс лекций предназначен для студентов очного и заочного отделений всех направлений обучения. Курс составлен в полном соответствии с требованиями Федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования (ФГОС ВПО) по дисциплине «Государственно-конфессиональные и межконфессиональные отношения в России», фиксирующем те общеобязательные знания, умения и навыки, которыми должен обладать молодой специалист.

Учебное пособие «Государственно-конфессиональные и межконфессиональные отношения в России» написано на основе требований компетентностно–ориентированного учебного плана. Он нацелен на приобретение студентами определенных общекультурных и профессиональных компетенций в том объеме, который задается характером проблематики, теоретико–методологическими основаниями и практико–прикладными аспектами современной теории и практики науки. Компетенции, на которые ориентировано пособие «Государственно-конфессиональные и межконфессиональные отношения в России», дополняются знаниями, умениями и навыками, полученными в результате обучения другим дисциплинам.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	5
ТЕМА 1.....	7
КЛАССИФИКАЦИИ.....	7
1.1. КЛАССИФИКАЦИЯ СУЩЕСТВУЮЩИХ РЕЛИГИЙ, ИХ НАПРАВЛЕНИЯ И ТЕЧЕНИЯ, КОНФЕССИИ, ВАЖНЕЙШИЕ ДЕНОМИНАЦИИ.....	7
1.2. СОВРЕМЕННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ КЛАССИФИКАЦИИ.....	9
1.3. ТЕРМИНЫ ДЛЯ ОБОЗНАЧЕНИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЩНОСТЕЙ РАЗНОГО ИЕРАРХИЧЕСКОГО УРОВНЯ.....	13
1.5. ОСНОВНЫЕ РЕЛИГИИ.....	14
1.6. «НОВЫЕ РЕЛИГИИ», ПОЯВИВШИЕСЯ В 19 ИЛИ 20 ВВ.....	22
1.7. ИЕРАРХИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА НЕМИРОВЫХ РЕЛИГИЙ.....	24
ТЕМА 2.....	27
СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА МЕСТНОМ, ГОСУДАРСТВЕННОМ И МЕЖГОСУДАРСТВЕННОМ УРОВНЯХ.....	27
2.1. РОЛЬ РЕЛИГИИ В ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА.....	27
2.2. ЭКУМЕНИСТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ.....	29
2.3. ЕДИНАЯ УНИВЕРСАЛЬНАЯ РЕЛИГИЯ.....	30
2.4. РЕЛИГИОЗНЫЙ ИНДИВИДУАЛИЗМ И РЕЛИГИОЗНЫЙ ПЛЮРАЛИЗМ.....	31
2.5. РЕЛИГИОЗНАЯ ДИСКРИМИНАЦИЯ.....	38
ТЕМА 3.....	62
РЕЛИГИОЗНАЯ СИТУАЦИЯ В РОССИИ: ГЕНЕЗИС И ЭВОЛЮЦИЯ.....	62
3.1. РЕЛИГИОЗНАЯ СИТУАЦИЯ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ.....	62
3.2. РЕЛИГИОЗНАЯ СИТУАЦИЯ В СССР.....	66
3.3. РЕЛИГИОЗНАЯ СИТУАЦИЯ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ.....	67
3.4. КОНФЕССИОНАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО РОССИИ НА РУБЕЖЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ.....	77
3.5. МЕСТО РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В КОНФЕССИОНАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ.....	79
3.6. РЕЛИГИОЗНАЯ СИТУАЦИЯ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ.....	82
3.7. РЕЛИГИОЗНАЯ СИТУАЦИЯ В ДАГЕСТАНЕ.....	92
3.8. ИСЛАМСКИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ В ДАГЕСТАНЕ.....	95
3.9. ТЕОЛОГИЧЕСКИЕ ВУЗЫ В ДАГЕСТАНЕ.....	96
3.10. ИСЛАМСКИЕ СМИ В ДАГЕСТАНЕ.....	96
3.11. ХРИСТИАНСКИЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ В ДАГЕСТАНЕ.....	97
3.12. ИУДЕЙСКИЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ В ДАГЕСТАНЕ.....	99
3.13. РЕЛИГИОЗНАЯ СИТУАЦИЯ В БОЛЬШИНСТВЕ РАЗВИТЫХ ОБЩЕСТВ.....	100
ТЕМА 4.....	103
СОВРЕМЕННЫЕ ПРИЕМЫ, СПОСОБЫ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ.....	103
4.1. ТРЕХСТОРОННОСТЬ МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ: КОНФЕССИЯ – КОНФЕССИИ – ГОСУДАРСТВО.....	103
4.2. РОССИЙСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ВЕРОТЕРПИМОСТИ.....	104
4.3. ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И РЕАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В СФЕРЕ СВОБОДЫ СОВЕСТИ.....	106
4.4. СОБЛЮДЕНИЕ ОБЩЕПРИЗНАННЫХ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В СФЕРЕ СВОБОДЫ СОВЕСТИ; ПРОБЛЕМ И ПЕРСПЕКТИВ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ; ПРЕОДОЛЕНИЯ РЕЛИГИОЗНОГО ЭКСТРЕМИЗМА.....	110
4.5. СОВЕТ ПО ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ С РЕЛИГИОЗНЫМИ ОБЪЕДИНЕНИЯМИ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, КОМИССИЯ ПО ВОПРОСАМ РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, СООТВЕТСТВУЮЩИЕ КОМИТЕТЫ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ И В СОВЕТЕ ФЕДЕРАЦИИ ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ.....	112
4.6. ОРГАНЫ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИЕ СОБЛЮДЕНИЕ ЗАКОННОСТИ.....	117

ТЕМА 5	122
ПРИЕМЫ ВЫРАБОТКИ СОБСТВЕННОЙ ОПТИМАЛЬНОЙ МЕТОДОЛОГИИ И МЕТОДИКИ РЕШЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ПРОБЛЕМ МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ.....	122
5.1. МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЙ ПРОБЛЕМ МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ – ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ, СРЕДСТВА, ПРИЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ДАННЫХ ОБЪЕКТОВ	122
5.2. СПОСОБЫ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННЫХ МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ ПУТЕМ ПОДРОБНОГО ИЗУЧЕНИЯ МИРОВОГО И ОТЕЧЕСТВЕННОГО ОПЫТА, СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА ПРАКТИКИ МИРОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА	123
5.3. ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО СТАТУСА РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ: ПРИРОДА ПРАВОВОГО СТАТУСА РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ. ОСНОВАНИЕ РЕПРЕЗЕНТАТИВНОСТИ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ.....	125
5.4. РЕЛИГИОЗНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ В ПРОЦЕССАХ СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ. РОЛЬ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ПРОБЛЕМЕ ВОЗРОЖДЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУР, ПОДДЕРЖАНИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ	131
5.5. РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ РЕЛИГИОЗНОГО ОБРАЗОВАНИЯ. В СООТВЕТСТВИИ С НОРМАМИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА, ПРОВОЗГЛАШАЮЩИМИ СВОБОДУ ВЫРАЖЕНИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ УБЕЖДЕНИЙ ЧЕРЕЗ РЕЛИГИОЗНОЕ ОБУЧЕНИЕ, ВЫБОР ФОРМЫ ТАКОГО ОБУЧЕНИЯ (ПУБЛИЧНАЯ, РЕЛИГИОЗНАЯ ИЛИ ЧАСТНАЯ ШКОЛА)	134
5.6. ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	143
ТЕМА 6	153
ПРИНЦИПЫ ПОСТРОЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ.....	153
6.1. ПРИНЦИП ТОЛЕРАНТНОСТИ	153
6.2. ПРИНЦИП ИЕРАРХИЗИРОВАННОГО РАВЕНСТВА	157
6.3. ПРИНЦИП МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНОГО (МЕЖРЕЛИГИОЗНОГО) ДИАЛОГА.....	158
ТЕМА 7.....	162
ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СВОБОДЕ СОВЕСТИ В ИСТОРИИ МИРОВОЙ ПРАВОВОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ МЫСЛИ. СВЯЗЬ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О СВОБОДЕ СОВЕСТИ С ЦИВИЛИЗАЦИОННЫМИ ОСОБЕННОСТЯМИ РАЗЛИЧНЫХ ГОСУДАРСТВ.....	162
7.1. ПРИНЦИП СВОБОДЫ СОВЕСТИ	162
7.2. РАЗВИТИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СВОБОДЕ СОВЕСТИ У ДРЕВНИХ НАРОДОВ.....	164
7.3. ФОРМИРОВАНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О РЕЛИГИОЗНОЙ СВОБОДЕ В СРЕДНИЕ ВЕКА.....	169
7.4. ПРОБЛЕМЫ СВОБОДЫ РЕЛИГИОЗНОЙ СОВЕСТИ В ЭПОХУ ВОЗРОЖДЕНИЯ И РЕФОРМАЦИИ.....	177
7.5. ЗАКРЕПЛЕНИЕ ПРИНЦИПОВ СВОБОДЫ СОВЕСТИ И ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ В НОВОЕ ВРЕМЯ.....	183
7.6. ФОРМИРОВАНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СВОБОДЕ СОВЕСТИ В РОССИИ	192
7.7. ПРАКТИКА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ СВОБОДЫ СОВЕСТИ В СОВЕТСКИЙ И ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОДЫ.....	196
7.8. СВОБОДА СОВЕСТИ В СИСТЕМЕ ЦЕННОСТЕЙ СОВРЕМЕННОГО МИРА	205
7.9. ДИАЛОГ КУЛЬТУР КАК СПОСОБ РЕШЕНИЯ МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ.....	215
ЛИТЕРАТУРА	221

ПРЕДИСЛОВИЕ

В связи с наличием в сфере современных государственно-конфессиональных и межконфессиональных отношений значительного количества проблем, рост которых требует оперативного изучения и реагирования общественности, в последнее время наблюдается значительный интерес к выработке эффективной методологии и методики, оптимального механизма решения данных проблем.

Религиозные верования населения и конфессиональная организация общества занимали и продолжают занимать значимое место в практике государственного управления. В средневековый период истории государственная власть напрямую рассматривалась как поручение монархам от сакральной инстанции.

В России, вплоть до крушения самодержавия это строго подчеркивалось первыми словами титулатуры всех без исключения руководителей государства: «Мы, Милостию Божией, государь...». В 1941 году, в самые критические дни существования отечества, руководитель официально атеистического государства начал свое обращение к стране словами из практики конфессии, к этому времени практически уничтоженной: «Братья и сестры...». Высшее государственное руководство современной России официально участвует в религиозных праздниках и церемониях. Даже в наиболее влиятельных, официально секуляризованных, государствах мира деятельность ряда ведущих политических партий базируются на конфессиональных ценностях.

В практике современного государственного и муниципального управления все более особую значимость приобретают вопросы эффективного взаимодействия органов публичной власти с институтами гражданского общества. Особую актуальность приобретают вопросы обеспечения национальной безопасности и преодоления угроз деятельности экстремистских групп, использующих конфессиональную догматику. Все это подчеркивает значимость основательной специальной подготовки современного специалиста публичного управления.

Такие факторы общественного развития, как недостаточное развитие форм взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления с общественными, религиозными объединениями и другими институтами гражданского общества, ограничивает возможности граждан влиять на управление делами государства и местного самоуправления, в том числе доводить свое мнение и реализовывать свои законные интересы. Отсутствие отлаженной, эффективной системы государственно-конфессиональных и межконфессиональных взаимоотношений, обострение проблем, связанных с проявлениями религиозной вражды и активизацией религиозного экстремизма в обществе, обуславливают существование комплекса проблем, для решения которых требуется принимать необходимые меры по их комплексному анализу и конструктивному решению.

Преподавание данного курса ведется в тесной взаимосвязи с другими дисциплинами базового и профессионального циклов: «Отечественная история», «История государственного управления в России» «Философия», «Социология», «Политология», «Правовые основы российского государства. Конституционное право», «Управление общественными процессами», «Самобытность российской цивилизации».

Знания и навыки, получаемые студентами в результате изучения дисциплины, необходимы для анализа основных проблем современных межконфессиональных отношений в России и мире; особенностей традиционных и нетрадиционных религиозных организаций в контексте регулирования межконфессиональных отношений; механизмов регулирования межконфессиональных отношений и перспективы развития этих механизмов.

В ходе освоения курса предполагается решение следующих задач:

- уяснить концептуальные основания, историю и современную практику государственно-конфессиональных отношений в Российской Федерации;
- осмыслить взаимодействие всей системы социальных институтов российского общества и религиозных объединений;
- рассмотреть правовые основы деятельности новых религиозных движений, в том числе деструктивной направленности;
- проанализировать имеющиеся научные представления относительно перспектив развития конфессионально-государственных отношений в различных сферах жизни общества.

ТЕМА 1.

КЛАССИФИКАЦИИ

1.1. Классификация существующих религий, их направления и течения, конфессии, важнейшие деноминации

К настоящему времени известны сотни и тысячи разнообразных религиозных форм, прошедших через нашу цивилизацию и продолжающих существовать ныне. Их детальная классификация — дело трудное и не особо нужное, поскольку достаточно изучить и понять основные типы религиозных систем прошлого, остановившись более подробно на действующих ныне религиозных системах. Поэтому ясно, что в настоящей главе понятие «религия» привязано к одной из религиозных систем, традиционно существовавших, и/или существующих поныне. В первую очередь принято разделение на современные религии и отмершие.

Современные религии это те, которые, зародившись в разные исторические эпохи, существуют поныне. Сюда относятся не только широко известные крупные религиозные системы (буддизм, христианство, ислам и др.), но и появившиеся за последние десятилетия новые религиозные движения.

Отмершие религии это те, которые когда-то существовали, но со временем исчезли. Многие из них оставили после себя память в виде остатков храмов, гробниц, фрагментов религиозной литературы, легенд, мифов...

Следующий тип классификации религий традиционно исповедует так называемый «*принцип происхождения*». Согласно этому принципу религии делятся на две группы: естественные и религии откровения.

Естественные религии это те, которые возникли без вмешательства пророков, либо обожествлённых личностей путём естественного развития людей в соответствующей их проживанию географической нише, в определённое время. Во всяком случае, в истории возникновения таких религий не зафиксировано вмешательство Бога через «пророков», либо обожествлённых личностей, оставивших за собой какие-либо письменные источники. К таким религиям относятся первобытные и родоплеменные религии и значительная часть «национальных» религий.

Религии откровения всегда связаны с личностью основателя и фактом «сверхъестественного откровения, либо озарения». История знает много основателей религий. Особо известны такие религии откровения (озарения) как зороастризм, буддизм, христианство, ислам. Говоря об основателях религии, имеют в виду, что один человек (именем которого часто называют религию), сыграл решающую роль в консолидации людей на предложенную им веру. В становлении практически всех религий откровения (озарения) можно выделить схожие этапы:

— Появление вдохновленного с высших духовных иерархий Мироздания основоположника.

— Его устные проповеди в разных местах скопления людей.

— Формирование вокруг «учителя» (как обычно называют основоположника) группы учеников, поверивших его проповедям и рассказам.

— Совместная жизнь группы учеников и учителя, связанных простыми взаимоотношениями и религиозными практиками.

— Уход учителя в мир иной и реорганизация группы учеников, поскольку никто из них не смог подняться до уровня учителя, и тем более превзойти его.

— После реорганизации и ухода учителя в мир иной группа учеников становится первой религиозной общиной.

— Установление религиозного культа, основанного на том, что запомнили члены общины, бывшие ученики — период формирования вероучительной доктрины.

— Понимание необходимости установления организационной дисциплины для дальнейшего распространения религии во избежание расколов и разногласий, формирование церкви.

— Развитие, письменное оформление и канонизация вероучительной доктрины; формулировка основных положений веры и культа.

— Создание эффективных средств защиты канонов, веры и культа для дальнейшего распространения вероучения.

Следующий тип классификации религиозных систем — согласно их *духовной централизации*. Религии могут быть:

✓ **Политеистическими** — от поли (много) и греческого theos — Бог, многобожие. В таких религиях принято поклонение и почитание большого пантеона «богов», либо богообразных существ, наделённых сверхъестественными силами.

✓ **Монотеистическими** — от моно (единица) и греческого theos — Бог, единобожие. В таких религиях вера основана на представлениях о едином Боге. К монотеистическим мировым религиям относят иудаизм, христианство и ислам.

Наименее значимая классификация, которая применяется к религиозным системам следующая:

- *По географии распространения.*
- *По правовому статусу (поддерживаются или не поддерживаются государством и его законодательством).*
- *По государственному статусу (религия государственного статуса; религия, статус которой не закреплён как государственная; религия национальных меньшинств...).*
- *По количественному составу верующих и сочувствующих.*

Важна также классификация религиозных систем по степени охвата. Здесь можно выделить следующие типы религий:

Родоплеменные религии — в основном это ранние, первобытные формы, которые ещё существуют и в наши дни. Данный тип религии тесно связан с жизнью определённого рода или племени, выражает основные стереотипы их жизни. Функционирует в пределах одного рода или племени.

Этнические и национально-государственные — религии, которые распространены в границах определённого государства и/или у определённых народов (индуизм, зороастризм...)

Мировые религии — религии, которые широко распространены во многих регионах мировой цивилизации, не локализованы границами государства и/или народа (буддизм, христианство, ислам).

Новые религиозные движения — религиозные течения, которые считаются не традиционными.

1.2. Современные представления о конфессиональной классификации

В большинстве своём современные классификации религии достаточно схожи, но можно выделить два их типа: *конфессиональные и светские*.

К конфессиональным можно отнести классификации, предложенные С.В. Булгаковым, А.Л. Дворкиным и приведённые в Справочнике по новым религиозным объединениям России *деструктивного и оккультного* характера.

К светским относятся классификации новых религиозных объединений Е.Г. Балагушкина, И.В. Куликова, Д.А. Таевского.

Одним из первых отечественных исследователей, классифицировавших религиозные объединения, был С.В. Булгаков¹. Он делит всё многообразие существовавших в начале XX века религиозных объединений на три большие группы:

1) существовавшие и существующие расколы, ереси, секты, новейшие рационалистические учения;

2) преимущественно философские и некоторые религиозные и другие противные христианству и православию учения, направления и мнения (от теософии до коммунизма);

3) западные христианские вероисповедания (католичество, лютеранство, англиканство т.д.).

Данная классификация имеет определенные недостатки, выражающиеся в том, что, во-первых, многие новые религиозные объединения не подходят по критериям ни к одной из предложенных С.В. Булгаковым групп, а во-вторых, огромное количество современных новых религиозных объединений нуждается в более подробном делении на типы. Так, например, Международное Общество Сознания Кришны как религиозное объединение восточной направленности нельзя отнести ни к одной из групп по классификации С.В. Булгакова.

Наиболее простой способ классификации новых религиозных объединений – алфавитный – был предложен Д.А. Таевским.

Данная им классификация достаточно неудобна для представления целостной картины, однако незаменима при создании словарей и

¹ Сергей Николаевич Булгаков (1871 — 1944) — русский философ, богослов, православный священник, экономист. Создатель учения о Софии Премудрости Божьей, осужденного Московской Патриархией в 1935 г., но без обвинения его в ереси.

энциклопедий. Алфавитный способ имеет один существенный недостаток – при описании конфессий, имеющих множество синонимов или изменявших своё название в течение какого-то времени, создаётся избыточная система взаимных ссылок, прекрасно реализуемая, к примеру, в компьютерных системах представления информации, но усложняющая восприятие при изложении в книге.

Одной из наиболее ранних отечественных светских религиоведческих классификаций новых религиозных объединений является классификация, предложенная Е.Г. Балагушкиным¹. В ней все новые религиозные объединения разделены на две большие группы: «старой» и «новой» (современной) нетрадиционной религиозности.

Данная классификация на сегодняшний день представляется далеко не полной, так как в ней не отражены новые религиозные объединения, появившиеся за последние 20 лет, а также не рассмотрены отечественные новые религиозные объединения.

Следующей классификацией религиозных объединений, согласно Д.А. Таевскому, является типология религий по вероучительным признакам.

Вариант классификации по вероучительным признакам гораздо научен, однако сложен как в формулировках, так и в восприятии. Основная проблема данного способа классификации – отсутствие единой терминологии у религиоведческих и этнографических школ даже в пределах одной страны.

Наиболее частый вариант вероучительной классификации – *деление религий на национальные и мировые, то есть на вероучения, ограничивающие круг потенциальных приверженцев этническими или национальными признаками или снимающие подобные ограничения.*

Подобная классификация исторически преходяща – мировая религия может сформировать ряд этнически ориентированных конфессий или из мировой превратиться в региональную, а национальная религия может распространиться за пределы этнографической общности.

Ещё одну отечественную светскую классификацию новых религиозных объединений разработал современный российский исламовед И.В. Куликов.

Автор выделил следующие 13 групп-критериев новых религиозных объединений:

1. *устойчивые организации и группы (секты);*
2. *сообщества и отдельные адепты вуду;*
3. *группы и сообщества колдунов, магов и экстрасенсов;*
4. *окультные центры; псевдомедицинские группы и окультные целители;*
5. *теософия, антропософия;*
6. *последователи Рерихов и Е. Блаватской;*
7. *астрология и астрологические группы;*
8. *гадалки, прорицатели и их сообщества;*

¹ Евгений Геннадьевич Балагушкин (1931) — советский и российский религиовед, социолог и философ религии. Исследователь нетрадиционных религий и культов.

9. *контактёры и их сообщества;*
10. *психокульты, группы оккультного развития личности;*
11. *масоны и розенкрейцеры;*
12. *религиозно-политические партии и группы оккультной направленности;*
13. *педагогические инициативы оккультно-религиозного характера (или с использованием оккультно-религиозных фрагментов в своей доктрине).*

На основании вышеперечисленных 13 групп-критериев новые религиозные объединения можно отнести к одной из этих групп или в отдельную категорию, соединяющую в себе один или более из 13 признаков-критериев.

Однако даже среди новых религиозных организаций и групп, обладающих несколькими вышеперечисленными критериями, Игорь Куликов выделяет несколько больших групп, как, например, *синкретические религии и секты, экология, оккультизм и язычество, религиозные деструктивные группы восточной ориентации, сатанинские объединения, коммерческие культы.*

Рассматриваемая классификация религиозных объединений, во-первых, выделяет типы только деструктивных религиозных организаций, а не всех религиозных сообществ, действующих на территории России в целом, во-вторых, практически все религиозные новообразования включают в себя два и более из 13 признаков, что делает группы сект достаточно размытыми.

Как пример западной религиозоведческой мысли, можно рассмотреть подходы к классификации новых религиозных объединений французского исследователя Райнера Флаше¹.

Он утверждает, что если взять за её основу принцип происхождения новых религиозных объединений от традиционных религий, то это будет по-своему правильно, ибо важнейшие структурные основы традиционных религиозных систем оказываются преобразованными в новых религиях, но всё же недостаточно позволяют выявить самостоятельность и оригинальность новых религий, так что этот вопрос для науки о религиях представляет определённую трудность.

Недостаточно совершенным, по мнению Р. Флаше, с точки зрения систематизации религий представляется и такой метод дифференциации, в основу которого мог бы быть положен комплекс заявлений, исходящих от того или иного основателя новой религии, или тот характер роли, которую приписывают ему его сторонники и последователи.

Основатели новых религий могут выступать в роли пророков, посланников, рупора божественной идеи, а также в роли святого, мессии или какого-нибудь «царя конца мира». Они могут считать себя носителями божественного духа, обладателями божественного знания и откровения, они

¹ Флаше Р. Новые религии // Религии современности. История и вера / Сост. П. Антес; пер. с фр. – М.: Прогресс, 2001. – С. 249–278.

могут выступать, ссылаясь на такое новое откровение, знание или новую концепцию, они могут чувствовать себя учителями, толкователями или людьми, просто восстанавливающими то, что уже было. Но в любом случае они формулируют новое понимание мира, новую концепцию жизнеустройства.

В отдельную группу Р. Флаше выделяет интеллектуально-синтетические новые религиозные объединения, под которыми он понимает синкретические комбинации элементов традиционных, культуuroобразующих религиозных систем.

Достаточно большую группу классификаций новых религиозных объединений представляют собой классификации, предложенные различными представителями теологии.

Одной из них является классификация, предложенная в справочнике «Новые религиозные объединения России деструктивного и оккультного характера». Согласно данной типологии, выделяется 6 групп деструктивных религиозных объединений:

- деструктивные объединения сатанинской ориентации;
- деструктивные объединения матрицы «экология духа и оккультизм»;
- деструктивные объединения восточной ориентации;
- деструктивные псевдоисламские объединения;
- деструктивные объединения западной ориентации;
- коммерческие культы.

Близкой по содержанию к данной типологии новых религиозных объединений является ещё одна теологическая классификация, предложенная в справочнике «Религии и секты в современной России».

Авторской группой в составе А. Новопашина¹, В. Боброва и др. предлагается разделить все религиозные объединения по следующим типам: традиционные для России религии;

- нетрадиционные религии;
- деструктивные псевдохристианские культы;
- культы, основанные на «Новом Откровении»;
- культы восточного направления;
- теософия,
- оккультизм и группы движения «Новый век»;
- сатанизм и примыкающие к нему культы;
- группы русского неоязычества и ультраправые организации;

¹ Митрофорный протоиерей Александр Новопашин. Настоятель собора во имя святого благоверного князя Александра Невского. Благочинный Центрального епархиального округа Новосибирской митрополии. Родился 1962 г. Официальный консультант по религиозным вопросам ГУ МВД РФ по Сибирскому федеральному округу, а также консультант ГУВД по Новосибирской области и ГУВД г. Новосибирска по вопросам деструктивной деятельности сект и культов. С 1997 года член-корреспондент Петровской академии наук и искусств. С 2002 года — член-корреспондент Европейской федерации центров по изучению современного сектантства (FECRIS), с 2006 года — эксперт аналитической группы «Агентства национальных новостей». Председатель Общественного совета УФСКН по Новосибирской области. Сопредседатель рабочей комиссии ГАК по СФО.

➤ коммерческие культы.

Данная типология религиозных организаций и групп наиболее полно отражает современную религиозную ситуацию в России, рассматривая все религиозные объединения страны в целом, однако характеристики некоторых групп слишком широки, что не позволяет адекватно определить принадлежность того или иного нового религиозного объединения.

1.3. Термины для обозначения религиозных общностей разного иерархического уровня

Вначале несколько слов о самом термине «религия». Этот термин употребляется в научной литературе и публицистике как в широком, так и в узком смысле слова.

- *В широком смысле слова под религией подразумевается один из важнейших элементов духовной культуры человека, выражающий его отношение к божественному, его веру в единого Бога (монотеизм) или нескольких богов (политеизм).*

- *Религия в узком смысле слова (конкретная религия) - это своего рода духовная общность людей, имеющая единое происхождение, характеризующаяся определенной догматической и культовой спецификой и не сводимая к более крупным организациям такого же характера.*

Религия в последнем своем значении имеет иерархическую структуру. Многие конкретные религии часто подразделяются на ветви более низкого таксономического уровня, те, в свою очередь, на подразделения еще более низкого порядка и т.д. Так, человек, придерживаясь христианства, может быть сторонником одной из его ветвей, например протестантизма, принадлежать к такой форме протестантизма, как баптизм, и являться членом одной из баптистских религиозных организаций, предположим Южной баптистской конвенции.

Далее предложены термины для обозначения религиозных общностей разного иерархического уровня.

Общности первого, высшего уровня целесообразно называть, следуя сложившейся традиции, **религиями** (в узком значении этого слова) или конкретными религиями.

Для наименования религиозных общностей следующего, второго иерархического уровня можно использовать термин «**направления**». Это, как правило, крупные, достаточно давно сложившиеся, существенно отличающиеся друг от друга по догматике и культу ветви конкретных религий.

Религиозные общности третьего иерархического уровня можно обозначить термином "**течения**", подчеркивая этим, что для них характерна большая внутренняя близость, чем для направлений.

Четвертый, последний иерархический уровень - **деноминации**, объединяющие религиозные общины, практически не отличающиеся друг от друга по догматике и культу и часто имеющие общие руководящие органы.

Таким образом, в упомянутом выше примере религией будет христианство, направлением - протестантизм, течением - баптизм, деноминацией - Южная баптистская конвенция.

Необходимо отметить, что наличие всех иерархических уровней наблюдается далеко не всегда. Некоторые религии (особенно обладающие сравнительно небольшим числом последователей или возникшие относительно недавно) имеют только один, высший уровень, который представлен единственной существующей деноминацией. Далеко не всегда религии делятся на направления, а направления на течения. С другой стороны, иногда существуют и промежуточные уровни. Так, баптизм как течение имеет более дробные подразделения (баптисты-кальвинисты, допускающие миссионерскую работу, примитивные баптисты, также являющиеся кальвинистами, но не допускающие миссионерской работы, общие баптисты, баптисты седьмого дня и др.), и в нашем примере Южная баптистская конвенция - одна из деноминаций первой группы баптистов.

Число конкретных религий в современном мире весьма ограничено. Если не считать некоторые малочисленные "экзотические" религии (например, недавно "восстановленную" древнюю исландскую политеистическую религию асатруарменн, которую решила принять лишь сотня человек, марийскую языческую религию ошмари-чимари, алтайский бурханизм и некоторые другие), а также множество ограниченных племенными рамками культов Африки, ряда глубинных районов Южной Америки, Северной, Южной, Юго-Восточной и Восточной Азии, Австралии и Океании, то в качестве основных религий могут быть выделены следующие: христианство, ислам, буддизм (эти три религии из-за широты их распространения часто называют мировыми), иудаизм, мандеизм, зороастризм, йезидизм, индуизм, джайнизм, сикхизм, конфуцианство, даосизм, синтоизм. Возможно, к этому перечню следует еще добавить корейский шаманизм.

Впрочем, далеко не все они единодушно признаются религиеведами религиозными образованиями высшего иерархического уровня. Так, мандеизм нередко рассматривается как раннехристианская секта или сильно обособившаяся гностическая секта иудаизма, йезидизм иногда считается ответвлением зороастризма либо сильно отклонившейся мусульманской сектой (последнее явно ошибочно), джайнизм - ветвью индуизма или вариантом буддизма, сикхизм - индуистской сектой.

1.4. Основные религии

Перейдем теперь к определению внутренней структуры ныне существующих религий мира. Наиболее сложный состав, бесспорно имеет самая многочисленная религия мира - христианство (общее число ее последователей составляло в середине 1998 г. 1966 млн. человек). Христианство делится на несколько направлений, однако число и перечень их определяются различными религиеведами неодинаково. Некоторые из них

считают, что существуют только три основных направления христианства: православие, католицизм и протестантизм. Другие же полагают, что англиканство, имеющее как протестантские, так и католические черты, следует выделить в особое, отдельное направление.

Впрочем, такая точка зрения вызывает определенные возражения, так как, несмотря на зримые следы католицизма, англиканство все же, конечно, носит в своей основе протестантский характер: главное значение в спасении человека придается в нем личной вере, Священное Предание отодвигается на второй план по сравнению со Священным Писанием, отвергается почитание святых мощей, отрицается положение о пресуществлении, существенно упрощается культ и т.д.

Из православия нередко выделяют в качестве отдельных направлений монофизитство и несторианство, что, на наш взгляд, имеет достаточные основания, поскольку при очень большой близости в догматическом, культовом и организационном отношении православие (в узком значении этого понятия), монофизитство и несторианство отличаются друг от друга по одному очень важному доктринальному положению о соотношении божественного и человеческого во втором лице Святой Троицы - Иисусе Христе. В этом вопросе православие даже стоит ближе к католицизму и большинству течений протестантизма, чем к монофизитству и несторианству.

Известный работающий в США английский религиовед Д.Б. Барретт в качестве отдельного направления христианства называет еще "небелые туземные церкви" (в основном афро-христианские), что спорно, так как эти церкви (если не считать маргинальных) сравнительно мало отличаются в догматическом отношении от "белых" церквей, из которых они вышли.

Три наиболее значительных направления христианства - **православие, католицизм и протестантизм** - выделили из своей среды, очень сильно обособившиеся от них маргинальные группы. В этих группах были отвергнуты некоторые фундаментальные положения христианства, например, такие как учение о Божественной Троице и положение о строгом монотеизме, предложены наряду с Библией свои особые канонические книги (а порой Библия и вовсе отвергается ими или кардинально переосмысливается).

Особенно много маргинальных ответвлений дал протестантизм, и для коллективного обозначения их был предложен весьма удачный термин "маргинальный протестантизм". Сильно обособившиеся от католицизма и православия ответвления не получили пока в религиоведении специального обозначения, и их по аналогии можно было бы назвать маргинальным католицизмом и маргинальным православием (или, точнее, маргинальными сектами, отколовшимися от католицизма и православия).

Таким образом, в христианстве можно достаточно уверенно выделить пять основных направлений: **православие, католицизм, протестантизм, монофизитство, несторианство**, и три маргинальных направления:

маргинальный протестантизм, маргинальный католицизм и маргинальное православие.

Кстати, в отдельных трудах можно увидеть попытку объединить все маргинальные христианские деноминации, несмотря на их разное происхождение, в одну группу, отделив, впрочем, от нее так называемые "туземные маргинальные церкви"¹.

Большинство направлений христианства делится на течения. Так, внутри православия (в узком значении этого понятия, т.е. без монофизитства и несторианства) помимо основной его ветви, которую можно условно назвать собственно православием, выделяется очень близкое к этой ветви, но все же несколько обособившееся течение - *старообрядчество*. Оно возникло еще в 17 в. в результате произошедшего в Русской православной церкви раскола, когда часть ее не приняла проведенные церковным руководством реформы, касавшиеся в основном некоторых деталей богослужения.

Не совсем однородно и само собственно православие. В его составе выделяются, с одной стороны, 15 автокефальных церквей, взаимно признающих друг друга и поддерживающих братские отношения, с другой - отколовшиеся от них по разным причинам церковные организации, претендующие на самостоятельность, но в большинстве случаев не признаваемые автокефальными церквями.

Среди этих "диссидентских" организаций своеобразное положение занимает группа так называемых "истинно православных", порвавших в 20-х и 30-х гг. 20 в. связь с руководством Русской православной церкви, обвинив его в союзнничестве с атеистической советской властью. Порой "истинно православных" считают даже особым течением внутри православия, что не имеет достаточных оснований, так как вероучение у них осталось неизменным.

В качестве отдельного течения выделяют иногда и православных - сторонников старого календаря - малочисленные группы, отколовшиеся от некоторых из православных церквей, использующих в своей церковной жизни новый (григорианский) календарь. Однако такая позиция тоже вряд ли оправданна, поскольку поддерживающие между собой братские связи автокефальные церкви сами отличаются друг от друга в этом отношении: часть из них придерживается старого календаря, другая - нового.

В католицизме четко выделяются два основных течения: *римский католицизм и неримский католицизм*. Правда, внутри первого существуют так называемые униатские группы (греко-католики с их подразделениями, сиро-католики, марониты, халдеи, армяно-католики, копты-католики, эфиопы-католики), которые, на первый взгляд, тоже можно было бы принять за течения (или течение). Однако это было бы, по-видимому, неверным, так как указанные группы совершенно не отличаются от основной части

¹ 10. Operation World. Grand Rapids (Michigan), 1993. P. 656, a.o.

католиков (католиков латинского обряда) по догматике и поэтому не могут быть названы течениями в полном смысле этого слова.

Что же касается неримских католиков, то этим термином объединяют церковные группы, либо отделившиеся по разным причинам в 18 - 20 вв. от Римско-католической церкви и приобретшие при этом в большинстве случаев некоторые протестантские черты, либо, наоборот, отколовшиеся от англиканства и других течений протестантизма и приблизившиеся к католицизму. Это старокатолики, реформированные католики, консервативные католики, англо-романские церкви, маленькие автокефальные церкви, возглавляемые независимыми епископами (так называемыми *episcopi-vagantes*) и др.

Впрочем, некоторые религиоведы, в том числе упомянутый выше профессор Д.Б. Барретт, считают римский католицизм и неримский католицизм двумя самостоятельными направлениями христианства.

Весьма большое число течений имеется в протестантизме. Например, в работах, выходящих под редакцией Д.Б. Барретта, внутри протестантизма (без англиканства, которое признается самостоятельным направлением христианства) выделяются следующие основные течения: лютеранство, реформатство и пресвитерианство, конгрегационализм, меннонитство, методизм, сальвационизм (Армия спасения и близкие к ней организации), движение святости (перфекционизм), пятидесятничество¹, баптизм, адвентизм, а также группы плимутских братьев (открытых), плимутских братьев (замкнутых), братьев (данкеров), учеников Христа и других реставрационистов, кристадельфиан, квакеров, моравских братьев, вальденсов (последние две группы относятся к "дореформационным протестантам", так как появились задолго до Реформации - соответственно в 1457 и 1173 гг.).

Представляется, что эта группировка, построенная по генетическому принципу, весьма удачна и существенно превосходит все другие имеющиеся классификации. Наши замечания по ней минимальны. Выше уже высказывалось мнение, что англикан вернее было бы рассматривать как одно из течений протестантизма, а не как отдельное направление христианства. Возможно также, что всех плимутских братьев стоило бы считать одним течением, поскольку различия между открытой и замкнутой их ветвями, вероятно, не больше, чем различия между баптистами-кальвинистами (частными баптистами) и общими баптистами (а они даны как одно течение). Желательно было бы также классифицировать классический кальвинизм как одно течение, объединив реформатов и пресвитериан с конгрегационалистами, но выделив при этом каждую из этих трех форм внутри течения.

¹ Признавая пятидесятничество единым течением, Д.Б. Барретт тем не менее выделяет внутри него пять подразделений: пятидесятники двух духовных кризисов, пятидесятники трех духовных кризисов, радикальные пятидесятники, апостольские пятидесятники, пятидесятники-унитарии. Кроме того, он добавляет еще особую сводную группу разных пятидесятников, которые не могут быть отнесены ни к одной из этих групп.

От приведенной классификации существенно отличается классификация, предлагаемая в "Энциклопедии американских религий", которая, на наш взгляд, логически противоречива, поскольку иногда объединяет в одно течение ("семейство") религиозные группы совершенно разного происхождения и сильно отличающиеся друг от друга в догматическом отношении.

Из протестантских "семейств" в ней выделены следующие: лютеранство, реформатство-пресвитерианство (в это течение включен и конгрегационализм), пиетизм-методизм (помимо методистов сюда отнесены также моравские братья и так называемые немецкие методисты), движение святости (куда включена и Армия спасения), пятидесятничество, европейские свободные церкви (эта сводная группа объединяет не только протестантов - меннонитов и близких к ним амишей, а также братьев и квакеров, но и ответвившихся от православия старообрядцев и представителей маргинальных православных сект - хлыстов, духоборцев и молокан), баптизм (вместе с учениками Христа и близкими к ним деноминациями, а также кристадельфианами), движение независимых фундаменталистов (плимутские братья и др.), адвентизм (в состав которого включены явно носящие маргинальный характер группы британских израильтян и свидетелей Иеговы)¹.

Особое место среди течений протестантизма занимают объединенные протестантские церкви, созданные церковными организациями, придерживающимися разных доктринальных позиций. Наиболее охотно идут на объединение методистские и умеренно кальвинистские организации, участвуют в этом процессе также англикане, лютеране, баптисты, ученики Христа, братья, квакеры и некоторые другие протестантские группы.

Помимо объединенных протестантских церквей имеются еще так называемые *межденоминационные*, или *межвероисповедные*, протестантские церковные организации. Они отличаются от объединенных церквей, в частности, тем, что имеют целью не слияние нескольких церквей, а объединение усилий представителей разных деноминаций для выполнения определенных задач, прежде всего для проведения миссионерской работы. Когда от межденоминационных миссионерских обществ отпочковывались "дочерние" церкви, то они также сохраняли межденоминационный характер.

Некоторые из течений протестантизма имеют внутри себя и более дробные подразделения. Ранее уже говорилось о наличии таких подразделений внутри баптизма и кальвинизма.

Несколько четко выраженных групп имеется в пятидесятничестве: пятидесятники двух духовных кризисов (или двух благословений), пятидесятники трех духовных кризисов (или трех благословений), радикальные пятидесятники, апостольские пятидесятники, пятидесятники-унитарии, "неопределенные" пятидесятники, которых трудно отнести к какой-либо из перечисленных выше групп.

¹ 12. Encyclopedia of American religions. 4th ed. Detroit, a.o., 1993. Pp. 85-93.

Меннонитов можно подразделить на собственно меннонитов, амишей и гуттерцев (гуттеритов). В составе же англиканства выделяются, с одной стороны, церкви, входящие в Англиканское сообщество (тесно связанные с Церковью Англии и участвующие в регулярно проводимых в Лондоне Ламбетских конференциях), с другой - церкви, хотя и считающие себя англиканскими, но не принадлежащие к Англиканскому сообществу.

Известно, что в англиканстве выделяют, кроме того, пять ветвей: англо-католическую, евангелическую, а также так называемые высокую церковь, широкую церковь и низкую церковь. Однако границы конкретных деноминаций и этих ветвей пересекаются, и во многих национальных англиканских церквях имеются представители двух-трех, а то и четырех-пяти ветвей.

Течения, хотя и не столь ярко выраженные как в протестантизме, можно обнаружить и в таком направлении христианства, как монофизитство.

Их три: первое представлено армяно-григорианами,
второе – яковитами,
третье - коптами (вместе с эфиопами).

Доктринальные различия между этими течениями, впрочем, очень невелики (по крайней мере гораздо меньшие, чем между большинством течений протестантизма), отличия же в культе несколько более существенны. Гораздо значительнее различия между основными течениями монофизитов, с одной стороны, и так называемой Малабарской сирийской церковью Мар Тума (св. Фомы), отколовшейся от яковитской Православной сирийской церкви Востока, - с другой, поскольку эта церковь осуществила ряд реформ протестантского характера (в связи с чем многие религиоведы вообще считают ее протестантской). Специфика указанной церкви позволяет классифицировать ее как особое реформированное течение монофизитства.

В наименее значительном по числу последователей направлении христианства - несторианстве - течений практически нет.

Что же касается маргинальных направлений христианства, то они отличаются большой разнородностью. Вместе с тем объединяемые ими религиозные общности в большинстве случаев можно лишь условно назвать течениями, поскольку многие из них имеют совершенно разные генетические корни.

Например, понятие маргинальный протестантизм охватывает такие очень далекие друг от друга религиозные группы, как русселиты (свидетели Иеговы и ответвления от этой деноминации), британские израилиты, иудео-христиане, Христианская наука и близкие к ней организации, Церковь объединения (муниты), сведенборгианцы, спиритуалисты (христианского типа), мормоны, унитарии, теософы, гностики, апокалипсисты, филиппинская Церковь Христа, Церковь оливкового дерева (Корея) и др.

Все перечисленные религиозные группы, выйдя из недр протестантизма, имеют, тем не менее, несхожее происхождение и весьма различные учения, и общее между ними (помимо их исторической связи с

протестантизмом) лишь то, что все они далеко отошли от догматических положений протестантизма и христианства в целом.

Из религиозных групп, которые могут быть отнесены, по нашему мнению, к маргинальному католицизму, наиболее известны две: так называемые апостольские католики и либеральные католики.

Первая из них возникла в Великобритании в 1832 г. в протестантской среде, заимствовав некоторые доктрины католицизма, а также приняв ряд положений, не характерных ни для католицизма, ни для классического протестантизма.

Вторая группа, трансформировавшаяся в середине 10-х гг. 20 в. в Лондоне из местной старокатолической организации, известна, прежде всего, тем, что пытается сочетать католическое вероучение с теософией, гностицизмом, магией и оккультизмом.

Наконец, маргинальные ответвления православия представлены так называемыми духовными христианами (хлыстами и отделившимися от них скопцами, духоборцами и обособившимися от них молоканами, а также трезвенниками) и другими группами, вышедшими из недр православия, но далеко отошедшими от него по многим своим догматическим положениям (Основное звено Христа, федоровцы, николаевцы, имяславцы, иннокентьевцы, петровцы, Богородичный центр, толстовцы, иеговисты-ильинцы, субботники и др.).

Вторую по численности последователей религию - **ислам** (1179 млн. человек в середине 1998 г.) часто подразделяют на три направления: **суннизм, шиизм и хариджизм**. Однако хариджизм, имеющий лишь небольшое число сторонников, иногда особым направлением не считают, либо присоединяя его к суннизму, к которому он со временем приблизился, либо объединяя в одну группу с такими сильно обособившимися мусульманскими сектами, как друзы и некоторые другие, а иногда и с йезидами (на самом деле, как уже говорилось, не являющимися мусульманами) в одну сводную группу мусульман-еретиков (неортодоксов). Думается, что такая классификация вряд ли верна, так как хариджизм возник почти одновременно с суннизмом и шиизмом и в целом не так уж обособился от этих двух важнейших направлений ислама.

Особое место в исламе занимает **ахмадие**, которую одни исследователи называют суннитской сектой, другие же, как отмечалось, причисляют к "новым религиям". Хотя сами сторонники ахмадие называют себя мусульманами, мусульмане-ортодоксы категорически возражают против отождествления ахмадийского вероучения со своей религией, и в Пакистане, где ислам имеет государственный статус, последователям ахмадие даже запрещено называть себя мусульманами.

Нам представляется, что было бы правильнее считать ахмадие не сектой суннизма и не одной из "новых религий", а маргинальной мусульманской деноминацией.

Маргинальный характер имеют также образовавшиеся в США группы "черных мусульман" и основанная в 30-х гг. 20 в. в Индонезии синкретическая секта Субуд.

Из направлений ислама наиболее однороден объединяющий сравнительно небольшое число адептов хариджизм, в котором прежде было несколько течений, но в настоящее время осталось лишь одно - ибадизм.

Сложнее обстоит дело с крупнейшим исламским направлением - суннизмом, который в догматическом отношении практически един, хотя и включает четыре богословско-правовые школы, признаваемые одинаково правоверными: *ханафизм, шафиизм, маликизм и ханбализм*.

Считать их отдельными течениями ислама (если подразумевать под течениями несколько отличающиеся в догматическом и культовом отношении ветви) вряд ли было бы правильным. Вместе с тем следует отметить, что внутри двух наиболее консервативных из этих школ - *ханбализма и маликизма* - образовались секты (соответственно ваххабитов и сенуситов), которые заняли еще более жесткие позиции в отстаивании "чистоты ислама".

Шиизм же в отличие от суннизма весьма разнороден. В нем очень четко выделяется несколько порой заметно обособившихся друг от друга течений (часть из них иногда именуют сектами). Это *имамизм* (имамитов часто называют двенадцатниками), *зейдизм и исмаилизм*, а также признаваемые обычно сектами близкие к имамам *шейхиты*, ответвившиеся от зейдитов *нуктавиты* (ноктавиты), вобравшие в свои вероучения многие элементы *исмаилизма* друзы, нусайриты и ахли хакк, остаток разгромленного течения *бабизма* - эзелиты и весьма своеобразные по своему происхождению, доктринам и ритуалу бекташи.

Буддизм (357 млн. сторонников в середине 1998 г.), как и ислам, делят либо на два, либо на три направления. В первом случае выделяют *тхераваду (южный буддизм) и махаяну (северный буддизм)*, во втором - к ним добавляют еще *ваджраяну*, возникшую значительно позже двух других направлений, отделившись от махаяны. Сторонники двучленного деления буддизма включают ваджраяну в состав махаяны. Возможно, к этим направлениям можно добавить еще маргинальный буддизм (или метабуддизм), объединяющий так называемые метабуддийские движения и секты.

Все направления буддизма весьма неоднородны, подразделяясь на значительное число течений, называемых обычно школами, а иногда сектами.

В тхераваде это будут школы Сиам-никая, Амарапура-никая и Раманния-никая в Шри-Ланке, Судхамма, Швегон, Двара-никая, Раманн и иные школы в Мьянме, Тхаммают-никай и Маха-никай в трех других странах Индокитая - Таиланде, Лаосе и Камбодже. Порой к тхераваде относят и японскую школу Рицу, так как в ее вероучении значительное место занимают положения этого направления буддизма.

В махаяне четко прослеживаются следующие основные течения: нарские школы, Тяньтай (Тэндай), амидаистские школы, дзэнские школы, Нитирэн.

Нарскими называют наиболее ранние буддийские школы, проникшие в Японию, - Хоссо и Кэгон, а также отмеченную выше школу Рицу, в вероучении которой больше тхеравадинских элементов, чем элементов махаянистских.

Школа Тяньтай получила широкое распространение как в Китае, так и в Японии (где она именуется Тэндай).

Амидаизм представлен в Японии двумя школами, имеющими большое число последователей, - Дзёдо и Дзёдо син - и двумя сравнительно малочисленными школами - Юдзу нэмбуцу и Дзи.

Дзэн-буддизм занимает сильные позиции не только в Японии (школы Риндзай, Сото и Обаку), но также в Корее (большое число школ, из которых наиболее влиятельна Чоге, заимствовавшая, впрочем, многие элементы амидаизма) и Вьетнаме (ряд школ, крупнейшая из которых Ламте, аналогичная японской школе Риндзай).

Наконец, школа Нитирэн имеет чисто японский характер, и у нее нет аналогов в других странах.

Третье направление буддизма - ваджраяна - распространено преимущественно в странах Центральной Азии (Тибете, Монголии и др.). Основные ее школы Ньингмапа, Кагьюдпа, Сакьяпа (каждая из них имеет по несколько подразделений), Гелугпа (самая многочисленная). Есть одна школа этого направления буддизма и в Японии - Сингон.

Что касается маргинального буддизма, то он представлен в Японии весьма влиятельными метабуддийскими движениями Нитирэн сёсю (на его основе создана имеющая в стране большой политический вес общественная организация Сока гаккай), Рэй ю кай и Риссё косэй кай, в Корее - движением Вонбульгё. К маргинальному буддизму нужно отнести и возникшую в Японии секту АУМ Синрикё. Эта секта, безуспешно попытавшаяся распространить свое влияние и за рубежом, "прославилась" своими террористическими актами, после чего ее деятельность была запрещена как в Японии, так и в ряде других стран.

1.5. «Новые религии», появившиеся в 19 или 20 вв.

Из перечисленных религий, возникших столетия или даже тысячелетия назад, выделяют еще так называемые "новые религии", появившиеся в 19 или 20 вв. и в своем большинстве синтезировавшие в своих вероучениях положения более ранних религий.

Одной из самых известных и распространенных "новых религий" является бахаизм (свыше 6 млн. последователей), сложившийся в исламской шиитской среде в конце 50-х - начале 60-х гг. 19 в. в Иране и впитавший в себя отдельные элементы христианства и некоторых других религий.

Ряд "новых религий" возник в Японии. Наиболее известны из них тэнри (Яп. - "небесный разум") (свыше 2 млн. адептов), вышедшая из недр синтоизма в конце 30-х гг. 19 в. и до сих пор считаемая некоторыми исследователями сильно обособившейся синтоистской сектой, возникшая в 1912 г. в буддийской среде синкретическая религиозная организация, имеющая смешанное англо-японское название РЛ кёдан (около 3 млн. сторонников), а также сэкай кюсэй (около 1 млн. последователей) и сэйтё-но изэ (около 4 млн. приверженцев), отпочковавшиеся в конце 20-х гг. 19 в. от сравнительно малочисленной синтоистской секты Омото и включившие в свое вероучение как самостоятельно разработанные доктрины, так и ряд элементов из других религий.

Появились синкретические религии и секты и в Корее. Старейшая (основана в 1860 г.) и наиболее влиятельная из них - чхондогё - имеет 2,5 млн. адептов.

Есть "новые религии" и во Вьетнаме. Это возникшая в 1919 г. каодай (2 млн. приверженцев), представляющая собой синтез буддизма и христианства с некоторыми элементами конфуцианства и даосизма, и хоахао (1,5 млн. сторонников), основанная в 1939 г. и представляющая собой попытку реформирования тхеравадинского направления буддизма.

Следует еще упомянуть синкретические секты Сянгана (Гонконга), в которых причудливо переплелись конфуцианство, даосизм, буддизм, христианство и ислам (Тянь дэ шэн хуй, Всемирное общество красной свастики и др.).

"Новые религии" возникали не только в азиатских странах, но также в Америке и Европе. Так, в середине 20 в. в США сложилась так называемая Церковь саентологии (в настоящее время имеет свыше 8 млн. членов более чем в 100 странах), претендующая на способность дать своим адептам скрытое от большинства людей эзотерическое знание и улучшить их психическое здоровье.

"Новой религией" порой называют и Новый век, хотя на самом деле это скорее не единое религиозное учение, а совокупность широко распространившихся в США и некоторых странах Европы довольно разнообразных религиозных верований, приемлющих идеи оккультизма и не признающих резкую грань между Богом и человеком .

Иногда к "новым религиям" относят и другие культы синкретического типа: агама Джаву на Яве, синтезировавшую ислам, индуизм, буддизм и местные верования, агама Джава-Сунду, распространенную на западе того же острова и включившую в свое вероучение элементы католицизма, ряд индейских культов (пейотизм, шейкеризм и др.), афро-христианские культы негров Америки (Сантерия, Вуду, Умбанда т.д.) и некоторые иные верования.

Общая численность последователей "новых религий" превышает 112 млн. человек.

Нередко термин "новые религии" понимают еще более расширительно, подводя под это понятие и ряд маргинальных протестантских деноминаций

(мормонов, мунитов и даже свидетелей Иеговы), метабуддийские секты (Нитирэн сёсю, Рэй ю кай, Риссё косэй кай), неоиндуистские секты (Трансцендентальную медитацию, Ананда марг, Брахма Кумарис, Миссию божественного света, Международное общество сознания Кришны и др.), сильно обособившуюся мусульманскую деноминацию ахмадие и т.д.

1.6. Иерархическая структура немировых религий

Сложная иерархическая структура характерна и для многих немировых, региональных религий. Так, в иудаизме (15 млн. последователей в середине 1998 г.), кроме основного направления, которое мы условно назовем собственно иудаизмом, можно выделить и такие неортодоксальные направления, как сектантский иудаизм и маргинальный иудаизм.

В собственно иудаизме, в свою очередь, имеются несколько ветвей: традиционно-ортодоксальная, или миснагедская, хасидская, консервативная, реформистская, реконструкционалистская. Сектантский иудаизм представляют секты караимов и самаритян, а возможно, и так называемая группа геров, которая отделилась от вышедшей из недр православия секты субботников. Наконец, к маргинальному иудаизму следует, по-видимому, отнести сохранившиеся вплоть до настоящего времени криптоиудаистские секты, прежде всего секту Дёнме в Турции, а также секты черного иудаизма и мессианского иудаизма.

Три другие религии Ближнего Востока - мандеизм, зороастризм и йезидизм, - вероятно в силу своей малочисленности (соответственно 45 тыс., 190,5 тыс. и 300-500 тыс. последователей в 1996 г.), не имеют четко выраженных подразделений. Следует вместе с тем отметить, что зороастризм уже много веков назад разделился на две территориальные группы: гебров в Иране и парсов на индийском субконтиненте.

Третью по численности приверженцев религию мира, не называемую, однако, в силу территориальной концентрации ее адептов мировой, - индуизм (767 млн. сторонников в середине 1998 г.) - обычно подразделяют на два или три основных направления: вишнуизм и шиваизм или вишнуизм, шиваизм и близкий к последнему шактизм. Впрочем, следует при этом учитывать, что индуизм - скорее не единая религия, а совокупность религиозных систем, связанных общим происхождением и обладающих некоторыми общими чертами. В связи с этим в каждом направлении индуизма имеется большое число местных культов. Подразделяются эти направления и на различные течения. Например, в вишнуизме есть течения рамаизма, кришнаизма и др. В шактизме четко выделяются две школы: Вамачара и Дакшиначара.

Указанные три главные направления индуизма охватываются понятием санатана. Однако наряду с ними существует также и сектантский индуизм, в котором различаются два направления: реформированный индуизм и маргинальный индуизм (называемый обычно неоиндуизмом). Если в сектах первого из них индуистские доктрины не претерпели в большинстве случаев

коренного изменения, то в сектах второго были приняты положения, порой сильно отличающиеся от ортодоксальных индуистских догм.

Среди сект реформированного индуизма отметим Шанкарачарью, Кабирпантх, Брахмо самадж, Арья самадж, Миссию Рамакришны, среди сект маргинального индуизма - Трансцендентальную медитацию, Ананда марг, Центр Шри Чинмоя, Международную коммуну санньясинов, Общество божественной жизни, Брахма Кумарис, Тантра сангху, Международное общество сознания Кришны, Миссию божественного света.

Другая сложившаяся в Южной Азии религия - джайнизм (4,9 млн. приверженцев в 1996 г.) - имеет два сформировавшихся еще в 1 в. по Р.Х. подразделения, называемых обычно сектами, но фактически являющихся направлениями: дигамбара и шветамбара. Ответвлениями дигамбары являются секты Висапантхи и Терапантхи. Шветамбара разделилась на секты Муртипуджак, Штханакваси и Терапантхи (наименование совпадает с названием одной из сект дигамбары).

Еще одна южноазиатская религия - сикхизм (23 млн. приверженцев в середине 1998 г.) - также четко делится на два основных направления: ортодоксальное - хальса, или кешдхари, и сектантское - сахаждхари, или нанакпантхи (секты Удаси, Ниранкари, Намдхари, Бандаи, Бхасауриа и др.).

Две религии, возникшие в Китае, - конфуцианство и даосизм - образуют в этой стране вместе с внедрившимся извне буддизмом сложную поликонфессиональную систему, при которой один и тот же человек часто одновременно исповедует две и даже три религии. В связи с таким положением очень трудно определить как численность каждой из распространенных в Китае религий (по приблизительной оценке, в 1996 г. в стране насчитывалось 221 млн. человек, вовлеченных в китайскую поликонфессиональную систему), так и сектантскую структуру каждой из китайских религий.

В конфуцианстве от традиционных форм этой религии достаточно четко отличается обновленный ее вариант - неоконфуцианство.

Для даосизма же характерно большое число сект, среди которых значительным влиянием пользуются секты Учение совершенной истины и И гуань дао.

Явление поликонфессиональности имеет место и в Японии: большинство японцев так или иначе связаны с обеими основными религиями страны - буддизмом и синтоизмом. Это, естественно, вызывает большие затруднения при определении численности последователей отдельных религий. Как буддийская, так и синтоистская статистика называют своими адептами большую часть жителей Японии, что не так уж далеко от истины, поскольку при наблюдаемом в стране феномене поликонфессиональности большинство японцев в разные периоды своей жизни имеют какие-то связи с обеими религиями. Тем не менее при социологических опросах основная масса жителей Японии все же отдает предпочтение буддизму, и наиболее ревностных сторонников синтоизма насчитывалось в 1996 г. лишь 2,9 млн. человек.

Синтоизм обычно подразделяют на два главных направления: храмовый и сектантский. Синтоистских сект очень много: Фусо, Дзикко, Идзумо оясиро, Синто тайсэй, Синсю, Онтакэ, Синри, Куродзуми, Мисоги, Синто тай, Синто сюзэйха, Омото, Конко и др.

Особо следует сказать о корейском шаманизме. Эта насчитывающая тысячелетия исконная религия корейцев, которая сильно отличается от распространенных в родоплеменных обществах примитивных форм шаманизма, до сих пор хорошо сохранилась в Корее, несмотря на проникновение туда буддизма, конфуцианства и христианства. Примечательно, что шаманизм оказался значительно более стойким, чем перечисленные выше религии, к тем гонениям на верующих, которые были предприняты северокорейским коммунистическим руководством.

Помимо указанных выше конкретных религий с их многочисленными направлениями, течениями и деноминациями, в современном мире, и в первую очередь в Африке к югу от Сахары, сохранились также так называемые традиционные верования. В 1996 г. их исповедовало 103 млн. человек. Они представлены тысячами родоплеменных культов, каждый из которых по-своему уникален. Эти местные культы порой весьма сильно отличаются друг от друга и не поддаются строгой классификации. Во встречающемся в религиоведческой литературе подразделении традиционных верований на тотемизм, магию, анимизм, аниматизм, нагуализм, фетишизм, шаманизм (в его примитивной, первобытной форме), культ природы, промысловые культы, культ предков-покровителей, культ племенных вождей и т.д. речь идет не о классификации самих конкретных родоплеменных культов, а о формах верований, наиболее часто являющихся их составными элементами.

Рассмотрев иерархическую структуру практически всех сколько-нибудь значительных религий мира, мы попытаемся для наглядности представить весь этот материал в виде систематизированного перечня. Помимо указанных в статье религий, их направлений и течений в этом перечне приводится также подавляющее большинство относящихся к различным направлениям и течениям деноминаций, имеющих более 100 тыс. последователей. Если же деноминации, насчитывающие такое число сторонников, в каких-то направлениях и течениях отсутствуют (например, в течениях сведенборгианцев, теософов, гностиков, апокалипсистов), то в перечне даются в таком случае и менее многочисленные деноминации. Что же касается России и стран СНГ, то по ним в приложении указываются не только крупные, но и малочисленные религиозные группы.

ТЕМА 2

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА МЕСТНОМ, ГОСУДАРСТВЕННОМ И МЕЖГОСУДАРСТВЕННОМ УРОВНЯХ

2.1. Роль религии в жизни общества

Место и значение религии в обществе определяются исполняемыми ею функциями, к которым можно отнести регулятивную, воспитательную, мировоззренческую, компенсаторную, коммуникативную, интеграционную, культурную и др.

Безусловно, важнейшей функцией религии является регулирование поведения индивидов, социальных групп. Регулятивная функция религии основывается на аккумулированном ею нравственном опыте многих поколений людей, в сжатом виде выраженном, например, в заповедях, моральных канонах различных религий. Религия не только устанавливает определенные рамки свободы человека, но и побуждает его к усвоению неких позитивных нравственных ценностей, достойному поведению, и в этом проявляется связь регулятивной и воспитательной функций.

Мировоззренческую функцию религия реализует благодаря наличию в ней системы взглядов, отражающих картину мира, сущность человека и его место в мире.

Компенсаторная функция проявляется в том, что религия снимает социальное и душевное напряжение человека, возмещает недостатки или дефицит светского общения религиозным общением. Особенно отчетливо эта функция реализуется в молитве и покаянии, при совершении которых человек переходит от подавленности, душевного дискомфорта к состоянию облегчения, успокоения, прилива сил. В то же время некоторые ученые считают религиозную компенсацию мнимым снятием противоречий, поскольку истинные причины душевного и социального дискомфорта человека не устраняются.

Религия выполняет также коммуникативную функцию, являясь средством общения верующих. Это общение разворачивается в двух планах: в плоскости диалога с Богом и «небожителями», а также в контакте с другими верующими. Общение осуществляется, прежде всего, посредством культовых действий.

Из курса отечественной и зарубежной истории вам известно немало примеров того, как религия может выступать фактором интеграции общества, — достаточно вспомнить роль иерархов Русской православной церкви, например преподобного Сергия Радонежского, в объединении русских земель, борьбе с захватчиками.

Направляя и объединяя усилия отдельных индивидов, социальных групп, религия способствует социальной стабильности или утверждению нового — вспомним, например, роль протестантизма в становлении буржуазного общества. Однако религиозная интеграция имеет двойственный характер: с

одной стороны, религия сближает, с другой — разъединяет, примером чему являются многочисленные религиозные войны и конфликты.

Культурная функция состоит в том, что религия сохраняет и транслирует социальный опыт человечества, являясь неотъемлемой частью культуры человеческого общества, и таким образом, религия является одним из универсальных культурных механизмов регуляции человеческой деятельности. Посредством системы культовых действий она организует повседневную жизнь, в процессе освоения вероучения формирует мировоззрение, побуждает человека задуматься о смысле собственного существования.

В структуре религии обычно выделяют следующие элементы: религиозное сознание, религиозный культ и религиозные организации.

Можно выявить несколько уровней религиозного сознания: массовое религиозное сознание, в котором обычно преобладает эмоциональная составляющая, и рационально оформленное сознание, предполагающее понимание содержания вероучения. Еще более высокий уровень религиозного сознания — богословие (теология), в рамках которого вероучение не только осваивается, но и транслируется, интерпретируется применительно к требованиям времени, защищается от ересей.

Современные ученые-религиоведы выделяют ряд существенных характеристик религиозного сознания.

Первая из них — убежденность в существовании объектов обладающих сверхъестественными свойствами. Из курса истории мы помним, что подобными свойствами наделялись, например, силы природы (солнце, ветер, дождь, гром и т. п.), отдельные предметы-фетиши, души предков.

В развитых религиозных системах, особенно в мировых религиях, основной объект религиозного поклонения — Бог, открывший свое существование человеку. Важно то, что мир священного для верующего реален, он не относится к сфере фантазий.

Следующая характеристика — убежденность в реальности контакта с объектами религиозного поклонения. Этот контакт, как правило, представляется верующему двусторонним. Божество в той или иной мере воздействует на судьбы отдельных людей и целых народов, но и верующий имеет определенные каналы связи с миром сверхъестественного — культовые действия (молитва, жертвоприношение и др.).

Еще одна важная черта религиозного сознания — убежденность в зависимости человеческой судьбы от воли божества, предъявляющего определенные требования к поведению человека и способного привлечь к ответственности за содеянное.

Переживание человеком своей зависимости может принимать диаметрально противоположные формы: от животного страха, вынуждающего к покорности, до просветленного смирения как результата осознания человеком собственного несовершенства, ограниченности своих возможностей.

Религия предполагает также установление добрых отношений человека с объектами поклонения, дающих возможность умилостивить божество, а в случае нарушения божественной воли компенсировать непослушание покаянием или жертвоприношением.

Основными организационными формами религии являются церковь и секты. Церковь представляет собой, как правило, иерархическую религиозную организацию духовенства и верующих, основанную на общности религиозных догматов и культовой системы. Секты — это относительно небольшие по численности, замкнутые религиозные общины, разномыслящие с господствующей церковью.

2.2. Экуменистическое движение

Само «Экуменистическое движение» берет свое начало в протестантизме 19-20-х веков, и было первоначально желанием протестантов, найти некую общую межконфессиональную основу отношений всех христиан. Согласие с этой концепцией Экуменического Патриархата привело в конечном итоге к созданию Всемирного Совета Церквей в 1948 году. Экуменизм, экуменистическим движением называют попытки решить одну из самых больших проблем христианства в истории - проблему разобщенности христианского мира. Иногда слово «экуменизм» употребляется в более широком смысле - как диалог между различными мировыми религиями.

Экуменистическое движение возникло в начале XIX в. Но еще раньше в разные времена и в разных странах католики и православные пытались преодолеть раскол Церкви, который произошел в 1054 г. (в результате разделения Римской империи на два самостоятельных государства образовались два центра христианства - в Риме и Константинополе).

Современный экуменизм - не богословская теория, а результат практического опыта. Протестантские миссионеры, проповедовали в странах Азии, Африки и Латинской Америки. Они считали, что не имеют права «заражать» новообращенных христиан богословскими и историческими спорами, которые вели христиане Европы. Чтобы избежать этого, они решили договориться в практических богословских вопросах между представителями различных миссионерских протестантских обществ. Постепенно пришло осознание того, что «люди по-разному встречают одного Бога». В середине XIX в. стала популярной так называемая теория ветвей. Согласно этой теории, католическая, англиканская и православная церкви - «ветви» одного «дерева», то есть единой Церкви.

Поворотным моментом в истории экуменистического движения стал 1910 г., когда в городе Эдинбург (Шотландия) состоялась Первая всемирная миссионерская конференция. Ее участники осудили прозелитизм - обращение христиан с одной исповедания в другое - как недостойное соревнование между «ветвями» одной матери-Церкви. После Эдинбургской конференции ее инициаторы - представители протестантских деноминаций -

решили начать диалог с представителями поместных православных церквей и католической церковью, однако Первая мировая война прервала эти планы.

Следующей вехой в истории экуменистического движения стал 1948 г., когда в Амстердаме (Нидерланды) состоялась учредительная ассамблея Всемирного Совета Церквей. Официальные делегаты ее представляли сто сорок семь Церквей из сорока четырех стран мира. В Амстердаме не было представителей католической церкви, Московской Патриархии и других поместных православных церквей Восточной Европы. Многие из христиан высказывали опасения, что Всемирный Совет - это попытка создать некую «надцерков» или сформулировать особое учение, обязательное для всех членов этого Совета. Чтобы решить недоразумение, ВСЦ в 1950 выступила со специальным посланием, где было сказано, что цель ВСЦ - «привести Церкви к живому общению друг с другом».

На Амстердамской ассамблеи (первой) было принято проводить всемирные экуменистические форумы раз в семь лет. Следующая ассамблея (Вторая) Всемирного Совета Церквей состоялась в 1954 г. в Эванстоне (США). На Третьей ассамблеи в 1961 г. в Нью-Дели уже присутствовали представители Русской православной церкви. После этого одновременно в Риме и Стамбуле 7 декабря 1965 были торжественно сняты анафемы, которым в 1054 взаимно подвергли друг друга представители Западной (Римской) и Восточной (Константинопольской) церквей. Эти анафемы на протяжении девяти столетий были мрачными символами большого церковного раскола.

2.3. Единая Универсальная Религия

Представления о единстве всех религий, о духовном родстве человечества начинают всё чаще звучать в XX веке — и из уст известных религиозных деятелей, и в научном мире. Но эти представления очень многообразны и имеют под собой совершенно разные основания. Люди, которые являются приверженцами восточных религий, либо симпатизирующие религиям Востока наиболее склонны к диалогу, сближению и даже единению религий. Ярким примером является Китай, в котором уже многие века Даосизм, Конфуцианство и Буддизм не просто мирно сосуществуют, но гармонично слились вместе дополняя друг друга.

Китайцы зачастую и не подозревают что в повседневной жизни используют либо мудрость даосов либо традиции конфуциан. «Религии книги» же, например, которые названы авраамическими, более категоричны к вопросам смешения и истины. Принцип Бог один, а пути к нему разные не удовлетворяет сознанию большинства монотеистов. Иудеи считают себя избранным народом, которому дано единственно правильное откровение, христиане и мусульмане считают, что Иисус Христос и Мухаммад соответственно дополнили учение пророков от Моисея и наиболее правильно его трактовали.

Согласимся, что культовые стороны различных религий многообразны. Религии разнятся и в вероучении — понимании Бога, трактовками мира и человека, концепциями спасения. Но, несмотря на это, всё же можно сказать, что некоторые основные положения присутствуют во всех религиях. В этом смысле сущность многих религий едина, и, пожалуй, нет ни одной, которая не утверждала бы, что человек находится в некотором родстве с Богом (или почитаемыми богами).

Но одни религии, как, например, буддизм, предлагают спасение здесь и сейчас, в этой жизни (Будда в самой первой своей проповеди указал пути к спасению и прекращению страданий). Другие религии относят это событие к будущим временам. А сходство основных религиозных этических принципов и положений настолько очевидно, что приводит многих учёных, теологов, философов к мысли о существовании единой мировой универсальной этики.

То же самое мы можем сказать и об аскетике, которая поразительно похожа в большинстве религий. Являясь выражением естественной религиозности, присущей всей человеческой природе, она открывает для всех людей, приверженцев религии, врата в лучшую и совершенную жизнь.

В этом ключе интересны некоторые примеры представления об истине у некоторых религий. Многие зороастрийцы считают, что в основе каждой религии лежит одна и та же совершенная Истина, Вечная Единая Религия. А возникновение религий они сравнивают с появлением различных цветов, образующихся при преломлении одного и того же чистого и бесцветного луча Истины через призму многочисленных культурных традиций. Индуисты думают, что то, что мы сейчас называем различными религиями, на самом деле только разные названия или ответвления одной универсальной религии. А у суфиев - похожее представление о том, что Истина - источник всех верований и Она как фонтан, который бьёт вверх одной струёй, а ниспадает множеством во всех направлениях и в разное время.

В настоящее время многие религиозные деятели Христианства очень обеспокоены тенденциями сближения и даже объединения всех религий. Диалог между религиями мудрыми христианскими богословами и проповедниками, конечно, поощряется, но синкретизм (смешение религий) их пугает.

Чисто теоретически, государствам выгодно было бы, чтобы не было разных религий, потому что религиозные войны и конфликты слишком весомый вредоносный фактор.

2.4. Религиозный индивидуализм и религиозный плюрализм

Социологический портрет нетрадиционной религиозной веры, содержание которой обосновывал Пауль Тиллих в середине века, дал Р. Белла на базе исследования религии в США, проведенного группой социологов в конце XX в.

Итоги этого исследования представлены в книге «Привычки сердца. Индивидуализм и «коммитмент»¹ в американской жизни». Религия рассматривалась в данном исследовании как один из элементов структуры частной и публичной жизни в США, как один из важнейших способов, с помощью которых американцы включены в жизнь своей общины и общества в целом. Один из важнейших выводов этого исследования: в современном обществе место религии, как и остальных важнейших институтов, существенно изменилось.

Речь не идет об «упадке религии» в обычных показателях уровня религиозности населения страны: американцы жертвуют больше времени и денег религиозным организациям и обществам, чем всем другим добровольным ассоциациям вместе взятым; примерно 40% американцев участвуют в богослужении, по крайней мере, раз в неделю; около 60% всего населения США - члены религиозных организаций. Все эти показатели в Западной Европе и России существенно ниже. Разница такова, что позволяет предположить: на примере Нового и Старого света можно убедиться в существовании двух моделей религии в современном обществе. Обе модели представлены и тут, и там - за океаном. Разница лишь в том, какая модель доминирует.

В обоих случаях можно констатировать, что традиционные представления о божественном, небесном блаженстве и преисподней, наказании и искуплении потеряли былое воздействие на людей, т.е. и там и тут налицо симптомы «кризиса теизма», описанные Тиллихом. Но в одном случае можно наблюдать утрату веры и упадок религии, фиксируемый по внешним показателям, а в другом (у американцев) религия воспринимается если не как главное средство проявления интереса к национальным или даже мировым проблемам, то, как нечто очень важное, по крайней мере, в частной жизни (семьи, местной общины).

Почему такая разница, каковы причины? Ответ можно получить, рассмотрев две вещи: во-первых, о какой религии и, во-вторых, о каком обществе идет речь.

Дюркгейм доказывал, что религия происходит не от веры в сверхъестественное или богов, но от деления мира (вещей, эпох, людей) на священное и светское. В случае если религия переживает упадок, то это происходит потому, что земная сфера священного сократилась, объединяющие людей чувства и эмоциональные связи распались и ослабли... Люди утратили способность поддерживать устойчивые связи, объединяющие их как в пространстве, так и во времени. Следовательно, говоря, что «Бог умер», мы, в сущности, говорим, что социальные связи порвались и общество умерло.

¹ Коммитмент (англ. commitment) — моральная категория английского языка предполагающая: эмоциональную и интеллектуальную преданность какому-либо идеалу, делу, социальной группе социальную активность, участие, трату времени и энергии, вытекающие из этой преданности императивный, самообязывающий характер такой активности.

Религиозная вера, которая была способна удерживать эти связи в прошлом, в том обществе, которого уже больше нет, не способна сделать это сейчас, у нее нет способа справиться с этой задачей в мире господствующей рациональности, плюрализма, индивидуализма. Изменилось общество, и Бог теизма умер.

Возврата к той религии нет, как нет возврата к пройденным историей формам общественной жизни: «В ходе развития и дифференциации современного общества - мы называем данный процесс секуляризацией - социальный мир религии сократился; все больше и больше религия превращалась в личное убеждение».

Но личное убеждение - это необязательно асоциальное. Один возможный случай приватизации религии в обществе современного типа - религия начинает искать опору в этике, в эстетическом субъективизме эмоционального отношения к миру, и когда это удастся, религиозный способ миропонимания утрачивает способность спланировать общество. Функцию приспособления или идентификации берут на себя светские институты: труд, культура. Они решают сегодня те задачи, которые прежде решала религия. Но тем успешнее, что они не разрушают, а берегут и используют религиозное наследие. На Западе - это христианское наследие. На фоне реальных общих проблем спор теистов и атеистов становится беспредметным. В случае если сегодня происходит упадок религии, то это не повод «потоптать на ее костях». Религия - часть того культурного багажа, с которым человечество вошло в третье тысячелетие.

Вот почему сегодняшняя борьба за культуру против фундаменталистского обскурантизма объединила современно мыслящих и ответственных людей. Религия общества, в котором все является предметом выбора.

Для большинства американцев религия - дело индивидуальное, дело личного выбора, совершаемого до и помимо вступления в религиозное сообщество. Им трудно понять традиционную модель церковной религии, предполагающую признание превосходства религиозной общины по отношению к индивиду. Большинство американцев считают, что «человек приходит к своим религиозным убеждениям помимо церквей и синагог». Именно человеческая личность является источником всякого религиозного смысла.

Глубоко верующий американец, как правило, считает, что его отношения с Богом выходят за рамки принадлежности к какой-либо конкретной церкви. В случае если главное в религии - формирование характера и поведения граждан, то все религии могут иметь одинаковую ценность, в случае если они с этой задачей справляются. Важен результат. Свою веру американец отождествляет, прежде всего, с тем, что происходит в его семье и приходе.

На религиозные представления даже американских католиков (для которых церковь всегда имеет больший смысл, чем для остальных) гораздо меньше влияют заявления епископов или даже папы, нежели члены семьи и местный священник. Большинство американцев понимают слово «Бог» более

или менее одинаково, связывая свою веру с принятыми в обществе правилами поведения, моральными принципами, которых придерживаются члены разных религиозных общин.

Будучи приватной на двух уровнях - индивидуальном и местной церкви, на третьем - культурном уровне она является частью публичной жизни. Но на этом уровне собственно христианские, например, представления предстают как одно из возможных проявлений отношения человека к тому, что считается священным. Понимание обязательств перед Богом независимо от церкви определяет на этом уровне понимание религиозным человеком своих социальных и политических обязательств.

Этот вариант религиозной веры очень близок к тому, что Тиллих называет «теизмом за пределами теизма». С такой личностной, но не асоциальной верой связано признание того, что только чрезвычайно сложная институциональная структура гражданского общества, включающая в себя определенный тип семьи, школы и церкви, в состоянии сформировать и поддерживать личность, способную функционировать в мире, где буквально все, вплоть до самых заветных идеалов человека, радикальным образом становится предметом выбора и где возможности сбиться с пути огромны, но также огромны возможности роста.

На этом уровне присутствует то единое измерение религиозной жизни, которое можно назвать гражданской религией, - более или менее согласованная основа для религиозного единства общества, отличительной чертой которого является ярко выраженный плюрализм.

Гражданская религия есть проявление в религиозной сфере того, что в социальной означает умение самого общества заботливо и эффективно культивировать способность людей поддерживать объединяющие их чувства и эмоциональные связи. Эта «национальная вера» со своими секулярными святынями существует не просто рядом со множеством американских церквей. Она создается ими вместе с другими добровольными объединениями американских граждан вокруг общих ценностей всего американского сообщества.

В результате в США успешно сложилось довольно хорошо интегрированное общество на основах, не являющихся по преимуществу этническими или религиозными, на базе ценностной системы, включающей в себя иноверие в разных формах, обеспечивающей, таким образом, универсалистскую веротерпимость и дополненной активистской убежденностью в возможности построения хорошего общества в соответствии с волей Божьей.

Еще одна важная характеристика этой модели - религиозный индивидуализм, придающий большее значение личному опыту, чем упражнению в религиозном благочестии. Возможность для большого числа людей выбирать ту форму религии, которая больше соответствовала их склонностям, привела, прежде всего, к тому, что религиозные сообщества вынуждены были конкурировать на своего рода потребительском рынке, так что их влияние возрастало или падало исходя из меняющихся

индивидуальных религиозных вкусов. По этой причине при всем различии в учении и богослужении большинство церквей в США определяют себя как сообщества, дающие человеку опору.

В американской культуре вовсе не является очевидным для многих верующих ответ на вопрос, является ли церковь необходимым условием их веры, организацией, которая устанавливает системы ценностей, формирует сознание людей и тем самым становится влиятельной силой в их жизни, действительным авторитетом, или это организация, необязательная для христианина, без которой можно обойтись или даже предпочтительней обходиться.

Для религиозного индивидуализма критика институциональной религии или церкви как таковой более типична, чем критика тех или иных религиозных представлений. В результате религиозный индивидуализм в США не мог быть включен в рамки церквей при всем их многообразии. Для религиозных индивидуалистов типична позиция: «В каком-то смысле я религиозен, но ни к какой конфессии я не принадлежу». Внецерковная религиозность приобрела очень внушительные масштабы, но и она включена в то единство, поддерживаемое в качестве гражданской религии, смысл и назначение которого состоит, по сути, в том, чтобы включить самых разных членов общества в признаваемый справедливый социальный порядок.

Религия в том виде, в каком она сложилась в США, на протяжении всей американской истории играла важную роль в общественных движениях. Люди стремились действовать, руководствуясь своей верой, и занимали четкие позиции в главных этических и политических вопросах своего времени. Эти позиции чаще всего не были едиными, но, развязывая полемику, привлекали внимание общества к важным вопросам. Движения, подобные «социальному евангелизму», в значительной степени способствовали смягчению худших проявлений раннего промышленного капитализма (чего нельзя сказать, к сожалению, об организованной религии в России 90-х гг. XX в.).

Самым значительным общественным движением, вдохновлявшимся религиозными идеалами и изменившим сам характер американского общества, было Движение за гражданские права негров, которое возглавил пастор баптистской церкви Мартин Лютер Кинг.

В современном мире можно выделить два русла религиозного развития в двух разных его областях: в развитых западных странах и в развивающихся. Выше рассмотренные характерные черты религиозного развития в США можно оценивать как парадигматические для большинства наиболее развитых западных стран. Они знаменуют собой сдвиг, который, используя терминологию Р. Беллы, можно охарактеризовать как переход от «раннесовременной религии» к «современной».

Это страны с высоким уровнем благосостояния и образования. Хотя социальные проблемы борьбы с нищетой и несправедливостью остаются, хотя в политике остаются конфликты, связанные с борьбой за справедливое распределение власти, для этих обществ на первый план выходят

социокультурные проблемы, связанные с тем, что многие прежние ценности устарели (наследственные привилегии, классовая и этническая принадлежность), проблематичной остается мотивационная основа солидарности, а главное - ее интеграция с нормативной структурой.

Пытаясь распознать, какую форму примет религия в «постсовременном» мире, американские социологи связывают ее будущий облик с масштабной социально-культурной трансформацией, означающей появление нового общества, которое должно функционировать на уровне, отличном от тех, что привычны нашей интеллектуальной традиции: оно должно выйти за те пределы, где правят политическая власть, богатство и факторы, их порождающие, и подняться на уровень ценностных приверженностей и механизмов влияния. Такому обществу не подходят уместные на предыдущих стадиях категорические религиозные и идеологические формулировки со сравнительно простыми мировоззрениями и непосредственной установкой к действию.

Религиозные группы больше не могут принимать на веру традиционные обязательства. Это общество нуждается в не dogматических системах мысли с высоким уровнем самосознания. Символическая структура «раннесовременной» религии распадается, ей на смену приходит новая.

А. Шюц описал это общество как включающее множественность миров в сложной сети взаимоотношений между человеческим «я» и реальностью. Главная разновидность религии в таком обществе имеет личностный и индивидуалистский характер (но отнюдь, как мы видели, не асоциальный и не аполитичный). Конечно, даже в самых развитых обществах присутствуют и другие религиозные ориентации вплоть до самых архаичных. Но при всем религиозном плюрализме в данном обществе получает развитие в качестве единого измерения религиозной жизни гражданская религия, основа для религиозного единства.

Другая религиозная ситуация в большинстве развивающихся стран, в которых религия вовлечена в процесс модернизации, ломающий религиозные и этические убеждения людей, не принадлежащих к западному миру, и ставящий перед ними проблему защиты собственной самобытности. Западной культуре и христианству противопоставлялись местные традиции - ислама, индуизма, конфуцианства.

Реакцией на вызов Запада стал фундаментализм. При этом использование традиционных религиозных символов и образцов для осмысления личных и социальных действий привело к серьезному кризису. Объективно здесь назрела крайне важность сдвига от «исторической» к «раннесовременной» религии, от преимущественно потусторонних к преимущественно посюсторонним религиозным интересам и установкам, способным эффективно направить мотивацию на мирские сферы жизни и укрепление солидарности и единства, на признание роли самостоятельной ответственной личности, выработку добровольных организационных форм.

Оборонительно-фундаменталистская позиция должна была сочетаться со стремлением к переменам. Часто перемены представлялись как возвращение

к более чистому состоянию дозападной традиции (ислама, индуизма, конфуцианства), хотя, по существу, были направлены на приспособление к современному миру. Большая часть эмоциональной и умственной энергии направляется здесь на решение насущных экономических и политических проблем, и наиболее подходящими для этих целей являются обращенные к массам простые мировоззрения с четкими императивными установками к действию.

Как во времена европейской Реформации, сдвиг от традиционной религии к раннесовременной (в Европе это был протестантизм) сопряжен с сопротивлением реформам со стороны традиционалистов и фундаменталистов, как правило, имеющих массовую опору в сельских местностях, в городских низах с низкой религиозной культурой. Образованию добровольных ассоциаций противостоит стремление замкнуть религию в этноконфессиональную общность и дистанцироваться от всякого инаковерия из страха перед современным миром – «Западом», стремление к самоизоляции, подавлению всяких ростков плюрализма религиозных позиций во имя неплюралистического единства общества на общей религиозной ценностной основе, очищаемой, как правило, от «новомодных» искажений. Фундаментализм - это не просто стремление защитить традицию, это стремление преодолеть модернизацию и секуляризацию.

Это объясняет, почему в XX в. преобразования во многих странах вдохновлялись не религиозными идеями, а наоборот – шли под антирелигиозными лозунгами (Россия, Турция, Китай и др.). После Первой мировой войны религия понесла весьма ощутимые, но все же временные потери. Религия сумела уже во второй половине XX в. упрочить свои позиции, включившись в движение за национальное освобождение и возрождение во многих регионах (Индия, арабский Восток, Израиль и т.д.). Религиозные организации включились в деятельность, направленную на решение насущных проблем современности (экология, апартеид, антивоенное движение и др.).

Сегодня религия получила возможность вступить в диалог с миром, судьбы которого зависят от нравственной состоятельности человеческого сообщества перед лицом стоящих перед ним глобальных проблем. Такой диалог делает возможным то обстоятельство, что в базе своей культурные ценности, разделяемые большинством современных религий, - это такие общечеловеческие ценности, как любовь, мир, надежда, справедливость. При этом политическая, социальная и культурная направленность конкретных религий и религиозных движений весьма различна.

С одной стороны - ориентация на возрождение традиционных ценностей как реакция на вызов современности, политическую нестабильность и социальные потрясения.

Такова, к примеру, направленность протестантского фундаментализма 1970-80-х гг. в США, выступавшего за буквальное понимание Библии, традиционные моральные ценности, монопольное право религии на руководство духовной жизнью общества.

Приверженность определенных слоев населения традиционным формам религии, как можно видеть на примере исламского фундаментализма, является реакцией на болезненные процессы модернизации традиционных обществ. Религия в таком виде символизирует приверженность своих последователей политическим или культурным моделям прошлого. Религиозный фундаментализм в социальном плане деструктивен.

С другой стороны - религиозное сознание, открытое контактам с другими религиями (межрелигиозному диалогу, экуменизму) и светскому гуманизму. Эта тенденция созвучна духу «планетарного сознания», этики общечеловеческой солидарности, преодолевающей те традиции, которые разъединяют и противопоставляют людей.

Обновление религии в современном мире возможно лишь на пути обретения нового опыта в условиях глобализации. Жизнь всех людей на Земле сегодня связана в единое целое технологией, средствами коммуникации и транспортной связи, межконтинентальной сетью научных и информационных связей, торговлей и промышленностью, общими угрозами, ставящими под сомнение дальнейшее существование человечества. При этом процесс глобализации внутренне противоречив.

Взрыв этнического самосознания в наши дни свидетельствует о страхе перед нивелирующими тенденциями глобализации, международный терроризм - о глубине и остроте конфликтов, сопутствующих глобализации.

В случае если наиболее важным фактором, от которого зависит судьба мирового сообщества, являются человеческие качества населяющих землю миллиардов людей, то будущее религии зависит от того, в какой мере должна быть социально значимым ее вклад в поиски ответа на вопрос, что значит быть человеком в мире, в каком мы сегодня живем.

2.5. Религиозная дискриминация

Понятие «дискриминация по признаку религиозной принадлежности». Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений (1981) дает определение нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений. Это означает любое различие, исключение, ограничение или предпочтение, основанное на религии или убеждениях и имеющее целью или следствием уничтожение или умаление признания, пользования или осуществления на основе равенства прав человека и основных свобод.

Формы проявления дискриминации.

Как и любая другая форма дискриминации, религиозная дискриминация основывается, прежде всего, на преследовании меньшинств и нетрадиционных религий религиозным большинством. Принуждение к религиозному однообразию приобрело повсеместный характер.

Если вкратце рассматривать ситуацию с правами верующих и проблему их дискриминации в глобальном аспекте, то можно привести следующие вопиющие примеры.

В Китае, в результате широкой государственной кампании по принудительной регистрации религиозных групп, многие религиозные лидеры оказались в тюрьме и в некоторых случаях подверглись избиению.

В Пакистане толпы мусульман разрушили христианские церкви, а немусульмане были приговорены к смертной казни за богохульство или «анти-ислам».

В Саудовской Аравии суннитское правительство продолжает запрещать под страхом штрафа или тюремного заключения все немусульманские богослужения.

Правительство ФРГ, начиная с 1997 г., обеспечивает надзор за церковью Саентологии. Это означает, что правительство может проверять почту данной организации, прослушивать телефонные разговоры и направлять своих агентов на собрание церкви.

В Судане правительство продолжает агрессию против своих противников в южных регионах страны, бомбя деревни, забирая в рабство детей, подвергая пыткам священнослужителей, особенно христиан.

В Бирме правительство откровенно ничего не предпринимает, чтобы остановить беспорядки и разрушения мечетей и магазинов, принадлежащих мусульманам. Более того, солдаты приказывают мусульманам принять буддизм или покинуть страну.

Франция приняла противоречивый «антисектантский» закон, объявивший 173 религиозных меньшинства опасными для национальной безопасности, и включающий специальные положения по их роспуску за неприемлемое поведение.

В Афганистане в августе 2001 г. режим талибов арестовал 8 человек, включая двух выпускников Бэйлорского университета, за попытки обратить мусульман в христианство.

В Российской Федерации, как сообщается Уполномоченным по правам человека в РФ, случаи дискриминации связаны с одновременным нарушением других прав верующих и связаны с:

- отказом в регистрации религиозных объединений;
- непредоставлением земельных участков под строительство культовых зданий и иных объектов религиозного назначения;
- волокитой или отказом в передаче (или возвращении) ранее изъятых в административном порядке культовых зданий и церковного имущества;
- отторжением у общин вновь построенных или приобретенных ими строений;
- превышением полномочий сотрудниками правоохранительных органов;
- недопущением служителей культа к посещению учреждений системы исполнения наказаний;
- проведением публичных мероприятий, организуемых некоторыми религиозными (или общественными) объединениями, с требованием

запретить законную деятельность других религиозных (общественных) объединений;

- публикациями в СМИ материалов, содержащих заведомо ложную или непроверенную информацию, ведущую к разжиганию религиозной розни и нетерпимости.

Запрет дискриминации по признаку религиозной принадлежности в законодательстве зарубежных стран.

Запрет дискриминации по признаку религиозной принадлежности в той или иной форме закреплен в законодательстве практически всех стран мира, при этом закрепление осуществлено на самом высоком уровне – на уровне Конституций государств. Речь идет не только о европейских, «цивилизованных» государствах, с устоявшейся демократией и богатыми демократическими традициями, но и о таких странах, которые не были «замечены» среди активных сторонников прав человека.

Так, например, подавляющее большинство исламских государств на уровне своих конституций закрепляют равенство прав и свобод граждан, а также запрет на дискриминацию, в том числе, на основании отношения к религии. К таким государствам относятся Ирак, Оман, Алжир, Чад и др.

И только несколько государств в мире, в которых Ислам является официальной религией, отходят от принципа равенства граждан по признаку принадлежности к религии. Так, например, согласно Конституции Туниса только мусульманин может быть президентом Туниса. Такое же требование закреплено в конституциях Пакистана и Сирии. В некоторых исламских странах требуется, что бы при вступлении в должность произносилась клятва на Коране.

Вышесказанное подтверждает гипотезу, что сам факт закрепления принципа недискриминации по религиозному признаку на уровне конституции государства не означает отсутствия дискриминации на практике.

Законодательство Европы. Именно Европа в эпоху Просвещения положила начало новой политике в области государственно-церковных отношений, признанию права на свободу совести, отделения церкви от государства, заменив веками практиковавшуюся модель государственной церкви - *cuius regio, eius religio* (кто правитель, того и религия).

Для того, чтобы лучше понять предпосылки и условия существования дискриминации на основе религии в современном мире необходимо иметь представление об основных моделях взаимоотношений государства и религиозных организаций.

В настоящее время в западной Европе представлены три основные мировые модели таких взаимоотношений:

- кооперационная,
- сепарационная (отделительная),
- идентификационная.

Кооперационная модель предполагает сотрудничество государства и ряда религиозных организаций в форме объединения деятельности (кооператива)

в каких-либо сферах. Предполагается, что, обладая наиболее полной информацией о соответствующей сфере общественных отношений и имея реальные рычаги влияния на религиозные объединения, государственные органы могут оптимальным образом сотрудничать с избранными конфессиями. Например, такая модель существует в Австрии, Бельгии, Германии, Португалии, Испании, Италии, Швеции.

Так, в Германии религиозные объединения имеют статус субъекта публичного либо частного права. Статус субъекта публичного права предполагает льготное налогообложение или даже полное освобождение от налогов, право на взимание церковного налога, на обучение религии в государственных школах и т.д.

Политика сотрудничества государства и церкви получила широкое распространение в странах Европы по причине взаимной выгоды и для государства при решении социальных проблем, и для церкви, становящейся признанным институтом особого рода в гражданском обществе. В современной Европе очевидна тенденция к повышению роли кооперации в государственно-церковных отношениях, а стало быть, модели нейтралитета, которую в силу ее распространенности на европейском континенте не случайно называют европейской. На основе принципа отделения и при отсутствии государственной религии (церкви) реализуется легитимное сотрудничество государства и религиозных организаций.

Сепарационная (отделительная) модель государственно-конфессиональных отношений не предусматривает сотрудничества, но обозначает четыре функции светского государства в религиозной сфере:

1. контроль за соблюдением принципа отделения религиозных организаций от государства во всех сферах;
2. правовое регулирование создания, деятельности и ликвидации религиозных объединений;
3. регистрация религиозных объединений, контроль за соблюдением ими законодательства;
4. защита прав верующих и их объединений.

Такая модель исторически сложилась во Франции, Нидерландах, Ирландии.

Идентификационная модель - построена на отождествлении государства и религиозного института. (Такая модель присутствует в Великобритании, Дании, Греции, Люксембурге). В ее рамках христианские богословы разработали три варианта государственно-церковных отношений:

1. цезарепапизм (когда государство выступает от имени церкви),
2. папоцезаризм (когда церковь выступает от имени всего государства)
3. симфония властей.

Для нас особый интерес представляет последний вариант, поскольку именно этот вариант рассматривается Русской православной церковью как идеальный, хотя в реальности современную государственно-церковную

ситуацию в России очень сложно отнести к какой-либо модели в чистом виде.

Итак, симфония властей — православный (сформированный в Византийской империи) принцип взаимоотношений между церковной и светской властью, заключающийся в том, что светская и церковная власти находятся в состоянии согласия (гармонии) и сотрудничества (синергии), по аналогии с Божественной и человеческой природой Христа, «нераздельны и неслиянны». Притом, церковная власть считается «божественной», а светская — «человеческой».

Согласие выражается, прежде всего, в признании этими властями друг друга в качестве суверенных исторических субъектов, действующих каждый в своей сфере на общее благо. Эти сферы соответствуют разделению жизни человека и человеческого общества на внешнюю (материальную) и внутреннюю (духовную). Благом же считается вечное спасение членов церкви и граждан государства.

Возвращаясь к анализу ситуации с религиозными правами в западной Европе, следует отметить, что проблема социального статуса становится все актуальней для церкви.

Если на протяжении веков основное внимание уделялось правам религиозной организации, корпоративному праву, то в современную эпоху приоритет отдается праву индивида. Тем самым обостряется вопрос о статусе церкви как организации и ее правах в общественном устройстве.

В настоящее время в европейских странах отсутствует общепринятое, четкое определение понятия «церковь». В результате существуют отличия в практике признания той или иной организации религиозной, и, как следствие этого, определенные ограничения в предоставлении тех или иных прав.

Например, в Италии «Свидетели Иеговы» и церковь Саентологии признаны религиозными организациями.

Во Франции «Свидетели Иеговы» таковыми не признаны.

Саентологи не признаны религиозной организацией в Германии. Отсутствие единого понятийного аппарата порождает проблему необходимости различения социального и религиозного аспекта в деятельности церкви, что, в свою очередь, влечет за собой отличие и в сфере предоставления тех или иных прав.

В правовой сфере заявляет о себе проблема ограничения религиозной свободы, прозелитизма, особенно в процессе распространения новых религиозных движений и их отношения к государственному порядку. Сложность решения проблемы унификации заключается в том, что по природе своей государственно-церковные отношения весьма консервативны, очень тесно связаны с традицией, которая, в свою очередь, является одним из источников церковного права.

Что касается вопроса влияния перечисленных выше моделей государственно-церковных отношений, то необходимо отметить следующее. Независимо от той или иной модели, принятой в каждом конкретном государстве существует своя система иерархии религий, также порождающая

дискриминацию граждан и религиозных объединений по признаку принадлежности к той или иной религии. Это особенно касается Австрии, Бельгии, Дании, Германии, Греции, Италии, Португалии и Испании.

Обычно иерархия состоит из трех уровней.

На первом месте стоит так называемая государственная религия. Признаками государственной религии являются:

- государственное финансирование всех ее расходов;
- государственные чиновники осуществляют управление делами церкви;
- только священники государственной религии имеют право вести службы в тюрьмах, образовательных учреждениях;
- только священники государственной религии приглашаются на официальные государственные мероприятия;
- руководство государственной религии активно вмешивается в дела государства и пр.

Такой статус имеет, например, Лютеранская церковь Норвегии. В параграфе 2 Конституции Норвежского Королевства сказано, что все жители государства обладают свободой религиозной совести.

Евангелическо-лютеранская религия является официальной государственной религией. Исповедующие ее жители обязаны воспитывать в ней своих детей. Далее, указывается, что Король должен всегда исповедовать евангелическо-лютеранскую религию, оказывать ей поддержку и покровительство. В параграфе 27 установлено, что Член государственного совета, не исповедующий официально государственную религию, не участвует в обсуждении вопросов, которые касаются государственной церкви и т.д. При этом необходимо учитывать, что в 2006 году синод Норвегии принял историческое решение об отделении церкви от государства (в Швеции подобное решение было принято в 2000 году). Поправки в Конституцию предполагалось внести до 2013 года.

Конституция Греции устанавливает, что господствующей в Греции религией является религия Восточно-Православной Церкви Христовой.

На втором месте, после государственной религии идут так называемые «традиционные» религии и конфессии. Например, Параграф 83 Конституции Финляндии выделяет Евангелическо-Лютеранскую Церковь в качестве главной религии с точки зрения предпочтений государства: «Организация евангелическо-лютеранской церкви и управление ею определяется законом о церкви. Что касается других, уже существующих религиозных обществ, то в отношении них действует то, что установлено или будет установлено. Основание новых религиозных обществ разрешается при соблюдении по этому вопросу закона». Соответственно к роли традиционной религии в Финляндии относится Православие.

На третьем месте находятся «нетрадиционные» религии и конфессии или так называемые «новые религиозные движения». К таковым относятся религиозные движения, впервые возникшие в последние 100-150 лет, основы вероучения которых не соотносимы методологически ни с одной из

известных традиционных мировых религий. К такого рода движениям могут быть отнесены, например, сайентология, Международное общество сознания Кришны и некоторые другие.

Такая система категоризации религий порождает системные формы дискриминации. По решению государства религиозные общины «низких категорий» могут быть, например, лишены государственных субсидий или налоговых привилегий, им запрещают преподавать религию в школах и учреждать официально аккредитованных капелланов в государственных учреждениях, таких как тюрьмы, больницы и вооруженные силы. Во многих случаях на такие группы навешивали ярлык вредоносных «сект» или «культов», и против них предупреждали государственные и частные органы, финансируемые или поддерживаемые из госбюджета.

Кроме того, необходимо подчеркнуть, что в некоторых странах отдельные религиозные общины подвергались дискриминации со стороны государства, в частности, в получении доли государственного финансирования, хотя они были разрешены государством и отнесены к высшей категории. Последнее из этого ряда, но не менее важное, то, что в некоторых странах атеисты, агностики, неверующие и члены религиозных меньшинств не имеют никакого выбора, кроме как участвовать, посредством своих подоходных налогов, в финансировании разрешенных государством религий.

В процессе вступления в Европейский Союз некоторые государства подверглись критике за то, что их религиозное законодательство не соответствует международным стандартам. В частности, Румыния практически полностью позаимствовала закон о религиях из австрийского законодательства и в итоге оно стало еще более жестким, чем было ранее: в настоящее время для каждого нового заявителя – религиозной общины требуется период ожидания (12 лет против 10 в Австрии) и членство в ней 0,1 процента от населения Румынии (т.е., более 22 000 сторонников веры по всей стране против 16 000 в Австрии), чтобы претендовать на получение высшего из трех уровней признания и тех же прав, что и ранее признанные религии.

Вопрос «культов». На протяжении первой половины девяностых годов прошлого века мир был потрясен и испуган целой серией коллективных самоубийств и нападений, которые были совершены в Европе, Америке и Азии по инициативе лидеров религиозных движений или движений, претендующих на название религиозных.

Четыре старые западноевропейские государства (Австрия, Германия, Франция и Бельгия) приняли решение разработать и применить специальную антикультовую политику. В 2006 году такая политика все еще была в ходу во многих странах.

В 1998 году Австрия создала у себя Центр документации и информации о культах. Мандат этого государственного органа предусматривает предупреждение и защиту общества от так называемых «культов». Германия учредила парламентскую комиссию и опубликовала ее доклад, но в его развитие в стране не было создано властями никакого правительственного

наблюдательного органа и не разработано никакой конкретной политики против культов.

Франция и Бельгия встали на аналогичный путь действий, включая создание парламентской комиссии, опубликование доклада о «культях» и списка из почти 200 подозрительных религиозных движений, учреждение государственных агентств по противодействию ряду «культов», сотрудничество с частными антикультовыми движениями, принятие законов об исключении, а также реализация крупномасштабной политики по борьбе с так называемыми «культями».

Последствия оказались трагическими для новых религиозных движений и их приверженцев. После опубликования парламентских докладов и «черных списков культов» появились многочисленные сообщения во Франции и в Бельгии о случаях нетерпимости и дискриминации в государственном и частном секторах: клеветнические кампании в СМИ; гонения от соседей, на рабочих местах и в школах; подрыв репутации отдельных лиц, увольнения с работы или отказ в продвижении по службе; отставки; запрет на право свиданий с детьми или взятие детей под стражу в делах о разводе; запрет на аренду государственных и частных помещений для проведения религиозных церемоний и собраний; а также многое другое.

Агентства, созданные во Франции и Бельгии работали полным ходом и в 2006 г. На его конец, три комиссии по сектам были сформированы во Франции, последняя – непосредственно в 2006 г.

Во Франции Национальная Ассамблея приняла дискриминационный и противоречивый закон Абу-Пикарда, противодействующий злоупотреблениям слабостью и уязвимостью верующих, объединяющиеся в «секты».

В связи с обостряющейся обстановкой вокруг данного вопроса Европейский парламент в 2005 году принял Декларацию № 0005/2005 «О религиозных правах и свободах во Франции и Европе в целом». В данном документе Европарламент бьет тревогу по поводу увеличения религиозно мотивированного насилия во многих европейских странах, особенно после 11 сентября 2001 года. Также в Декларации указывается на глубокую обеспокоенность по поводу запрета французскими властями ношения учениками религиозных символов в школе. Позиция Европарламента по данному вопросу ясна и недвусмысленна: он повторно подтверждает тот факт, что мужчины и женщины имеют право носить то, что они пожелают. В данном контексте Европарламент призвал Францию пересмотреть указанный запрет и изучить возможности для религиозных меньшинств по интегрированию последних более полно во французское сообщество, включая борьбу с проявлениями религиозной дискриминации.

Ислам и Европа. Усиление исламского фактора в общественно-политической жизни наблюдается не только в России, но и во многих странах мира. Его воздействие в той или иной мере испытывает сегодня практически весь огромный мусульманский мир, в состав которого входят более 50 мусульманских стран и мусульманские общины 120 стран всех

континентов. Мусульманский мир сегодня – это 1 млрд. 300 млн. человек, что составляет приблизительно 22% от 6,1-миллиардного населения планеты.

В вопросе о правах мусульман и исламских организаций в современной Европе пересеклись и проблемы сохранения национальной идентичности, и реализация права на свободу совести, как ни в каком другом случае. Характерным ответом на распространение влияния этой мировой религии явился французский закон о светскости, запретивший среди прочего ношение хиджаба, кипы и размещение больших христианских крестов в государственных школах.

Действительно, в Западной Европе наблюдалась нарастающая тенденция принятия антитеррористических законов, конкретно направленных против мусульманских общин; но они косвенно коснулись и других конфессий. Такие законы, например, вводят запрет на ношение религиозных головных платков в государственных школах и учреждениях, узаконивают вмешательство государства в назначение и признание общенациональных лидеров мусульманских общин или в их платформы, новые ограничительные критерии государственного признания мечетей и имамов и доступа на территорию государства иностранных миссионеров. Становился все более распространенным государственный контроль над свободой выражения в мусульманских и немусульманских храмах и сооружениях.

В Докладе Международной Хельсинской группы по правам человека, посвященном проблеме нетерпимости и дискриминации по отношению к мусульманам в Европе, проводится анализ ситуации в 11 странах: Австрия, Бельгия, Дания, Франция, Германия, Греция, Италия, Нидерланды, Испания, Швеция, Великобритания.

Основной итог доклада, основанный на документах, представленных мусульманскими, антирасистскими, правозащитными организациями, на сообщениях СМИ и официальных документах, заключается в том, что негативное отношение к мусульманам в Европе все более усиливается. Мусульман называют внутренним врагом, пятой колонной.

Так, например, 80% респондентов в Германии ассоциируют слово «ислам» с терроризмом и притеснением женщин. Отметим, что численность мусульман резко возросла в Германии, составив к началу XXI века 5 млн. человек. Еще больше последователей ислама живет теперь во Франции – более 6 миллионов человек. А в целом в Западной Европе проживает около 20 миллионов мусульман, т.е. почти столько же, что и в России. При этом в последние десятилетия ислам приняли около 1 миллиона европейцев.

В докладе также отмечается, что дискриминация мусульман проявляется в нападках на них как устных, так и физических, на рабочих местах или при приеме на работу; посредством системы мер, принимаемых для ограничения иммиграции по соображениям безопасности; в агрессивной политике правых национальных партий.

В Великобритании средства массовой информации широко разрекламировали успехи полиции по аресту террористов, хотя позже выяснилось, что подавляющее большинство мусульман, арестованных по

подозрению в терроризме, были отпущены и обвинения с них были сняты. Во Франции продолжается практика запрета на ношение хиджаба в государственных школах. В Греции протестуют против открытия новой мечети в центре Афин. В Дании мусульмане подвергаются дискриминации из-за практики мусульманских ритуальных жертвоприношений. В октябре 2007 года ОБСЕ приняло специальную Декларацию по нетерпимости и дискриминации против мусульман. В данной декларации указывается, в частности, что все формы терроризма должны строго осуждаться. Вместе с тем, подчеркивается, что идентификация терроризма и экстремизма с исламом и мусульманами должна жестко пресекаться.

Страны бывшего соцлагеря. После распада СССР большинство стран из Центральной и Восточной Европы (такие как Армения, Хорватия, Чешская Республика, Грузия, Литва, Македония, Словакия, Сербия) приняли двух- или многоярусную систему, вдохновленную той иерархией религий, которая использовалась в Австрии, Бельгии, Греции и других странах Западной Европы.

Для значительной части стран постсоветского пространства характерно введение в законодательство понятий «традиционные» и «нетрадиционные» религии и конфессии. Это понятие, дискуссионное и в юридической среде, вызывает и ряд вопросов у историков. Подобное деление отсутствует в украинском и эстонском законодательствах, которые констатируют равенство религий перед законом.

Очевидно, что причиной введения понятия «традиционности» для религиозных объединений является желание ограничить деятельность новых религиозных течений. Например, в Латвии одним из показателей существующего дифференцированного отношения государства является допущение к преподаванию христианского вероучения в учебных заведениях педагогов только определенных конфессий: «евангелическо-лютеранской, римско-католической, православной, старообрядческой и баптистской».

В Беларуси контроль государства за «новыми» религиозными объединениями решается ужесточенным механизмом регистрации (не менее десяти религиозных общин единого вероисповедания, срок давности существования на территории страны - не менее 20 лет).

Закон требует, чтобы все религиозные группы получали предварительное разрешение правительственного органа на ввоз и распространение литературы, запрещает иностранцам возглавлять религиозные организации, и не дает религиозным общинам открывать школы для обучения своего духовенства. Кроме того, закон ограничивает деятельность религиозных общин только теми регионами, в которых они действовали ранее, и выдвигает сложные требования к регистрации, которые трудно выполнить как «традиционным», так и «нетрадиционным» религиозным общинам.

Разница в положении традиционных и нетрадиционных религий сказывается и на получении ими статуса юридического лица. В этой же связи следует рассматривать регламентацию деятельности иностранцев в сфере религии.

В Латвии закон ограничивает религиозную деятельность иностранцев-миссионеров только путем приглашения их религиозными организациями. Также оговаривается, что «если духовный центр зарегистрированной в Латвии религиозной организации находится в иностранном государстве, ему не может принадлежать недвижимая собственность этой организации, а также имущество, признанное памятником культуры».

В Беларуси специальным законом регламентируется и ограничивается деятельность иностранных религиозных деятелей на территории республики. Действующее законодательство о свободе вероисповеданий Беларуси вызывает серьезные нарекания экспертов, поскольку «закон фактически выводит за пределы правового поля религиозные меньшинства и усиливает государственный контроль за деятельностью основных конфессий». По мнению докладчиков конференции ОБСЕ 2003 г. «как правовые механизмы, содержащиеся в законодательстве Белоруссии, так и практика их применения свидетельствуют о применении недопустимых ограничений свободы вероисповедания в Белоруссии».

Согласно данным Международной Хельсинской группы в Узбекистане некоторые группы христиан (баптисты, пятидесятники, евангелисты, свидетели Иеговы) подавали заявления на регистрацию на местном, областном и республиканском уровне, но получили отказ или вообще не удостоились никакого официального ответа. Некоторые религиозные группы, которые не хотели регистрироваться, были признаны незаконными и не могли пользоваться свободой отправления религиозных культов или вынуждены были на свой страх и риск проводить частные религиозные собрания.

В Туркменистане закон 2003 года требует регистрации всех религиозных организаций, квалифицирует деятельность незарегистрированных религиозных общин как уголовное преступление, еще больше ограничивает религиозное образование и берет под контроль иностранную финансовую и материальную помощь религиозным группам.

В Казахстане группами, которые наиболее рьяно преследовались властями (налеты, аресты, штрафы и тюремные сроки), были баптистские общины, в основном, входящие в состав Совета церквей христиан-евангелистов и баптистов («Совет церквей»), которые всегда не регистрировались по теологическим основаниям, даже во времена Советского Союза.

Конституция РФ (1993), провозглашая и закрепляя основополагающие принципы правового государства, в специальной статье (28) гарантирует каждому свободу совести, свободу вероисповедания.

На основании анализа положений Конституции РФ, относящихся к проблемам свободы совести (ст. ст. 19, 17, 23, 28, 29, 59), можно выделить следующие принципы, важные для утверждения религиозной свободы:

- право на исповедание любой религии;
- право не исповедовать никакой религии;
- право менять свои религиозные убеждения;

- право распространять свои религиозные убеждения;
- равенство граждан вне зависимости от их отношения к религии;
- равенство религиозных объединений перед законом;
- право на альтернативную гражданскую службу;
- отсутствие, какого бы-то ни было принуждения в отношении исповедания или неискповедания религии;
 - невмешательство государства во внутренние (богослужебные, канонические) дела церкви;
 - невмешательство церкви в дела государственные.

В развитие конституционных положений, обеспечивающих личные права граждан, был разработан и принят Федеральный закон Федерального закона от 26 сентября 1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях».

Сегодня в России по данным Министерства юстиции РФ действуют более 23 тысяч религиозных организаций 60 различных направлений. Самой крупной и влиятельной религиозной организацией в Российской Федерации является Русская православная церковь, насчитывающая более 11 тысяч приходов. Второе место в России по количеству религиозных объединений занимает мусульманская община, в которой в настоящее время зарегистрировано около 3500 мусульманских религиозных организаций.

Однако, вместе с тем неуклонно растет и число организаций, постоянно сталкивающихся с трудностями при попытке добиться государственного признания и получить статус юридического лица. В числе этих организаций - разнообразные православные объединения, не относящиеся к Московской патриархии, Свидетели Иеговы, Общество Сознания Кришны, пятидесятнические церкви, Церковь Иисуса Христа святых последних дней и другие.

Ограничение деятельности подобных организаций осуществляется не на правовых основаниях, а в силу субъективных, конфессиональных, идеологических и иных предпочтений, что, безусловно, является дискриминацией.

Как уже писалось выше о иерархии религий в Европе и о делении их на традиционные и нетрадиционные, подобная практика существует и в России. Подчас не только журналисты и политики, но и суды применяют понятие «нетрадиционные религии» вкупе со столь же неправовым определением «секта» в качестве юридического аргумента при отказе гражданам в регистрации их объединений. Все это нельзя воспринимать иначе, как намеренное нарушение и умаление базисного конституционного принципа равенства граждан независимо от их отношения к религии, а также принципа равенства перед законом всех общественных, в том числе и религиозных, объединений.

В определенной мере возникновению и сохранению такой ситуации способствует, к сожалению, преамбула Закона «О свободе совести и о религиозных объединениях», выделяющая из общего числа религий Православие, за которым признается «особая роль» в истории страны, а

также выражение «уважение к христианству, исламу, буддизму, иудаизму и другим религиям, составляющим неотъемлемую часть исторического наследия народов России».

Такая позиция, базирующаяся на историко-культурных и мировоззренческо-идеологических аргументах, вряд ли уместна в правовом акте, регулирующем «правоотношения в области прав человека и гражданина на свободу совести и свободу вероисповедания, а также положение религиозных объединений» (статья 1). Аналогичные замечания в адрес преамбулы содержатся и в ряде документов Совета Европы и Европейского Суда по правам человека.

Резолюция 1278 (2002) по закону РФ о религиях, принятая Парламентской Ассамблеей Совета Европы 23 апреля 2002 года, содержит ряд критических замечаний по поводу применения данного закона. Так, в резолюции указывается, что существуют также проблемы, связанные с тем, что должностные лица на местах в некоторых случаях (хотя и не систематически) подвергают дискриминации и преследованиям представителей ряда религиозных объединений определенных конфессий, объединяющих на данной территории небольшое число людей.

Иногда за Русской Православной церковью (РПЦ) должностными лицами на местах признается главенствующий статус, что вынуждает другие религиозные объединения получать у местных представителей РПЦ согласие на осуществление своих проектов (например, на аренду/строительство зданий под церковь или мечеть). Иногда жалобы религиозных объединений в компетентные органы, например, в прокуратуру по поводу физических нападений или поджогов церковей остаются без ответа, и данным объединениям приходится обращаться со своими заявлениями в суд.

В связи с этим Парламентская Ассамблея рекомендовала, в частности, чтобы закон применялся более последовательно по всей территории Российской Федерации, покончив с неоправданной дискриминацией на региональном и местном уровнях определенных религиозных общин и создания преимущественных условий для Русской Православной Церкви со стороны местных должностных лиц, а в частности их настояние в некоторых районах на том, чтобы религиозные общины получали предварительное согласие на ведение своей деятельности от Русской Православной Церкви.

Также было рекомендовано, чтобы Министерство юстиции стало более активным и деятельным в разрешении споров между своими местными (региональными) должностными лицами и религиозными организациями до того момента, как споры выносятся на рассмотрение судов, предпринимая действия по исправлению ситуации внутри министерства в случае коррупции и (или) неправильного применения закона о религиях, таким образом устраняя необходимость обращения в суд.

Еще одним основанием к отказу так называемым «нетрадиционным» религиозным объединениям в регистрации служит ссылка органов власти и регистрирующих органов на необходимость обязательного 15-летнего срока их существования по месту предполагаемой регистрации (пункт 5 статьи 11

Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях»). Ссылка на это правило используется как метод борьбы с неудобными религиозными объединениями и потому воспринимается верующими как форма ограничения их прав и подавления их религиозных убеждений.

Конституционный Суд РФ в своих Решениях от 23 ноября 1999 года, 13 апреля 2000 года и 7 февраля 2002 года уже ограничил применение так называемого «правила 15-ти лет», которое первоначально серьезно урезало права религиозных групп, оказавшихся не в состоянии доказать факт своего существования на территории РФ в течение пятнадцати лет до вступления в силу нового закона. Однако полная отмена этой нормы, по мнению ряда таких групп, способствовала бы значительному улучшению законодательной базы.

Еще одним способом дискриминации является увязывание вопроса о разрешении строительства культового здания с положительным мнением большинства населения прилегающей территории, для чего проводятся сходы и опросы граждан. Данный прием применяется избирательно: исключительно в отношении опять же «нетрадиционных религий», как будто за ними стоят не российские граждане, чьи права и свободы обязаны признавать, соблюдать и защищать наравне со всеми другими гражданами органы государственной власти.

Отдельными политическими, общественными и религиозными деятелями постоянно предпринимаются попытки закрепить неравное отношение к религиям, выраженное в преамбуле, в виде отдельного закона.

Например, в одном из таких законопроектов «О традиционных религиозных организациях в Российской Федерации» предлагалось ввести четкие критерии для признания той или иной организации в качестве традиционной. Так, в проекте было предусмотрено, что претендовать на такой статус могла организация, действующая на территории России не менее 50 лет и объединяющая не менее одного миллиона верующих или последователей и признанная неотъемлемой частью исторического, духовного и культурного наследия народов России.

Проектом также предусматривалось создание Федеральной комиссии по поддержке традиционных вероисповеданий, которая и должна была решать, кому можно присвоить статус традиционной религиозной организации. Предполагалось, что после получения такого статуса организация освобождалась бы от уплаты любых налогов, имела бы право на заключение договоров о сотрудничестве с органами государственной власти, обязательное освещение своей деятельности на государственном телевидении и т.д.

Русская православная церковь сегодня – один из крупнейших в России собственников. Кроме того, она ведет активную хозяйственно-экономическую деятельность. Хрестоматийный пример: прибыль РПЦ от беспошлинного ввоза в страну подакцизных товаров в середине 1990-х составила 24 млрд. рублей. Сегодня РПЦ – мощная бизнес-корпорация с активами в несколько десятков миллиардов долларов .

Ее представитель, Митрополит Кирилл, придерживается такой точки зрения, что все религиозные объединения должны быть равны перед законом, но нереально рассчитывать на то, что все они будут одинаково уважаемы органами власти и обществом, учитывая ту роль, которую в российской истории и культуре играют «традиционные» религии. По его словам, несмотря на то, что религиозные группы имеют равные права, «внимание и уважение зависит не от равных прав, а от вклада каждого [объединения] в жизнь страны».

Представители РПЦ также иногда используют свое влияние в отношениях с региональными властями для того, чтобы ограничить деятельность других религиозных групп. Из многочисленных сообщений, особенно на местном уровне, следует, что для строительства, приобретения или аренды молельных домов религиозные меньшинства должны получить разрешение РПЦ, и что иногда местные власти отказывают в регистрации религиозным меньшинствам по настоянию местных представителей РПЦ.

Еще один яркий пример такого вмешательства РПЦ можно привести из Белгородской области. В этом регионе Белгородская епархия РПЦ МП и региональное УВД договорились о совместной борьбе с «тоталитарными сектами» и «экстремистскими религиозными объединениями», подписав соглашение о сотрудничестве. Среди общих обязательств епархии и УВД - создание специальной «рабочей группы», в задачи которой будет входить «совместное противодействие распространению на территории Белгородской области тоталитарных сект и иных религиозных экстремистских объединений».

Правовым основанием для договора стал текст преамбулы Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» 1997 г., который в тексте соглашения получил следующее оформление: «На основании принципов признания особой созидательной роли Православия в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры...».

Ситуация с неправомерными или формально оправданными отказами в регистрации тех или иных религиозных объединений, произвольно отнесенных к числу «нетрадиционных», «не уважаемых» и не сыгравших «особой роли» в истории страны, приобрела теперь и международное звучание. Уже сегодня Европейский Суд по правам человека вынес два решения, цитировавшийся выше (по сайентологам и Армии спасения), которым было отказано в регистрации, в том числе и по причине их принадлежности к так называемым «нетрадиционным религиям» или несоблюдения «правила 15 лет». Практика Европейского Суда по правам человека показывает, что упоминаемые основания для отказа религиозным объединениям в государственном признании будут почти неизбежно признаны несовместимыми с международными стандартами в области прав человека и обязательствами России по международным договорам.

Заметно растет напряжение вокруг культовых зданий и иных объектов религиозного назначения, в отношении которых верующие ставят вопрос об их возвращении или передаче в пользование. Огромный фонд так

называемой бывшей церковной собственности находится в ведении региональных и муниципальных властей, а здесь отсутствуют (по причинам нерасторопности, невнимания, нежелания, конфессиональных симпатий и антипатий) необходимые правовые акты, что сплошь и рядом становится непреодолимым барьером для восстановления имущественной, исторической, и нравственной справедливости. К тому же культовые здания, о возвращении которых просят верующие, как правило, перестроены, заняты под жилье или выведены в нежилой фонд, переданы в частную собственность, используются государственными или негосударственными структурами.

В итоге очень часто возникает ситуация, когда власти заявляют о том, что понимают потребности верующих, но реально ничего не делают, ссылаясь на «объективные» обстоятельства. Хотя, конечно, государство может, а значит, должно изыскать способы удовлетворения и обеспечения прав и интересов верующих, на что нацеливает рекомендация Парламентской Ассамблеи Совета Европы № 1556 (2002) «Религия и перемены в Центральной и Восточной Европе». В частности, в ней настоятельно рекомендуется «гарантировать церковным организациям, имущество которых было национализировано в прошлом, реституцию этого имущества, а в тех случаях, когда это невозможно, выплату справедливой компенсации».

Что касается вопроса о законодательном запрещении дискриминации в российской правовой системе, то следует отметить, что отношение к религии как незаконное основание для дискриминации упоминается наряду с другими основаниями, как то пол, раса, национальность и т.д. Поэтому не будем здесь повторяться, отметив лишь то, что помимо общих запретов есть несколько специальных норм, защищающих именно права верующих от дискриминации.

Так, статья 5.26 Кодекса РФ об административных правонарушениях устанавливает, ответственность за воспрепятствование осуществлению права на свободу совести и свободу вероисповедания, в том числе принятию религиозных или иных убеждений или отказу от них, вступлению в религиозное объединение или выходу из него, а также оскорбление религиозных чувств граждан либо осквернение почитаемых ими предметов, знаков и эмблем мировоззренческой символики.

В статье 148 УК РФ установлена ответственность за незаконное воспрепятствование деятельности религиозных организаций или совершению религиозных обрядов.

Статья 136 УК РФ (нарушение равенства прав и свобод человека и гражданина) устанавливающая общую ответственность за дискриминацию, упоминает также ответственность и за дискриминацию по религиозному признаку. Тоже самое можно сказать и в отношении ст. 282 УК РФ (возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства).

Формы проявления дискриминации по признаку религиозной принадлежности в сфере труда и занятости, образования, при прохождении

государственной гражданской и военной службы, в брачно-семейных отношениях.

Последнее время религиозные организации и имущество, которое им принадлежит, все чаще страдают от рук хулиганов и преступников. Неизвестными поджигаются или повреждаются молитвенные дома, похищаются предметы культа, пожертвования верующих, совершаются хулиганские действия во время молитвенных собраний и служб. Естественно, что за помощью верующие обращаются в милицию. Однако приходится делать неутешительный вывод о том, что в большинстве случаев правоохранительные органы отказывают в возбуждении уголовных дел, или если уголовные дела все-таки возбуждаются, то по истечении срока предварительного следствия их расследование приостанавливается в связи с тем, что «лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого, не установлено» (п. 1 ст. 208 УПК РФ).

Большое число жалоб поступает в аппарат Уполномоченного от верующих-мусульман, которые жалуются на необоснованное задержание их на улицах, обыски и просто грубое отношение к ним, как представителям ислама. Страдают от «оперативных мероприятий» и представители других конфессий.

Военная служба. Серьезным препятствием на пути реализации свободы совести в Вооруженных Силах России является отсутствие правового механизма реализации прав верующих военнослужащих.

Сложный комплекс вопросов, связанных с удовлетворением религиозных потребностей верующих военнослужащих, регулируется всего одной статьей закона о статусе военнослужащих. Эта статья содержит в себе настолько общие и неясные положения, что они никоим образом не могут служить руководством при решении командирами воинских частей практических задач по реализации прав верующих военнослужащих. Так, в ст.8 Закона указывается:

1. Военнослужащие в свободное от военной службы время вправе участвовать в богослужениях и религиозных церемониях как частные лица.

2. Военнослужащие не вправе отказываться от исполнения обязанностей военной службы по мотивам отношения к религии и использовать свои служебные полномочия для пропаганды того или иного отношения к религии.

3. Религиозная символика, религиозная литература и предметы культа используются военнослужащими индивидуально.

4. Государство не несет обязанностей по удовлетворению потребностей военнослужащих, связанных с их религиозными убеждениями и необходимостью отправления религиозных обрядов.

5. Создание религиозных объединений в воинской части не допускается. Религиозные обряды на территории воинской части могут отпраздновываться по просьбе военнослужащих за счет их собственных средств с разрешения командира.

К сожалению, новые общевойсковые уставы Вооруженных Сил, которые были утверждены 10 ноября 2007 года (введены в действие с 1 января 2008 г.) также не регулируют вопросы участия военнослужащих в реализации права на свободу совести. Единственное упоминание в данном контексте содержится в Дисциплинарном уставе, о том, что военнослужащим, подвергнутым дисциплинарному аресту разрешено отправлять религиозные обряды на гауптвахте, иметь при себе религиозную литературу, предметы религиозного культа, соблюдая установленные правила и не ущемляя права других военнослужащих. Однако этого явно недостаточно.

Дискриминационный подход к верующим военнослужащим проявляется и в том, например, что согласно законопроекта, внесенного в 2006 году в Государственную Думу РФ предлагалось, чтобы капелланами в вооруженных силах могли быть лишь священнослужители Русской православной церкви. Все остальные конфессии фактически лишены права хоть как-то участвовать в религиозно-нравственном воспитании военнослужащих, в том числе своих последователей.

Альтернативная гражданская служба (АГС)

В соответствии с частью 3 статьи 59 Конституции РФ, гражданин РФ в случае, если его убеждениям или вероисповеданию противоречит несение военной службы имеет право на замену её альтернативной гражданской службой.

После вступления с 1 января 2004 года в силу Федерального закона «Об альтернативной гражданской службе» число граждан, изъявляющих желание о замене военной службы альтернативной гражданской, существенно не изменилось и осталось незначительным. Связано это с дискриминационным характером самого закона, направленным на то, чтобы сделать альтернативную гражданскую службу максимально непривлекательной для призывников.

Еще в 1987 году Комиссия ООН по правам человека приняла резолюцию 1987/46, в которой отказ от военной службы по убеждениям совести ясно определяется как «законное осуществление права на свободу мысли, совести и вероисповедания». Это определение было вновь подтверждено в последующих резолюциях, принятых Комиссией в 1989, 1993 и 1995 годах.

В общих комментариях №22 (48) по ст. 18 Международного пакта о гражданских и политических правах, Комитет ООН по правам человека выразил свое убеждение в том, «...что такое право вытекает из ст.18, поскольку обязанность применять смертоносное оружие может находиться в серьезном противоречии со свободой совести и правом следовать своим вероисповеданию и убеждениям».

Резолюция Европейского парламента, принятая 18 января 1994 года, подчеркивает, что «... отказывающимся от воинской службы по убеждениям следует считать того человека, который отказывается выполнять обязательную воинскую службу, обосновывая свой отказ религиозными, этическими, философскими причинами или причинами глубоких убеждений совести».

В настоящее время, порядка 80% граждан, проходящих АГС, являются членами религиозной организации «Свидетели Иеговы» (около 600 человек). Часть из них отказалась и от прохождения альтернативной гражданской службы на том основании, что организация-работодатель является структурным подразделением инженерно-технического воинского формирования, что противоречит их религиозным убеждениям. За этот отказ несколько десятков «Свидетелей» приговорены к уголовным наказаниям в виде штрафов или даже лишения свободы.

Проблема заключается в том, что закон об АГС предусматривает в качестве места прохождения военной службы, в том числе оборонные предприятия и даже воинские части. Это является нарушением международных принципов. В рекомендациях Комитета Министров Совета Европы говорится, что формы альтернативной службы должны иметь нестроевой или гражданский характер. «Свидетели Иеговы» оказались самыми последовательными сторонниками отказа от военной службы, и более того, «тотального отказа» от АГС в военных организациях.

Миссионерство. Нормы международного права и статьи 28 Конституции России гарантируют распространение религиозных взглядов, то есть миссионерство. Однако государство постоянно пытается ограничить это право, ссылаясь, якобы, противодействия прозелитизму.

Так, одной из последних таких попыток было предложение принять закон «О внесении изменений в некоторые федеральные законы в целях противодействия незаконной миссионерской деятельности». Прежде всего, положения законопроекта запрещали проповедовать простым верующим без специальных полномочий и соответствующих документов. Проект предлагал дополнить Закон «О свободе совести и религиозных объединениях» положением о том, что миссионерскую деятельность могут осуществлять служители религиозных организаций и члены их органа управления. Служители и члены органа управления должны иметь при себе документ, удостоверяющий их статус, а «иные лица» решение органа управления организации с разрешением на проповедь.

Однако помимо этого, согласно п.3 ст.17(1), любой миссионер должен был предоставить в территориальный орган федерального органа государственной регистрации целый пакет документов: уведомление о намерении осуществить миссионерскую деятельность; удостоверение личности; документ или решение органа управления религиозной организации; для иностранных граждан еще требуется виза либо документ о регистрации. Кроме того, проповедовать запрещалось, к примеру, в общественных местах на расстоянии ближе, чем сто метров от объектов религиозного почитания иных религиозных объединений.

Одним из самых неожиданных и уникальных в правовой практике было предложение ввести запрет на осуществление миссионерской деятельности, «обращенной к людям, находящимся в тяжелых жизненных обстоятельствах, и сопряженной с обещаниями вывести их из данного положения». Иностранцам, нарушившим правила миссионерства, запрещался

въезд в Российскую Федерацию, на российских граждан налагается штраф от одного до трех МРОТ (минимальный размер оплаты труда), а должностные лица, содействовавшие такого рода незаконной миссионерской работе, должны были бы заплатить от десяти до тридцати МРОТ.

Дополнение в Уголовный кодекс РФ, предложенное законопроектом Минюста РФ, фактически лишил религиозные организации презумпции невиновности, расширяя пределы возможного вреда, который они могут нанести гражданам. Так, в новой редакции ст. 239 ч.1 предусматривался случай нанесения вреда религиозными организациями не только здоровью граждан, но и «нравственности, либо с принуждением к разрушению семьи, либо с принуждением членов данного объединения или иных лиц к отчуждению, принадлежащего им имущества в пользу объединения».

В пояснительной записке к законопроекту представители Министерства юстиции РФ отмечают, что на федеральном уровне недостаточно ограничений для осуществления миссионерской деятельности. В частности, авторы законопроекта ссылаются на необходимость упорядочивания миссионерской деятельности в целях противодействия прозелитизму. Разработчики ссылаются на положения региональных законов о регулировании миссионерской деятельности, к примеру, в Белгородской области, республиках Башкортостан и Северная Осетия-Алания.

Разрешительный характер миссионерства, стал бы явным вмешательством во внутренние дела религиозных организаций. При таком подходе в условиях неразвитых институтов гражданского общества, высокого уровня коррумпированности, религиозоведческого и правового невежества чиновников, нарастающей за последние годы религиозной нетерпимости, можно было ожидать серьезных социальных конфликтов в случае принятия этого законопроекта.

Упомянутый законопроект вполне корреспондировался с инициативой московских законодателей включить в проект Кодекса города Москвы об административных правонарушениях в статью «Приставание к гражданам в общественных местах» ответственность за «приставание в целях религиозной агитации», по сути, приравнивая миссионеров к «попрошайкам».

Все крупные религиозные конфессии открыто выступили против такого рода «законопроекта», в итоге оба они были отклонены, но работа над предложением нового его варианта все еще ведется.

Стоит также отметить, у некоторых иностранных религиозных деятелей возникают трудности с визами и прохождением таможни при въезде в Россию или выезде из нее. Так за 2006 год власти объявили о высылке или отказали во въезде нескольким религиозным деятелям, имеющим действительные визы. В частности был депортирован основатель и советник / духовный наставник Церкви объединения в Москве без права на получение визы в течение пяти лет, несмотря на то, что он проживал в стране с 1990 г.

Преподавание религии в школах. Комиссия по правам человека ООН в своей резолюции 2002/40 (Ликвидация всех форм религиозной нетерпимости) призвала государства прилагать все необходимые усилия,

направленные на то, чтобы те, кто занимается обучением, воспитывали уважение ко всем религиям или убеждениям, содействуя тем самым взаимопониманию и терпимости

Так же, в Общих комментариях № 22 к Пакту о гражданских и политических правах (1966), Комитет по правам человека выразил мнение, что положения пункта 4 статьи 18 Пакта допускают преподавание в государственных школах курса общей истории религий и этики, если такое преподавание ведется беспристрастно и объективно.

Свобода родителей или законных опекунов обеспечивать религиозное и нравственное воспитание своих детей в соответствии со своими собственными убеждениями, о которой говорится в пункте 4 статьи 18, связана с гарантиями свободы проповедовать религию или убеждения, о которых говорится в пункте 1 статьи 18. Комитет отмечает, что государственное образование, которое включает обучение в области какой-либо конкретной религии или верования, не совместимо с положениями пункта 4 статьи 18, если не предусмотрены не имеющие дискриминационного характера исключения и альтернативные варианты, учитывающие пожелания родителей или опекунов.

Согласно статье 14 Конституции Российской Федерации «никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной». Соответственно, российское законодательство допускает преподавание «религиозных предметов» в общеобразовательных школах строго вне рамок обязательной школьной программы. Пункт 4 статьи 5 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» обуславливает такую возможность просьбами родителей, согласием детей, а также согласованием с органами местного самоуправления. Такой подход в целом соответствует общеевропейской практике, базовым документам Совета Европы.

Вместе с тем российское законодательство предусматривает право субъектов Российской Федерации вводить обязательное преподавание отдельных учебных предметов в качестве так называемых региональных компонентов государственных стандартов общего образования. При этом ясно, что содержание и направленность учебных предметов, вводимых в качестве региональных компонентов, не могут противоречить российской Конституции и федеральному законодательству, в том числе и конституционному принципу о свободе совести.

В последние годы в ряде субъектов Российской Федерации (Белгородской, Калужской, Ивановской, Мурманской, Пензенской, Псковской, Томской, Челябинской областях) по инициативе властей началось внедрение в программы государственных (муниципальных) общеобразовательных школ предметов, имеющих явные признаки религиозной направленности.

Особую обеспокоенность вызывает ситуация, сложившаяся в Белгородской области, где региональным законом «Об установлении регионального компонента государственных образовательных стандартов

общего образования в Белгородской области» в качестве обязательной дисциплины был введен курс «Православная культура».

Предварительный анализ учебника по предмету «Православная культура» для учащихся 10-11 классов показал, что он имеет ярко выраженную религиозную, а отнюдь не религиоведческую или культурологическую направленность.

Общее содержание разделов, написанных на такой основе, чревато обострением неприязни между приверженцами различных религий и, как нам представляется, может в перспективе спровоцировать рост межконфессиональной напряженности.

Обязательное преподавание предмета «Православная культура» вызвало недовольство не только у руководства целого ряда школ, но и у родителей многих учеников Белгородской области.

В связи с этим важно отметить, что осенью 2007 г. Бюро по демократическим институтам и правам человека ОБСЕ разработала подробные руководящие принципы о преподавании религии в школах. В данной методике, в частности, указывается на то, какие аспекты прав человека необходимо разъяснять ученикам в рамках религиозного преподавания.

Полагаем, что данные руководящие принципы обязательно должны учитываться при разработке учебных пособий по вопросам религиоведения для российских школ.

Особенности осуществления принципа недискриминации по признаку религиозной принадлежности в условиях борьбы с терроризмом и экстремизмом.

В самом общем плане экстремизм – это приверженность к крайним взглядам и действиям. В течение последних нескольких лет увеличилась важность вопроса религиозного «экстремизма». Как показала практика, государство может использовать понятие «экстремизм» не только по отношению к группам, которые действительно являются опасными и прибегают к насилию, но также используют обвинения в экстремизме для подавления законных проявлений религиозных убеждений или по отношению к группам, чьи убеждения могут всего лишь отличаться от других или казаться необычными.

Имеется множество свидетельств многочисленных преследований мусульман по обвинению в экстремизме или терроризме, несмотря на отсутствие очевидной причастности к такой деятельности. В десятках случаев лица подвергались задержанию за то, что имели при себе религиозную литературу, например, Коран, или на основе улик, в том числе, таких как запрещенная литература, наркотики или взрывчатые вещества, которые, как утверждается, могли быть подброшены им сотрудниками правоохранительных органов.

По данным российской правозащитной группы «Мемориал» мужчины с длинными бородами, женщины с покрытыми платками головами, и мусульмане, считающиеся «чрезмерно набожными», вызывают подозрение.

Такие лица могут быть арестованы на основании туманных официальных обвинений в причастности к исламскому экстремизму или за демонстрацию поддержки исламистов .

По данным правозащитных организаций, принятое в 2003 году Верховным судом решение о запрете деятельности 15 мусульманских групп за то, что они якобы поддерживали связи с международным терроризмом, позволило властям произвольно задерживать лиц по обвинению в экстремизме за то, что они якобы имеют отношение к данным группам.

Основания, по которым суд принял данное решение, были объявлены общественности лишь более, чем через три года, однако, как утверждает, милиция, прокуратура и суды использовали это решение для ареста и заключения под стражу сотен представителей мусульманского сообщества России. Лишь в июле 2006 года официальный печатный орган правительства «Российская газета» опубликовала список террористических организаций, составленный Федеральной службой безопасности (ФСБ).

Государственные чиновники сами часто дискриминируют мусульман. Прежде всего, это связано с произволом в отношении разрешений на строительство мечетей. Наиболее известным является эпизод, связанный со сносом недостроенной мечети в Астрахани, по которому дело находится в Европейском суде по правам человека. Но этот случай отнюдь не единичен.

Однако так называемая «борьба с экстремизмом» коснулась не только мусульман. Первым явно неправомерным приговором по ст. 282 стал приговор организаторам выставки «Осторожно, религия!», вынесенный 28 марта 2005 г. На выставке были представлены произведения современного искусства, обыгрывающие христианскую символику, и эта выставка была воспринята многими верующими как оскорбительная. Вопрос о ее запрете не рассматривался, может быть, потому, что она была быстро разгромлена радикальными православными активистами. Вместо этого организаторам было предъявлено обвинение в возбуждении религиозной и даже национальной (то есть этнической) ненависти – к православным и к русским соответственно. Приговор был основан на экспертных заключениях, крайне идеологизированных и весьма далеких от принципа светскости государства . Организаторы выставки были приговорены к штрафу в 100 тыс. руб. каждый. Можно спорить о том, насколько оскорбительны были экспонаты выставки и насколько правомерным могло бы быть ее запрещение, но оскорбление религиозных чувств не образует состава преступления по ст. 282 УК.

Наиболее значительная серия эпизодов, в феврале 2006 года, была связана с так называемым карикатурным скандалом. Датские карикатуры на пророка Мухаммеда были воспроизведены в некоторых изданиях как иллюстрация к дискуссии вокруг этого скандала. Два издания получили за это предупреждения от Росохранкультуры. В отношении редактора еще одной газеты – «Наш регион +» (Вологда) – было возбуждено уголовное дело. Газета была после этого закрыта ее владельцем, а главный редактор осуждена по ст. 282 УК на выплату штрафа в 100 тыс. руб. К счастью, суд

второй инстанции оправдал Смирнову, но газета так и не была открыта вновь.

В Волгограде почти одновременно получила предупреждение от прокуратуры и также была закрыта владельцем, городским муниципалитетом, газета «Городские вести». В этом случае речь шла о собственном рисунке, на котором были изображены основатели четырех мировых религий; этот рисунок не только независимые эксперты, но и религиозные деятели не считали оскорбительным.

ТЕМА 3

РЕЛИГИОЗНАЯ СИТУАЦИЯ В РОССИИ: ГЕНЕЗИС И ЭВОЛЮЦИЯ

3.1. Религиозная ситуация в дореволюционной России

Прежде чем представить социологическое видение религиозной ситуации в дореволюционной России, структуру её конфессионального пространства, надо определиться с исходным понятием «религиозная ситуация».

В самом общем плане под религиозной ситуацией мы будем понимать такое положение дел в обществе, регионе, на конкретном обследуемом объекте, которое характеризуется наличием, характером и интенсивностью религиозных проявлений, динамикой и направленностью их изменений, характером и степенью их воздействия на общество или обследуемый объект. То есть, оценивая религиозную ситуацию, следует принять во внимание наличие в обществе или регионе различных религий, конфессий, религиозных направлений, их количественное соотношение и взаимоотношения между собой, их историческую вписанность в данное общество или регион и их взаимоотношения с данным обществом и составляющими его группами, в том числе этнонациональными. Далее, необходимо знать количество религиозных объединений, организаций, институтов в целом и по конфессиям. И, наконец, – количество их последователей и в целом уровень религиозности, т.е. долю верующих в общем составе населения.

Религиозная ситуация всегда оценивается на какой то определенный момент времени. Но для понимания тенденций ее развития мало моментального «фотографического» снимка, необходимо еще и сравнение с прежней ситуацией, чтобы увидеть направленность и характерные особенности ее изменения.

Если первоначально, от принятия Киевской Русью христианства в 988 г., можно рассматривать Русское государство (Киевское, Ростово-Суздальское, наконец, Московское великое княжество) как моноконфессиональное, православное, то с началом расширения Московского великого княжества, затем царства, особенно в XVI в., в период царствования Ивана Грозного, и в последующие три века, оно постепенно включало в себя территории, населенные народами, исповедующими ислам и буддизм на Востоке и Юге, католицизм – на Западе, лютеранство – на Северо – Западе, не говоря уже о шаманизме, многочисленных родовых и племенных верованиях и культурах, религиях природы и т. д.

Но безусловное преобладание в составе населения России русских и вообще славянского элемента, в массе своей исповедовавших православие, а также христианизация многих народов Поволжья, Урала, Сибири и Севера по-прежнему позволяли православию занимать преобладающее и господствующее положение. Оно закреплялось единением монархии и православия, безусловной государственной поддержкой православной церкви, в том числе в ее миссионерской деятельности, и было оформлено

юридически. Это давало основание считать и называть Россию православной страной, православным государством. Таковым оно и было.

Церковь оставалась крупнейшей и самой влиятельной религиозной организацией страны. Она также была самой многочисленной православной поместной церковью, самой многочисленной национальной церковью и второй по численности христианской деноминацией после римско-католической церкви. Как государственная церковь она пользовалась многими привилегиями, которых не имели другие религиозные организации, хотя и подвергалась сильному контролю со стороны государства. В начале XX в. православная церковь занимала верхнюю ступень в сложившейся в Российской империи иерархии религиозных организаций.

Место религиозных организаций в этой иерархии зависело от соотношения их прав и привилегий, с одной стороны, и ограничений — с другой. Русская православная церковь, имевшая статус государственной, была господствовавшей. Вслед за ней шли так называемые признанные религии. Из признанных религий в лучшем положении находились лютеранская церковь, реформатская церковь, армяно-григорианская церковь и римско-католическая церковь, а из нехристианских конфессий — караимы, мусульмане (сунниты и шииты) и иудаисты. Замыкали список признанных религий буддисты-ламаисты.

Следующую иерархическую ступень занимали так называемые терпимые конфессии. К этой группе относились, в частности, старообрядцы, меннониты, баптисты, сибирские шаманисты и ненцы-язычники.

Наконец, непризнанными и нетерпимыми были общины молокан, духоборцев, субботников, хлыстов, скопцов и пр.

В начале XX в. принадлежность к православию оберегалась государством. Возможность смены религиозной принадлежности имела чёткую направленность. Обращение в православие было не просто открыто для всех российских подданных, но и поощрялось. Переход же из православия в любое другое христианское, а тем более в нехристианское исповедание был запрещён законом. Нелегальным считалось обращение из любой другой христианской конфессии в нехристианскую. Переход из одной инославной христианской конфессии в другую был затруднён, хотя и не исключался. Присоединение иноверцев к признанным государством неправославным христианским деноминациям детально регламентировалось. Православная церковь имела исключительное право проповедовать своё вероучение. Но хотя православное миссионерство было очень распространено, направлено оно было только на нехристианские группы.

Религиозная ситуация существенным образом изменилась после издания в 1905 г. Указа «Об укреплении начал веротерпимости». Он сделал менее жёсткой существовавшую иерархию религиозных организаций. Указ 1905 г. позволил переход из Православной церкви в другие христианские организации и улучшил положение инославных конфессий.

В новой ситуации Православная церковь фактически оказалась самой контролируемой со стороны государства и имела меньше самостоятельности,

чем другие деноминации. В церкви начинает активно обсуждаться необходимость восстановления патриаршества и соборного начала. Однако это никак не отменяет того факта, что в ходе исторического развития нашей страны происходило постепенное усложнение и обогащение ее конфессионального портрета. Народы, вошедшие в состав России, как и приезжавшие сюда на службу или по коммерческим делам иностранцы, сохраняли свою веру, и это признавалось государством.

Вообще нужно отметить, что Российское государство с большой терпимостью относилось к вероисповеданию иностранцев, приезжавших в Россию с добрыми намерениями: купцов, деловых и служилых людей, мастеров и специалистов в различных отраслях производства, культуры, науки, военного дела.

Россия сама приглашала их к себе, она нуждалась в их услугах, их знаниях, умениях, опыте, связях, в их капиталах, наконец, и поэтому стремилась создать им нормальные условия для жизни и практической профессиональной деятельности, в том числе и в вопросах религии. Им предоставлялась полная возможность исповедовать свою веру и соблюдать обряды и другие предписания своей религии, образовывать общины единоверцев.

Лютеранские и кальвинистские пасторы уже со времен Ивана Грозного получали денежное содержание от московского правительства, им позволялось посещать общины иностранцев-протестантов в других городах России, совершать в них богослужения и проповедовать. С жестким условием, однако, чтобы эта проповедь ни в коем случае не распространялась на православных россиян.

Тем более религиозная терпимость распространялась на иноверческое население присоединенных к России новых территорий. Она составляла один из важных принципов внутренней политики самодержавия.

Так, например, по Ништадскому мирному трактату 1721 г., которым завершилась Северная война между Россией и Швецией, последняя уступила России все свои права на Лифляндию, Эстляндию с островом Эзель, Ингерманландию и часть Финляндии с Выборгом. Статья 10 этого трактата специально оговаривала религиозные права населения этих территорий: «В уступленных землях не имеет быть введено принуждение к совести, а напротив того Евангелическая вера, церкви и училища и что к тому принадлежит, на том основании, на котором при последнем Свейском правительстве были, оставлены и содержаны будут с тем однако ж, чтобы в них и вера Греческого исповедания впредь также свободно и без всякого помешательства могла быть отправлена»¹. Кстати, Петром I было разрешено построить в Выборгском и Кексгольмском уездах лютеранские кирхи «дабы оставшиеся в Российской стороне в прежние свои кирхи не ходили».

Это ли не мудрая забота государя о том, чтобы жители земель, ставших российскими, чувствовали себя в новом отечестве как дома? Только таким путем можно было рассчитывать на эффективную организацию государственного управления новыми территориями, на лояльность их

населения и его готовность признать смену подданства. Немаловажное значение имела при этом и задача обороны северных территорий России. Петр I создал также в государственном аппарате специальное ведомство иностранных исповеданий.

Дальновидной была и вероисповедная политика Екатерины II. В своем Наказе Комиссии для составления нового Уложения (1767 г.) она писала: «В столь великом государстве, распространяющем свое владение над столь многими разными народами, весьма бы вредным для спокойствия и безопасности граждан был порок – запрещение их различных вер». В Указе Екатерины II Св. Синоду «О терпимости всех вероисповеданий и о запрещении архиереям вступать в дела, касающиеся до иноверных исповеданий и до построения по их закону молитвенных домов, предоставляя все сие светским правительствам» (1773 г.) говорилось: «Как Всевышний бог на земле терпит все веры, языки и исповедания, то и Ее Величество из тех же правил, сходясь Его святой воле в сем поступить изволит, желая только, чтобы между подданными всегда любовь и согласие царствовали». Пригласив для освоения Поволжских и Причерноморских земель десятки тысяч переселенцев из Восточной Пруссии, Нидерландов, Польши, она гарантировала им, в числе других прав и льгот, свободу вероисповедания. При Екатерине II впервые было официально оформлено и положение мусульманства в России: ее именным указом от 22 сентября 1788 г. было создано Оренбургское Духовное Собрание с местопребыванием в Уфе. Ему были подчинены все мусульманские приходы в России за исключением Таврической губернии.

В 1832 г. указом Николая I был утвержден Устав Евангелическо-лютеранской церкви, вошедший в Свод Законов Российской империи и окончательно конституировавший положение, внутренне устройство и управление этой церковью в России.

Во второй половине XIX в. на территории Российской империи получили распространение баптизм, евангельское христианство, адвентизм, в начале XX в. – пятидесятничество. Занесенные первоначально немецкими и американскими миссионерами, они постепенно становились исповеданием значительных групп собственно россиян, в том числе этнических русских и украинцев.

Усложнение конфессионального портрета страны шло и другим путем, а именно за счет внутренних процессов и расколов в самом православии: выделение старообрядцев, причем множества толков, образование различных форм исконно русского сектантства – христововеров, молокан, духоборцев и др., позднее – толстовства (процесс, прекрасно исследованный и описанный в трудах А.И. Клибанова). Разными направлениями, сектами и толками были представлены в России ислам, буддизм, иудаизм.

Таким образом, уже в дореволюционной России ее конфессиональное пространство, при безусловном численном, статусном и культурообразующем преобладании православия, было весьма неоднородным.

В дальнейшем увеличение его разнообразия прошло несколько этапов.

3.2. Религиозная ситуация в СССР

В 1917 г. на смену фактической монополии православия, существовавшей в царской России, пришла диктатура атеистической идеологии.

В годы Советской власти у тех, кто сохранил принадлежность к церкви, не было, как правило, возможности заниматься религиозным самообразованием, изучать Библию, Коран, христианскую, исламскую и др. литературу.

Вероисповедная принадлежность населения бывшего СССР (в 1991 г. общая численность населения - около 270 миллионов) значительно отличалась от картины, которая была в 1913 г. В результате атеистического воспитания, а нередко подавления религий, осуществляемого властями в 1917-1987 гг., православные составляли 22% населения, старообрядцы - 0,8, католики - 5,5, протестанты - 3, мусульмане - 18,5, иудеи - 0,2.

Мы должны отметить, что полностью искоренить духовность из жизни населения СССР не удалось. В начале 1937 г. была проведена перепись населения СССР. По предложению Сталина в эту перепись был включен вопрос о религии, на который отвечали все граждане, начиная с 16 лет (см. прил. б). Правительству, и в особенности Сталину, хотелось узнать, каковы же их реальные успехи за 20 лет борьбы с верой и Церковью, кем называют себя люди, живущие в государстве, исповедующем в качестве религиозного суррогата воинствующее безбожие.

Всего населения от 16 лет и старше в Советской России оказалось в 1937 г. 98,4 млн. чел., из них 44,8 млн. мужчин и 53,6 млн. женщин. Верующими себя назвали 55,3 млн. чел., из них 19,8 млн.- мужчины и 35,5 млн.- женщины. К неверующим себя отнесла меньшая, но все же достаточно значительная часть - 42,2 млн. чел., из них 24,5 млн.- мужчины и 17,7 млн.- женщины. Не пожелали ответить на этот вопрос всего лишь 0,9 млн. чел. Но и это было не все: православными себя назвали 41,6 млн. чел., или 42,3% всего взрослого населения РСФСР и 75,2% всех, назвавших себя верующими.

Армяне-григорианцы составили 0,14 млн. чел., или 0,1% всего взрослого населения, католики - 0,5 млн., протестанты - 0,5 млн., христиане прочих исповеданий - 0,4 млн., магометане - 8,3 млн., иудеи - 0,3 млн., буддисты и ламаисты - 0,1 млн., прочие и неточно указавшие религию - 3,5 млн. чел.

Из переписи с ясностью следовало, что население страны осталось православным, сохранив национальные духовные корни .

В 1939–1940 гг. после включения в состав СССР западных областей Украины и Белоруссии, Бессарабии, Северной Буковины и Прибалтики религиозная ситуация изменилась. Вместе с населением этих территорий в нашу страну пришел целый ряд направлений пятидесятничества (в том числе христиане веры евангельской, мурашковцы, субботствующие пятидесятники и др.), Свидетели Иеговы, новые группы баптистов, адвентистов и др., постепенно распространившиеся и на территории России.

Их распространению, как это ни парадоксально, в немалой степени способствовала и репрессивная политика правительства по отношению к этим религиозным направлениям и целым слоям населения, обвиненным в национализме и сопротивлении коллективизации. Благодаря депортациям, высылкам, заключению в лагеря на территории Сибири и Дальнего Востока (а также Казахстана и Средней Азии) эти религиозные направления укоренились и там. А минимальное присутствие в этих регионах фактически разгромленной православной церкви способствовало этому процессу.

Следующий этап появления в СССР и России новых религиозных направлений, усложнявших ее конфессиональное пространство, начинается в 70-х гг. как отражение, пока еще слабое, происходившего на Западе процесса образования так называемых религий нового века («New Age»), распространения восточных культов и учений (йога, Общество сознания Кришны, Ананда марга, трансцендентальная медитация и др.). Они, несмотря на жесткие преследования КГБ, получили некоторое распространение среди интеллигенции и в молодежной среде, видимо, как своеобразное движение протеста против официальной идеологии, как контркультура.

Чем характеризовалась религиозная ситуация этого времени? Жестким государственным контролем за деятельностью религиозных организаций, ограничением возможностей религиозной проповеди и распространения религии, преследованиями духовенства, религиозных проповедников и верующих, активным утверждением атеизма всеми средствами идеологического влияния коммунистической партии и государства.

Результатом такой политики и идеологического воздействия, но, впрочем, и объективного действия процесса секуляризации, активно идущего во всем мире, было отеснение религии на периферию общественной жизни и общественного сознания, прогрессирующее сокращение числа верующих, особенно в молодых поколениях, в наиболее социально активных и образованных группах населения, что фиксировалось социологами как снижение уровня религиозности. (Социологические исследования тех лет показывали уровень религиозности в городах от 10–15 до 20%, в сельской местности – 25–30% и выше, в регионах традиционного распространения ислама отмечалось процентов 30–50 и выше). В целом религия, религиозные организации находились в состоянии выживания.

3.3. Религиозная ситуация в постсоветской России

Но вместе с тем уже в 80-х, даже в конце 70-х гг., наблюдалось и фиксировалось социологическими исследованиями постепенное изменение отношения к религии со стороны общества, прежде всего – части творческой интеллигенции и в молодежной среде.

На первых порах это было возрастание интереса к религии, к ее роли в истории, к полузабытым, казалось бы, народным традициям, праздникам и обрядам религиозного характера и происхождения: православным, мусульманским, даже языческим. Оно еще не означало собственно

обращения к вере, но уже выступало симптомом, с одной стороны, нарастающего кризиса официальной идеологии, а с другой стороны, свидетельствовало о наличии в обществе, по крайней мере, у определенных слоев населения, религиозных потребностей, масштабы которых государственным и партийным руководством явно недооценивались или игнорировались.

Это находило выражение в росте религиозной обрядности, в интересе к религиозной литературе, в моде на религиозную атрибутику в быту, в одежде, в обращении к религиозным сюжетам писателей, художников, кинематографистов. Одновременно началось некоторое омоложение состава религиозных общин, в них появились и постепенно стали выходить на первый план молодые образованные верующие. Возникло и активизировалось правозащитное движение в религиозной среде. Подспудно росло самосознание верующих, конфессиональная самоидентификация определенной части населения.

С началом «перестройки» и курса на гласность и демократизацию общества эти тенденции проступали все более явно. Стало ясно, что необходимы изменения в вероисповедной политике государства, исходящие из признания наличия у значительной части населения реальной потребности в религии, ориентированные не на декларативное провозглашение, а на реальное осуществление свободы совести и вероисповедания. Сильным толчком в этом вопросе, который повлек за собой быстрые и существенные изменения, как уже отмечалось, стало празднование 1000-летия принятия христианства на Руси.

Имея такую точку отсчета (или основание для сравнения), можно теперь оценить сегодняшнюю религиозную ситуацию в России как принципиально новую – и с позиций государства, и с позиций конфессий. Если ее характеризовать самыми общими словами, то ее можно назвать ситуацией религиозной свободы. Какие же факторы способствовали возникновению этой ситуации?

Основными факторами явились изменения отношения к религии и церкви (религиозным организациям) со стороны государства и общества.

В чем именно выразилось изменение отношение государства к религии и церкви? По каким позициям можно зафиксировать тот принципиальный разворот государственной политики в религиозном вопросе?

Во-первых, на смену отношению к религии и религиозным организациям как явлению пережиточному, тормозящему общественное развитие, чуждому существовавшему общественному строю пришло отношение к ним как важному общественному институту, реальному компоненту современного российского общества, признание их исторического вклада в формирование российской государственности и культуры, воздание должного их общественным позициям и инициативам. Отсюда следовала необходимость внимания государства к интересам масс верующих и представляющих их религиозных организаций, учета в политике их потребностей, мнений и настроений. И далее открывалась дорога к плодотворному сотрудничеству в

различных сферах общественной жизни, особенно таких, где большое значение имеет духовно-нравственный фактор.

Всё это находило выражение в официальных документах государственных органов различного уровня, договорах и соглашениях между государственными органами и руководящими центрами конфессий, публичных выступлениях политиков, материалах средств массовой информации и т.д.

Во-вторых, показателем коренного изменения отношения государства к религии и церкви явилось новое правовое решение религиозного вопроса. Положения Конституции Российской Федерации, касающиеся религии и права граждан на свободу совести, Федеральные законы «О свободе вероисповеданий» (1990 г), «О свободе совести и о религиозных объединениях» (1997 г), ряд других законодательных актов, имеющих отношение к данной сфере, вывели государственно-церковные отношения на уровень международных правовых норм и ныне полностью соответствуют обязательствам, принятым нашей страной на себя в связи с подписанием целого ряда международно-правовых документов, начиная со «Всеобщей декларации прав человека» (1948 г).

И в-третьих, изменение позиции государства получило и определенное моральное измерение: был предпринят целый ряд шагов для исправления грубых ошибок, злоупотреблений и несправедливых деяний прежних властей в отношении религиозных организаций, духовенства и верующих.

Это указ Президента РФ о реабилитации жертв политических репрессий, который вернул доброе имя людям, пострадавшим в те годы за веру, за свое религиозное служение. Были освобождены из мест заключения и реабилитированы сотни людей, также осужденных за свои религиозные убеждения. Были приняты Распоряжение Президента и Постановление Правительства РФ о возвращении религиозным организациям и верующим ранее изъятых у них церковных зданий, святынь и культового имущества.

Своего рода актом покаяния государства стало выделение средств из бюджетов различных уровней на восстановление и реставрацию храмов и монастырей. Всенародным символом такого покаяния стало восстановление в кратчайшие сроки храма Христа Спасителя в Москве.

Конечно, по всем этим трем позициям можно указать и издержки, ошибки, пережесты, связанные как с новизной проблемы и самой религиозной ситуацией, с незавершенностью процесса, несовершенством и противоречивостью правовой базы, так и недостаточной компетентностью кадров госслужащих или их ангажированностью интересами отдельных конфессий, порою даже правовым нигилизмом. Но это не умаляет самого факта принципиального изменения отношения государства к религии и церкви (религиозным организациям).

Теперь посмотрим, по каким позициям можно судить об изменении отношения общества к религии и церкви.

Если изменение отношения государства мы можем довольно точно датировать по конкретным государственным актам и событиям типа приема в апреле 1988 г. М.С. Горбачёвым патриарха Пимена и членов Св. Синода в период подготовки к празднованию 1000-летия Крещения Руси, то изменение отношения общества к религии и церкви – процесс более растянутый во времени, не одинаковый в различных регионах, в различных слоях населения, во многом развивавшийся подспудно еще в советское время, носивший спонтанный характер.

И начался он, как уже отмечалось, с роста у людей интереса к религии, с первоначально робкого и эпизодического, а затем все более широкого освещения этой проблематики в средствах массовой информации, все более активно формирувавших общественное мнение в этом направлении.

Можно выделить четыре позиции, характеризующих изменение отношения общества к религии и религиозным организациям.

Во-первых, изменение в общественном сознании оценки исторической и современной роли религии и религиозных организаций, в первую очередь Русской православной церкви, рост их престижа, индекса доверия к религиозным организациям в глазах общественного мнения. Это породило определенные общественные ожидания, частично оправдавшиеся, частично – преувеличенные, о способности церкви (религиозных организаций) содействовать преодолению кризиса российского общества. Подобные замеры общественного мнения неоднократно проводились различными социологическими службами, в частности регулярно проводятся Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ), их результаты публиковались.

Во-вторых, это изменение отношения общества к религии и церкви находило свое выражение в обращении к религии, в смысле принятия веры, значительных масс населения. Здесь мы имеем два эмпирических показателя, неравноценных в социологическом плане для оценки религиозности населения.

Один – это рост уровня религиозности, т.е. доли верующих в общем составе населения, и повышение степени религиозности, то есть глубины веры, интенсивности религиозных переживаний и культовых действий.

Если в 80-х гг., как уже говорилось выше, уровень религиозности в городах составлял 10–20%, а в сельской местности – 25–30% и выше, то есть в среднем где-то порядка 20%, то исследования начала 90-х гг. показывают рост уровня религиозности до 40–45%, а конца 90-х гг. – в диапазоне от 40 до 60% (например, по данным ВЦИОМ на ноябрь 1998 г. – 52%).

В результате, как в Русской православной церкви, так и в других церквях и конфессиях произошел наплыв неопитов (новообращенных). Во многих общинах их число превосходит число верующих, являющихся давними, постоянными и активными членами этих религиозных объединений, более или менее основательно знающих основы вероучения своей религии и нормы ее культовой практики. Неопиты порой бывают очень активны, даже агрессивны по отношению к последователям других конфессий и

неверующим, но при этом имеют весьма смутные представления об основах вероучения, обрядовой практике, нормах поведения, предписываемых той религией, к которой они недавно обратились. В их сознании отрывочно схваченные элементы вероучения переплетаются с верой в приметы, гадания, предсказания астрологов, с нерелигиозными взглядами на многие явления действительности.

Другой показатель – это конфессиональная идентификация (самоидентификация) населения, т.е. кем себя считает, к какой конфессии себя относит респондент в процессе проводимых социологических опросов. Этот важный социологический показатель распределения населения по конфессиям характеризует одну из сторон религиозной ситуации, конфессионального пространства страны или региона, но его нельзя путать с уровнем религиозности. Кстати, некоторые социологи именно по этому показателю пытаются определить уровень религиозности, но это социологически некорректно.

Дело в том, что называя себя при ответах на соответствующий вопрос анкеты православным, мусульманином и т.д., многие респонденты имеют в виду вовсе не то, что они веруют в бога, а то, что они происходят из данной этнокультурной среды, относят себя к православной, мусульманской, буддистской и т.п. культурной традиции. Нередко в сознании части респондентов конфессиональная самоидентификация выступает заместителем идентификации этнонациональной. Поэтому простое суммирование ответов о конфессиональном самоопределении дает искаженное представление о действительном уровне религиозности. Это надо иметь в виду, чтобы не создавать социологических мифов и не вводить в заблуждение потребителей социологической информации.

В-третьих, следует назвать еще один показатель, характеризующий перемену отношения общества к религии и церкви. Это изменение позиции и настроений нерелигиозной части населения, которая, по данным ряда исследований, в последние годы составляет устойчивую группу – в среднем 40% населения (разброс от 30 до 50%).

Определенная часть представителей этой категории населения при опросах положительно отвечают на вопрос о доверии церкви (религиозным организациям), высоко оценивают роль религии в духовно-нравственной сфере, в развитии российской государственности и культуры, в процессе консолидации российского общества. Эту категорию населения характеризует растущая толерантность в отношении религии.

Если учесть, что в годы советской власти нетерпимость неверующих по отношению к религии, к религиозным ценностям, а часто и к верующим, была весьма высока, культивировалась средствами пропаганды, то это изменение в сознании нерелигиозной части населения надо признать очень существенным показателем изменения отношения к религии и церкви общества в целом.

И, наконец, в-четвертых, надо обратить внимание и на изменение позиций средств массовой информации как выразителя, в известной мере,

состояния общественного сознания и общественных настроений. Здесь также существует теперь полная свобода для публикаций по религиозной проблематике, в том числе и выражающих взгляды и мнения церковной иерархии, богословов, религиозно и конфессионально ориентированных авторов из числа деятелей культуры, ученых, журналистов и др.

Возникли и быстро выросли как по количеству изданий, так и по тиражам конфессиональные СМИ. Религиозные организации различных конфессий широко используют светские СМИ, включая радио и телевидение, для пропаганды своего вероучения, религиозных нравственных ценностей.

Как же все эти факторы сформировали сегодняшнюю религиозную ситуацию, каковы ее основные черты?

Во-первых, действие названных выше факторов и внутренние процессы в самой религиозной среде породили насыщенность и разнородность конфессионального пространства России, что находит выражение в многоконфессиональности состава населения России и большинства субъектов Федерации.

Это, естественно, приводит к столкновению интересов различных конфессий, к их противостоянию на миссионерском поле. Тем более, что российское законодательство предоставляет всем религиозным организациям, не нарушающим закон, свободу религиозной деятельности и пропаганды своего вероучения.

Речь идет, прежде всего о распространении своего влияния на ту массу нерелигиозных людей, которые выросли в советских семьях, не связанных с религией уже в двух или даже трех поколениях. Неверующими были их родители, а часто и дедушки и бабушки. Сами они получили в советской школе нерелигиозное воспитание и образование, основанное на материалистическом подходе к действительности, но после крушения привычной социалистической системы ценностей и массивной атаки в СМИ на материализм и атеизм оказались в растерянности, в поиске для себя иной надежной духовной, идейной и нравственной опоры, основания для новой самоидентификации в непривычных условиях.

И часть этих людей в поисках новой идентификации пошла по традиционному пути – обратилась к религии, причем прежде всего к религии предков: «мы из православных – значит это моя религия». Но у многих людей и такая семейная традиция была уже утрачена. Преимущественно именно они находятся в ситуации выбора религии. Многие из них за короткий период времени сменили несколько конфессий, как бы сравнивая, выбирая, где им будет комфортнее, на чем остановиться. Именно эта часть неверующих, обратившихся к поискам веры, и составила в основном тот резерв, который стал базой быстрого скачка уровня религиозности в 90-х гг., о котором шла речь выше.

Во-вторых, религиозную ситуацию в современной России характеризует достижение высокого уровня религиозной свободы, свободы вероисповедного самовыражения граждан. Религиозные организации свободно, без вмешательства и контроля со стороны государственных

органов, выполняют свою религиозную и общественную функцию в своей среде и в обществе, свободно пропагандируют свое вероучение.

В-третьих, отличительной чертой современной религиозной ситуации является высокий уровень общественного престижа и реальной роли религии и религиозных организаций в общественных процессах. Правда, в этом отношении есть и определенные издержки. Это, прежде всего, исходящие с разных сторон попытки политизировать религию, использовать ее авторитет и моральную силу в политических целях, для увеличения своего электората и т.п. Для церкви это чревато опасностью снижения сегодняшнего высокого уровня общественного доверия, что, собственно, в последнее время уже происходит.

В начале 90-х гг., когда уровень религиозности составлял примерно 40%, положительно на вопрос о доверии церкви, религиозным организациям отвечали 50–54% респондентов (по материалам ВЦИОМ). Это означало, что церкви доверяют не только верующие, но и заметная группа из состава нерелигиозного населения. А данные последних трех лет рисуют иную картину: при выросшем уровне религиозности – до 52% (также по данным ВЦИОМ за 1998 г), индекс доверия к церкви, религиозным организациям снизился до 37–38%. Если даже всех свидетельствующих о доверии церкви считать верующими, то и в этом случае получается, что примерно треть верующих уже не оказывает ей полного доверия. Хотя справедливости ради надо отметить, что и этот снизившийся индекс доверия церкви по-прежнему остается одним из самых высоких среди всех общественных и государственных институтов. Но именно то, что церковь, религиозные организации какие-то надежды и ожидания общества по выводу его из глубокого кризиса не оправдали и к тому же оказались втянутыми в политические игры, и привело к упомянутому снижению уровня доверия к ним.

В-четвертых, сегодняшняя религиозная ситуация отличается фактической исчерпанностью резерва для быстрого дальнейшего роста уровня религиозности населения, какой происходил в начале 90-х гг. Кто хотел, уже пришел в церковь, в религиозные объединения других конфессий. Доля нерелигиозной части населения уже в течение нескольких лет сохраняет стабильный показатель на уровне примерно 40%.

Отсюда, следуют три вывода:

Первый: Видимо, дальнейшее пополнение религиозных организаций будет идти главным образом за счет семей самих верующих, а не за счет притока извне, из среды бывших неверующих. Изменения степени и характера религиозности скорее возможно в направлении усиления, углубления религиозности сегодняшних неофитов, приближения их нормам воцерковленности (если использовать для характеристики этого процесса термин из богословского лексикона православной церкви). По мнениям, высказываемым некоторыми религиозными деятелями, многие конфессии стоят сейчас перед дилеммой: продолжать ли стремиться расширять свое влияние, привлекая новых последователей, или же сосредоточиться на том,

чтобы сначала «переварить» ту массу новообращенных, которая нахлынула в церковь за последнее десятилетие. Но это, естественно, забота самих религиозных организаций.

Второй вывод состоит в том, что это сужение резерва пополнения религиозных организаций за счет нерелигиозной среды может вызвать обострение их конкурентной борьбы за паству, рост взаимной нетерпимости.

И третий вывод: осознание того факта, что около половины или по крайней мере 2/5 населения сделало свой нерелигиозный мировоззренческий вывод, требует внимания к обеспечению реальной свободы совести для этой большей части населения – как в плане защиты их свободного выбора, так и в плане их права на пропаганду и распространение своих убеждений, о чем, например, средства массовой информации совершенно забыли.

Здесь мы выходим на большие проблемы консолидации российского общества при естественном наличии в нем плюрализма религиозных и мировоззренческих идентификаций граждан и огромной роли религиозной и мировоззренческой толерантности в решении этой задачи, способности и готовности всех религиозных и мировоззренческих групп населения России к доброжелательному и продуктивному диалогу.

Теперь рассмотрим более подробно историю становления и характеристики конфессионального пространства современной России.

Конфессиональное пространство современной России чрезвычайно насыщено, многообразно и разнородно. Этот факт может нравиться или не нравиться, вызывать интерес или раздражение, рассматриваться как закономерный результат исторического развития российского общества или как проявление чьей-то злой воли или неосмотрительности – но от него никуда не уйти: конфессиональное пространство России, структура вероисповедного состава ее населения сегодня именно таковы, каковы они есть. Только в Государственном реестре Минюста на 1 января 2001 г. зарегистрированы 20215 религиозных организаций, представляющих около 60 конфессий, церквей, религиозных направлений и деноминаций. Кроме того большое число религиозных организаций и групп действуют без регистрации, не получая статуса юридического лица.

И здесь тоже возникают, по крайней мере, три вопроса:

- является ли такое конфессиональное многообразие характерной чертой только России или оно представляет собой проявление некой общемировой тенденции нашего времени;

- как и в результате чего возникло такое многообразие;

- какое место в нем занимает православие, Русская православная церковь, каковы ее роль в этой ситуации, если можно так выразиться, ее самочувствие в этом многоконфессиональном доме.

Что касается первого вопроса, то следует признать, что изменение, усложнение и насыщение конфессионального пространства происходит в последние десятилетия в большинстве стран мира. Увеличение открытости внешнему миру, глобализация экономики, естественная и вынужденная миграция больших масс людей, в том числе перемещения из страны в страну

трудовых ресурсов, потоки беженцев и вынужденных переселенцев из «горячих точек», зон голода и природных катастроф, привели в XX в. к большим изменениям национального состава многих стран, прежде всего Европы и Америки, а вместе с ним и конфессиональной структуры населения.

В традиционно христианских странах, таких как Великобритания, Германия, Франция, США сейчас уже существуют многомиллионные мусульманские общины. Быстро увеличивается число мусульман в Швейцарии, Норвегии, Швеции, Польше и других странах Европы. Одновременно во всем мире интенсивно растут и распространяются многочисленные направления протестантизма, особенно пятидесятнические и адвентистские церкви.

Вторая половина XX в. отмечена появлением первоначально в США и ряде стран Западной Европы, а затем и в других странах, включая Советский Союз и Россию, новых религиозных и квазирелигиозных движений, восточных культов и т.п.

Так что увеличение насыщенности и разнородности конфессионального пространства, которое мы наблюдаем в России, не является только нашей особенностью, а представляет собой объективно обусловленную мировую тенденцию. Надо отметить, что этот процесс не только у нас, но и в других странах встречает неоднозначную оценку со стороны общественности, правительств, представителей традиционных религий, в том числе и попытки административными, а кое-где и законодательными мерами сдержать его развитие, закрыть доступ в свои страны тем или иным нетрадиционным религиям и культурам.

Теперь обратимся ко второму вопросу: как и в результате чего возникло такое многообразие конфессионального пространства России?

Было бы ошибкой считать, что оно возникло лишь в последнее время, в результате какого-то быстротечного процесса, вызванного религиозно-идеологической экспансией из-за рубежа. Такое многообразие и разнородность конфессионального пространства России складывалось исторически, под воздействием множества факторов: экономических, политических и этнических, мирных и военных. Это и продолжавшееся веками географическое расширение нашей страны, включение в состав России завоеванных и добровольно присоединившихся новых территорий с населявшими их народами, исповедовавшими свои, традиционные для них религии и культы, и развитие экономических связей между регионами России и с зарубежными странами, встреча разных самобытных культур и, как следствие, культурный обмен, и миссионерство, и др. факторы.

И, наконец, последний большой всплеск появления в России нетрадиционных религий, конфессий, религиозных новообразований произошел с началом «перестройки» и процессов демократизации и реформирования общественного устройства страны, с падением «железного занавеса» и ростом открытости России западному миру.

Этот процесс пошел по двум направлениям.

1. В страну хлынула масса иностранных миссионеров и проповедников, представлявших как уже действующие в России церкви и религиозные направления, главным образом протестантские, так и новые – Церковь объединения, Церковь сайентологии, религиозные движения и культы ориенталистского толка.

2. Стали возникать религиозные и квазирелигиозные образования, так сказать, отечественного происхождения: Белое братство – Юсмалос, Богородичный центр (позднее принявший наименование Церкви Матери Божией «Державная»), Церковь последнего завета (Виссариона) и др.

К этому следует добавить и процессы, происходящие внутри самой Русской православной церкви, также ведущие к увеличению разнообразия конфессиональной картины: расколы, образование Русской православной церкви за границей (РПЦЗ), Российской православной свободной церкви (РПСЦ), Российской православной автономной церкви (РПАЦ), Истинно-православной церкви (ИПЦ), появление в России приходов Украинской православной церкви (Киевского Патриархата).

Особого внимания заслуживают процессы, происходящие в исламской религиозной среде. В российском обществе, с преобладающим русским этносом и православной культурно-конфессиональной доминантой, ислам является религией меньшинства, что в конечном итоге определяет место мусульман в конфессиональном и этнополитическом ландшафте российского общества. Возрастающая роль ислама как глобального политического фактора вызывает большую сложность для осмысления: вокруг нее ведутся многочисленные дискуссии. Конференции, семинары, «круглые столы», организуемые в России и в других странах, пока не обеспечили должной для принятия политических решений теоретической разработки содержания и характера ислама в новых социально-политических условиях, особенно при осмыслении событий, происходящих на Северном Кавказе (особенно в Чечне и Дагестане), других исламских регионах России. События последнего времени (война в Чечне, ситуации в Афганистане и Палестине, в Косово и Македонии) выявили исключительно важную роль проблем, так или иначе связанных с исламом в политической жизни, в обеспечении безопасности личности, общества и государства.

В российском полиэтничном и поликонфессиональном государстве во все времена оставалась актуальной проблема межнациональных и межконфессиональных отношений. Это особенно заметно на юге России, где сложились условия исторически длительного взаимодействия православия и ислама и где интенсивно и противоречиво протекают межэтнические, межконфессиональные процессы аккультурации и ассимиляции. Характерно, что сосуществование этноконфессиональных общностей в России характеризовалось в различные исторические периоды сложностью и неоднозначностью; с одной стороны, прослеживалось их скрытое и явное противостояние, а с другой – взаимодействие и взаимопроникновение. Многие аспекты этого процесса были обусловлены сложностями исторических реалий, борьбой различных политических и религиозных сил,

интересов конкретных людей, и отражались, в конечном счёте, на духовной составляющей жизни этносов. Значительное влияние на современное состояние отношений, складывающихся между представителями различных этнических и конфессиональных общностей и их институтами, оказывала достаточно противоречивая этноконфессиональная политика государства, проводившаяся в течение длительного исторического периода .

В результате всех этих процессов, как далекого, так и совсем недавнего прошлого и даже наших дней, и сформировался тот конфессиональный портрет страны, который мы сегодня имеем.

3.4. Конфессиональное пространство России на рубеже тысячелетий

Выше мы констатировали, что и до 1917 г., и настоящее время конфессиональное пространство России – при безусловном преобладании православия – было и остается неоднородным, многообразным. Но что же все-таки изменилось в нем к рубежу тысячелетий?

Во-первых, число религий, конфессий, религиозных направлений и деноминаций существенно выросло, и эта тенденция к росту конфессионального разнообразия сохраняется.

Во-вторых, многоконфессиональность распространилась на регионы, в том числе такие, которые прежде были полностью или в основном моноконфессиональными.

Исторически носителями определенных религий были конкретные этносы или группы этносов. Ареалы их традиционного, исторически сложившегося расселения были одновременно и ареалами распространения исповедуемых ими религий.

Европейская часть России, большая часть Украины и Белоруссии, значительные пространства Сибири и Дальнего Востока, заселенные славянами – русскими, украинцами, белорусами, а также принявшими христианство финно-угорскими и уральскими народами и народностями – территории распространения православия.

Западные области Украины и Белоруссии, а в дореволюционной России и Польша – зона распространения римо-католицизма и греко-католицизма.

Прибалтика, Финляндия, Ингерманландия – территории распространения лютеранства.

Среднее и частично Нижнее Поволжье, часть Приуралья и Западной Сибири, заселенные татарами, башкирами и другими тюркскими народами, а также Казахстан, Средняя Азия, Северный Кавказ – традиционные регионы распространения ислама.

Алтай, юг Сибири и Дальнего Востока – ареал бытования буддизма, а также шаманизма.

Эти регионы и сейчас в известной мере сохраняют свою традиционную этническую и конфессиональную определенность. Но их этноконфессиональные границы уже размыты, а многие вообще перестали быть моноконфессиональными.

В XX в. произошли гигантские процессы миграции, прежде всего трудовой, стимулированные индустриализацией и урбанизацией страны, бурным экономическим развитием отдельных регионов, промышленным освоением Сибири, Севера, Дальнего Востока, развитием путей сообщения. Это повлекло за собой и планомерное, и стихийное перемещение трудовых ресурсов, исход массы людей из трудоизбыточных регионов или регионов с дисбалансом полового состава населения. К большим перемещениям масс людей и, соответственно, изменению этнического состава населения приводили массовые депортации, в том числе целых народов, эвакуация в годы Великой отечественной войны и, наконец, вынужденная миграция в последние годы, вызванная распадом СССР, межнациональными конфликтами, образованием на территории России «горячих точек». И этот процесс пока не ослабевает.

Все это повлекло за собой существенное изменение национальной и конфессиональной структуры населения большинства субъектов Российской Федерации и, как следствие, развертывание там деятельности не традиционных для этих регионов конфессий и религиозных направлений. Сейчас практически в каждой области, крае, республике, где бы они ни находились, проживают люди как минимум 50–60 национальностей, последователи 20–30 конфессий или религиозных направлений.

Среди всего этого конфессионального разнообразия в России и в большинстве регионов больше всего как по числу направлений, так и по числу последователей и их религиозных объединений представлено христианство. В Российской Федерации сейчас действуют как минимум 40 христианских церквей, направлений, деноминаций.

Абсолютное ведущее место среди них занимает православие в лице Русской православной церкви (10912 религиозных объединений – 54% всех религиозных объединений, зарегистрированных в Минюсте на 1 января 2001 г.). Православие также представлено 209 религиозными объединениями РПЦЗ, РПСЦ, РПАЦ ИПЦ, УПЦ (Киевского патриархата) и 278 объединениями старообрядцев разных направлений и толков.

4779 зарегистрированных (подчеркнем это, так как, видимо, примерно столько же действующих без регистрации) объединений имеют различные направления протестантизма (в 1992 г. их было 510). 258 религиозных объединений имеется у римско-католической и 5 – у греко-католической церквей, 42 – у Армянской апостольской церкви.

Второе место по числу верующих и пока третье – по количеству общин в России занимает ислам. Часто, исследователи описывая процесс исламского возрождения, приводят в качестве примера рост количества мечетей, медресе, возникновение официально зарегистрированных и не зарегистрированных мусульманских общин и т.д. Так в России в 1980 г. в составе Духовного управления мусульман европейской части СССР и Сибири (ДУМЕС) насчитывалось 94 мечети, в 1992 г. его преемник, Центральное духовное управление мусульман России и европейских стран СНГ (ЦДУМ), имел 870 мечетей, а в 2003 году – свыше 7000. Согласно

американскому журналу «Тайм», мусульмане составляют 5,5% всего населения России.

Зарегистрировано также 193 буддистских и 197 иудаистских объединений, 106 – Общества сознания Кришны. Остальные 188 зарегистрированных в Минюсте объединений приходятся на 22 малочисленные и маловлиятельные религиозные направления.

Так рисует конфессиональный портрет нашей страны официальная статистика Минюста.

Но за сухими цифрами статистики важно видеть то, что все эти 20 тысяч религиозных объединений существуют в нашей стране на законных основаниях, зарегистрировав свои уставы в органах юстиции, и, как бы ни относились к ним и их организаторам, руководителям и проповедникам те или иные представители органов власти, некоторые слои общественности или другие конфессии, нельзя забывать, что их последователи – это наши сограждане, соотечественники, реализовавшие тем самым свое конституционное право на свободу совести.

Теперь обратимся к третьему вопросу: какое место в многообразном и разнородном конфессиональном пространстве России занимает Русская православная церковь, какова ее роль в этой ситуации и каково, образно говоря, ее самочувствие в насыщенном иноконфессиональном окружении?

3.5. Место Русской православной церкви в конфессиональном пространстве России

И в силу особенностей исторического развития России, и в силу наибольшей массовости своей базы православие занимает особое, преобладающее место в конфессиональном пространстве страны, которое никто не может, да и не пытается поставить под сомнение. Особая роль православия в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры признана законодателем в преамбуле Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 1997 г.

Как уже отмечалось выше, православные религиозные объединения составляют более половины всех зарегистрированных религиозных объединений в стране. Примерно такую же часть составляют православные верующие в общем составе населения. По данным одного из последних социологических опросов, проведенных Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в ноябре 1998 г., исповедуют православие 48,1% населения России, что составляет примерно 85–90% от числа всех верующих. Православие, Русская православная церковь занимают сейчас доминирующее положение в средствах массовой информации, прежде всего электронных СМИ. Широко развивается православное религиозное образование.

И вместе с тем в Церкви, в кругах православной общественности постоянно высказывается тревога по поводу деятельности в стране других конфессий, особенно католицизма, многочисленных протестантских

объединений и новых религиозных движений (НРД). Звучат обвинения их в прозелитизме, в посягательстве на каноническую территорию РПЦ, раздаются призывы к властям законодательно или административно запретить или ограничить деятельность соперничающих с РПЦ конфессий.

Следует признать, что конкуренция между конфессиями в борьбе за влияние на общество и за привлечение новой паствы действительно существует, и она носит довольно острый характер. Но иначе и быть не может. Общий процесс реформ социально-экономического и общественно-политического устройства России, демократизация законодательства и всего строя общественной жизни не могли не коснуться и религиозной сферы: не может быть рынка товаров без рынка идей.

В России сложилась ситуация религиозной свободы, которой так долго добивались и православная церковь, и все другие конфессии, образовалось то самое чрезвычайно насыщенное и разнородное конфессиональное пространство, о котором шла речь выше. Эта религиозная свобода ставит каждого россиянина, имеющего религиозные потребности, особенно из числа впервые обращающихся к вере, в ситуацию непростого выбора, а церкви и другие религиозные организации – в ситуацию жесткой конкуренции за привлечение этих людей к себе. И тут оказалось, что не все церкви готовы к этому. Не готова оказалась в первую очередь православная церковь. Она веками проводила свое вероучение в массы, опираясь на поддержку государства, которое всеми мерами подавляло ее конкурентов. Но теперь по закону, отделившему религиозные организации от государства, и по демократическим нормам современного цивилизованного мира она такой поддержки лишилась. И к тому же за годы политики государственного атеизма она утратила опыт и навыки миссионерской деятельности в различных группах населения. В то же время протестантские объединения именно за эти годы подавления и преследования накопили богатый опыт миссионерства, который в условиях свободы сразу стал приносить им свои плоды.

Но нам кажется, что проблема для Русской православной церкви заключается вовсе не в конкуренции со стороны других конфессий и особенно со стороны западных миссионеров и новых религиозных движений. Возможности и степень влияния последних сильно преувеличиваются церковными публицистами и СМИ, которые сами создают из них «страшилки», а потом отчаянно борются с ними. Более того шумная, почти истерическая кампания против них только создает им прекрасную бесплатную рекламу. Тем более, что миссионерское поле в России обширно и почти не распаханно, места на нем хватит всем конфессиям. Было бы желание и умение трудиться на духовной ниве. По данным многих социологических опросов верующие и неверующие составляют в современной России и отдельных регионах примерно равные группы населения: данные колеблются от 50 на 50 до 60 на 40 процентов.

Сегодня часто и много говорят о религиозном возрождении. Действительно, происходит возрождение Русской православной церкви (как

и других религий и конфессий, например, ислама, иудаизма, лютеранства и др.) в плане восстановления и укрепления ее епархий и приходов, монастырей, учебных заведений, благотворительных учреждений, оживления церковной жизни, развития богословской мысли.

После семидесяти лет ограничений и преследований произошло возвращение Церкви в общество, точнее, возвращение ей достойного места в обществе. Многие представители РПЦ – священнослужители, церковные публицисты, люди из кругов православной интеллигенции высказываются в том духе, чтобы это место и положение Церкви были такими же, как когда-то – до советского периода нашей истории. Но такое вряд ли возможно. То время, то общество ушли в прошлое безвозвратно. Церковь была «вытолкнута» из одного общества, а возвращается в другое. Возрождающаяся Церковь застала в 90-х гг. совсем иное общество, чем оно было несколько десятилетий или век назад, иную Россию и иной мир.

Это уже не крестьянская неграмотная Россия – бывшая основная часть паствы и массовая опора православной церкви. Ныне – это урбанизированное индустриальное общество, и основная часть паствы сегодня – горожане, в массе своей – люди с высоким уровнем образования. А все прошлые наработки церкви относительно организации приходской жизни касались главным образом села. И прошлое миссионерство было направлено в основном на сельское население, в том числе так называемое инородческое.

Новое общество – информационное общество. В эпоху глобальной информатизации уже нельзя жить замкнутым мирком, даже если этот «мирок» размером с империю. Все, что делается в мире, в том числе в религиозной сфере, получает отражение у нас. Все, что делается у нас, немедленно становится известным в мире и получает там реакцию.

И пространство России стало таким же прозрачным для распространения религиозной информации любого конфессионального содержания как извне, так и внутри страны. И люди стали другими – и по уровню образования, и по уровню квалификации, и по мобильности, и – главное – по уже усвоенному, хотя и далеко не полностью, демократическому опыту. Даже обратившись к религии в последние годы, показывая при социологических опросах высокий уровень доверия к церкви как общественному институту, они могут проявлять критическое или, по крайней мере, скептическое отношение ко многим ее действиям и инициативам.

Однако складывается впечатление, что ни Русская православная церковь, ни другие конфессии в нашей стране, в первую очередь традиционные, еще по-настоящему не поняли, что и мир, и Россия, и сами россияне изменились. В том массовом обращении россиян к религии, пик которого пришелся на 1992–1994 гг. заслуги самой Церкви, собственно говоря, очень мало. Это не она своей проповедью и миссионерской деятельностью привела массы людей в храмы, а они сами пришли в поисках новой идентичности и новой системы мировоззрения и ценностей взамен утраченных – социалистических. Вот в чем главная причина сравнительно большего успеха многих протестантских объединений и зарубежных проповедников в России: они сами ищут, зовут к

себе и привечают растерявшихся после крушения привычной системы ценностей людей. Православная же церковь оказалась лицом к лицу не столько с результатами своей миссионерской деятельности, сколько со стихийным наплывом неопитов, людей из числа еще недавно неверующих, многие из которых, кстати, пришли в церковь не в силу религиозной потребности, а в поисках новой идентичности.

3.6. Религиозная ситуация на Северном Кавказе

На сегодня обострившаяся ситуация в межнациональных отношениях в нашей стране касается практически всех регионов, где проживают мусульмане. Как показывает практика, немаловажную роль в межнациональных отношениях играет религиозный, в частности, исламский, фактор. Это лишний раз убеждает нас в том, как важно определить место и роль религии в современной жизни, осознать, что она является не только частью культуры и цивилизации народов, но и активной социальной силой, способной оказывать большое влияние на жизнедеятельность общественного организма. Нельзя забывать и об использовании религиозных лозунгов самыми различными силами, как в нашей стране, так и за рубежом. Думается, все это придает несомненную актуальность и остроту изучаемой проблеме.

Северокавказский регион — не только сложное в этническом плане, но и крайне неоднородное в религиозном отношении образование. Несмотря на столь высокую степень этнорелигиозной пестроты Кавказа, можно, пожалуй, выделить одно: на Кавказе доминируют две основные религии — христианство и ислам. На Северном Кавказе компактно проживают представители более 40 этнических общностей российского народа, которые имеют давние исторические связи между собой и с остальной Россией и сохраняют свою культурную отличительность.

Нынешние трудности на Северном Кавказе усугубляются тем обстоятельством, что исторически Россия, точнее, русскоязычная российская культура утрачивает в этом регионе безраздельное доминирование, что по существу означает конец однозначной «русификации» и «европеизации». В культурном пространстве более значимыми становятся как местные этнические культуры, так и культурные мировые системы, связанные с исламской или «восточной» традицией.

Начало возрождения религии в России, в том числе и на Северном Кавказе, связано с «перестройкой», а в постсоветский период оно приобретает все более бурный характер. Относительно длительный период сохранения баланса культур на Северном Кавказе, их взаимное прораствание предотвращали культурно-политическую конфронтацию, несмотря на трагические страницы советского периода.

Кризис интегрирующей и унифицирующей социалистической идеологии, обвальная распад СССР привели к кризису самоидентификации народов Северного Кавказа, стремлению этнонаций к суверенизации, обретению

реальной государственности. В настоящее время происходит процесс национального возрождения народов Северного Кавказа.

В последние годы на Северном Кавказе религиозное сознание все более активно выступает как фактор возрождения и развития национального самосознания людей. В этом находит свое проявление его мощная интегрирующая функция. Причем часто на уровне обыденного сознания понятия «христианин», «иудей», «мусульманин» приобретают не только религиозное, но и этническое содержание.

Религия на Северном Кавказе возрождается в полиэтничной среде, и процесс этот протекает параллельно с процессом возрождения северокавказских этносов. И в этом одна из особенностей возрождения религии на Северном Кавказе.

Причины активизации религиозного фактора и возрастания его роли в общественной жизни и сознании людей на сегодняшний день для всех вероисповеданий одинаковы. Это общая нестабильность в социально-экономической и политической сферах, перенаселение большинства районов вследствие больших потоков миграции и вытекающие отсюда обнищание и безработица на фоне возрастания имущественного расслоения; быстрая урбанизация и рост маргинальных слоев за счет выходцев из деревни.

Так, по результатам социологических опросов, проведенных в отдельных республиках Северного Кавказа, примерно 75% респондентов ответили, что считают себя верующими. Среди русских удельный вес верующих наименьший — 64%, в то время как у мусульманских народов Северного Кавказа этот показатель колеблется от 75% у карачаевцев и до 80% и более у черкесов, кабардинцев и балкарцев, и до 84% у народов Дагестана.

Представление о неразделенности религиозного и светского способствует жизнестойкости исламской культуры. Для ислама характерна ориентация человека на социальный объект, определенная детерминированность его поведения. Своими последователями ислам воспринимается не просто как религия, но и как образ жизни, что в известном смысле «фиксирует» принадлежность к нему каждого человека с мусульманской фамилией.

Следует понимать, что постсоветское население — это по преимуществу атеисты или просто неверующие. Даже в Чечне и Дагестане многие не знают Корана и не совершают необходимых обрядов. В вакуум после демонтажа советской идеологии входят разные доктрины и учения, в том числе и агрессивный сепаратизм, и религиозный экстремизм исламского толка. К подлинному исламу это не имеет никакого отношения.

С возрождением религиозной жизни на Северном Кавказе также начался и массовый приход в православную церковь представителей различных слоев общества. Приходя в церковь из безрелигиозной среды, эти люди, копируя внешние признаки воцерковления, приносят с собой представления, чуждые христианству.

Широкое распространение получил так называемый «неофитский синдром», выражающийся в стилизованной церковности, нетерпимости к представителям других вероисповеданий. Как отметил церковный публицист

А. Кураев, большинство сегодняшних православных верят «не в Бога, а в православие».

К сожалению, в народной толще религиозное возрождение последних лет носит в значительной мере, как в православии, так и в исламе, обрядовый характер. И это можно считать еще одной особенностью возрождения религии на Северном Кавказе. К сожалению, прервавшаяся связь времен привела к утрате понимания людьми философской сути обеих религиозных систем.

В 90-х годах началась широкая кампания и в Чечено-Ингушетии, также строятся мечети, в городах Грозный и Назрань открываются институты ислама, которые готовят имамов. Чеченские и ингушские студенты отправлялись на стажировку в арабские и другие мусульманские страны. В ноябре 1990 года вышел первый религиозный журнал «Исламиан занарши» (Горизонты ислама). В том же году были созданы две исламские политические партии — «Исламский путь» и филиал Всесоюзной исламской партии возрождения. Обе партии активно участвовали в чеченском национальном движении.

Судьба мусульманства в Ингушетии была тесно связана с общим положением ислама в Чечне. В июне 1992 года после создания Республики Ингушетия Духовное управление Ингушетии приняло статус официальной религиозной организации. Вообще, в современной Ингушетии влияние ислама на общественно-политическую жизнь страны все больше увеличивается. Почти везде приняты и исполняются инициационные ритуалы, связанные с переходом представителей мужского пола из младшего возраста в старший, культ шейхов, изучение арабского языка и основ Корана, воспитание молодежи в духе ислама.

В 1990 году в Карачаево-Черкесии также было основано независимое Духовное управление. В 1990 — 1994 года в республике начали активно восстанавливать старые мечети и строить новые, активизировалось преподавание Корана, воспитание молодежи в религиозном духе. К 1995 году в каждом селении функционировала, по крайней мере, хотя бы одна мечеть. Увеличилось число мусульман, они составляли теперь 55% всего населения. С 1989 по 2000 годы количество мусульманских общин увеличилось с 24 до 113, православных с 7 до 19. За этот же срок построено 50 новых мечетей, еще 22 мечети находятся в стадии строительства. В собственность мусульманских организаций было передано в КЧР 24 здания гражданской архитектуры, приспособленных для культовых целей. Работает свой Исламский университет.

Возрождение ислама почувствовал на себе и Ставропольский край с традиционным преобладанием православия, хотя число традиционно исповедующих ислам в Ставропольском крае и больше (178800 по переписи 1989 г.), чем в соседней Карачаево-Черкесии (166500). Численность мусульманских общин в крае возросла с 3 (1991 г.) до 38 (2001 г.).

После окончания военных действий в Чечне (первая Чеченская война) заметно активизировалась деятельность мусульманских общин в сельских

районах Ставропольского края. Ислам не только объединяет разные народы, его исповедующие. Сельские общины мусульман сформированы в основном по этническому признаку и не всегда шли на контакт не только с Духовным управлением мусульман Карачаево-Черкесии, в ведение которого входит и Ставропольский край, ни и не контактируют с общинами другой этнической принадлежности.

По данным на 2000 год в Ставропольском крае уже числится 38 мусульманских общин, причем в 25 из них имеются культовые сооружения.

Совсем другая ситуация в городе. В Ставрополе, например, мусульманская община полиэтнична. Историческое расселение и расширение предпринимательской деятельности привели к объединению городских мусульман не по родственному признаку. Активные члены общины — в основном, члены карачаевского, вайнахского (чеченцев и ингушей), дагестанского (даргинцев, аварцев) национально - культурных обществ. Общего помещения для молитв у них нет. Имеющаяся в городе мечеть — памятник архитектуры — занята под филиал музея изобразительных искусств. Сложившаяся ситуация с передачей здания мечети остается поводом для высказывания недовольства всеми национально-культурными обществами, члены которых традиционно исповедуют ислам.

Процесс возрождения коснулся и Русской Православной Церкви. Только в Ставропольском крае количество приходов возросло до 219 (2000г). Стала работать Ставропольская духовная семинария, открылись воскресные школы при действующих храмах. 160 культовых зданий в эти годы передано в крае РПЦ в пользование или собственность. Многие церкви построены заново.

Для сравнения — только в КЧР за 10 лет построено около 100 мечетей и 9 православных храмов. Если в 1991 году в Чечено-Ингушской республике работало только 13 приходов, то уже в 1998 году в Чеченской и Ингушской республиках зарегистрировано по 11 приходов в каждой.

В связи с увеличением количества приходов и по другим внутренним причинам РПЦ пошла на увеличение количества епархий. Если раньше почти все северокавказские республики и Азербайджан были окормляемы одной Ставропольской и Бакинской епархией, то в 1995 году образовалась Элистинская епархия, в ведении которой отошла православная паства Калмыкии.

В 1999 году образовалась Бакинская и Прикаспийская епархия, в ее ведение отошли бакинские, чеченские и дагестанские православные христиане.

А в целом, на Северном Кавказе происходит возвращение православия, но оно происходит в обществе, где люди на протяжении нескольких поколений в своем подавляющем большинстве не имели никаких связей с институциональной церковной жизнью и православным вероучением. Надо отметить, что среди приверженцев рыночных реформ преобладают православные верующие, и не атеисты, а как раз носители аморфного, размытого религиозного сознания. Посещение церквей само по себе не

включает в реальную церковную жизнь и знакомит с традиционным религиозным мировоззрением в минимальной степени.

Поэтому православие в силу отмеченных выше причин для большинства оказывается новой религией.

В связи с новым поворотом общественного сознания православие постепенно приобретает особое значение символа национальной идентичности. Русский народ, лишившись многих идейных и культурных основ национального самосознания, в ситуации, когда и недавнее коммунистическое прошлое им отринуто, и в дореволюционной самодержавной государственности он таких основ не находит, постепенно обретает это самосознание в религиозно-культурной национальной традиции.

Еще одна особенность современной религиозной ситуации на Северном Кавказе состоит в том, что возрождение духовной религиозной культуры и традиций, тесно связанных с широко распространенными национальными обычаями и обрядами, религиозную консолидацию национальные партии и движения пытаются использовать в достижении различных политических целей. Это относится как к христианству, так и к исламу — основным религиям, исповедуемым народами Северного Кавказа.

В этих условиях использование религиозной идеологии в политических целях может опираться на довольно широкую социальную базу, учитывая дальнейшее ухудшение социально-экономической ситуации и усиление напряженности в регионе.

Отметим, что, несмотря на разные предназначения, цели, сферы деятельности, религия и политика взаимосвязаны. Взаимоотношения политики и религии требуют в каждый исторический период конкретного анализа, призванного раскрыть специфику участия разных звеньев религиозных организаций в политике и особенности использования религии политическими деятелями.

Ставшие традиционными формы переплетения политики и религии, выявившиеся в истории разных народов, существуют и сегодня в нашем обществе и вряд ли в обозримом будущем могут быть преодолены. Они сводятся к следующему.

Воздействие религии на политику ощущается, прежде всего, в том, что религия как определенная мировоззренческая система, включающая обязательные нравственные установки, влияет на умонастроения своих последователей, их жизненные устремления, социальное поведение, политические действия. Разумеется, воздействие это тем сильнее, чем глубже вера приверженцев данной религии, чем больше их готовность следовать ее нормам в повседневной жизни.

Среди элементов религиозного комплекса, воздействующих на политику, особое место принадлежит конфессиональной организации, деятельности самих священнослужителей.

Аналогичным образом оценивается сегодня общественно-политические, в первую очередь, миротворческие, действия религиозных лидеров во время

социальных и национальных конфликтов (совместные акции православных и мусульманских руководителей против войны в Чечне).

На Северном Кавказе общественно-политическая деятельность представителей традиционных религий (православия, ислама) связана также с сохранением этнического самосознания, традиций и ценностей населяющих ее народов, с неприятием ныне пропагандируемых идеалов общества потребления, индивидуалистических, сугубо утилитарных, прагматических ориентаций.

Активные попытки по политизации ислама в регионе предпринимают региональные религиозно-политические объединения, которые в основном находятся на территории Чечни и Дагестана. Разумеется, политическая ангажированность ислама имеет место и в других регионах, но проявляется она преимущественно спорадически, в основном в связи с избирательными кампаниями, когда кандидат в президенты или партия власти нуждаются в дополнительной поддержке. На Северном же Кавказе использование ислама в качестве орудия политики — постоянно.

В этом нет ничего необычного. Исламское возрождение в регионе проходит на фоне обострения политической борьбы, и вполне логично, что тот или иной политик или группировка готовы прибегнуть к исламской аргументации, втолковывая людям соответствие своих взглядов исламской традиции. Иногда такую позицию интерпретируют как «мода на ислам». В этом есть определенная доля правды. Но главное здесь не сама «мода», а условия, ее формирующие.

Взаимодействие политики и религии осуществляется и путем использования религии в своих интересах политическими деятелями, в первую очередь, стоящими у власти. В ход пускаются различные средства: и предоставление материальных привилегий, и определенное давление, а апелляция к общим интересам.

Националистические экстремистские группировки в центре и на местах, местные элиты в своей борьбе за власть и материальные блага зачастую прибегают к религии, усугубляя тем самым межнациональную и межконфессиональную напряженность. Используется авторитет религии и при военных столкновениях. Сепаратисты в Чечне в целях легитимизации и освящения своих действий постоянно взывали к Аллаху, ратуя «за возврат к исламскому обществу в соответствии с учением Корана», введение законов шариата.

Религиозный фактор присутствует в политике и в тех случаях, когда в силу конкретных обстоятельств сами верующие, участники массовых движений обращаются к религии для оправдания собственных действий, для идеологического обоснования своих интересов, надежд, чаяний.

В современной России обращение значительных слоев населения к религии обусловлено — среди прочих причин — недоверием (в обстановке ухудшения экономического и экологического положения, политической нестабильности, духовного, нравственного кризиса, распространения коррупции, порнографии, межэтнической напряженности и т. д.) к

проводимой властями политике, к заявлениям государственных деятелей. В проповедуемых религией гуманистических общечеловеческих ценностях, идеях духовности и душевной чистоты они видят заслон от циничной политики нравственного упадка, поразившего общество, обретая в религии опору исконных национальных ценностей.

Итак, политика и религия связаны между собой многими нитями, хотя в принципе призваны разными средствами способствовать личному и общественному благу людей.

На Северном Кавказе нет ни одной социальной или политической проблемы, в которой прямо или косвенно не присутствовал бы конфессиональный, исламский компонент. И это понятно, поскольку большинство коренных этносов Северного Кавказа составляют мусульмане. Конфессиональная принадлежность откладывает отпечаток на отношения людей к происходящим вокруг них событиям, тем более, когда они становятся их непосредственными участниками.

В последние годы в связи с религиозным возрождением часто дебатруется вопрос о том, кого, собственно, можно считать верующим. Хотелось бы отметить, что более актуальным для общественной и политической жизни в наше время является то, насколько важна для человека как индивида и как члена социума его принадлежность к какой-либо конфессиональной культуре, что оказывает на его политическое поведение и социализацию большее воздействие, чем вера.

Это вдвойне важно, когда речь заходит о меньшинствах, для которых конфессиональная принадлежность отождествляется с принадлежностью этнической. С этой точки зрения можно говорить о том, что мусульманами считают себя практически все неславянские народы Северного Кавказа за исключением осетин, приблизительно 70% которых христиане.

Существует устойчивое мнение о том, что собственно этнические, горские традиции были и поныне остались для северокавказских мусульман более значимыми, чем ислам. С этим можно согласиться, однако правильное говорить о растянувшемся в историческом времени и прерванном в 1917 году процесс исламизации, который длится до сих пор. У северокавказских народов в весьма специфических условиях завершается утверждение монотеистической религии. Исламизация, как и христианизация разных народов, растянулась на многие столетия.

С одной стороны, деление Северного Кавказа на более и менее исламизированные субрегионы справедливо и является социокультурной и социально-политической данностью, которую нельзя отрицать. С другой — если рассматривать воздействие ислама на северокавказское общество в динамике, то нельзя игнорировать растущую религиозную активность (в том числе на западе, в Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Адыгее), а также рост контактов между ревнителями исламского возрождения западной и восточной частей Кавказа. Разумеется, разрыв между уровнем исламизированности и социальной ангажированностью религии в указанных республиках будет сохраняться. Исследователь А. Ярлыкапов считает, что

чаще других на северо-западном Кавказе на пропаганду ваххабизма откликаются балкарцы и карачаевцы .

Исходя из вышесказанного, отметим еще одну особенность современного процесса возрождения религии — на Северном Кавказе продолжается незаконченный исторический процесс исламизации Кавказа, одновременно с этим православие в современных (посткоммунистических) условиях также является новой религией для народов, традиционно его исповедующих.

Исключить ваххабизм из политической палитры региональной стабильности на Северном Кавказе — значит, его сознательно мистифицировать как региональный политический процесс. Ваххабизм никогда не станет для мусульман знаковым символом подсознательного отторжения или неприятия, как не стали таковыми в свое время старообрядцы для православных мирян России. Симпатии и сочувствие народа подвижнической стезе радетелей «чистоты веры» позволили выжить старообрядческим общинам в условиях жесточайшей конфронтации с государством.

Особое место в этнической структуре северокавказского региона занимают коренные народы, выступающие самостоятельными субъектами политических отношений и являющиеся носителями специфических национальных интересов, как правило, связанных с различными аспектами этнотерриториального устройства.

Следует учесть еще одно немаловажное обстоятельство. Чрезвычайно сложная этническая структура северокавказского региона сделала практически невозможным удовлетворение государственно-политических интересов всех этнических сообществ и тем более обеспечение равенства их политических статусов. В то же время этническое самосознание формируется у всех народов региона вне зависимости от наличия или отсутствия объективных условий для их государственного самоопределения.

Этому способствуют политические, социально-экономические интересы определенных групп и этносов, сложные миграционные процессы, сложности взаимоотношений между различными этническими группами.

Надо сказать, что в определенной степени эти проблемы идентичны проблемам остального христианского, мусульманского мира, где идея объединения тех или иных стран, установления в них норм религиозного миропорядка остается лишь теологической декларацией, в то время как узконациональные интересы тех или иных этносов или общественных групп выступают на первое место.

Кроме этого, в ходе национального районирования не все народы Северного Кавказа получили ту или иную форму государственности.

В то же время говорить об исламском движении как монолитной общественной силе можно с большой долей условности. Оно представлено разнородными общественно-политическими субъектами, которые отстаивают свои собственные интересы и цели. При этом последние несут исламскую религиозно-политическую окраску нередко номинально, тогда

как сфера фактических интересов лежит в плоскости конкуренции субэлитных групп.

Характеризуя роль ислама на Северном Кавказе, французский философ Оливье Руа, с одной стороны, указывает на сильно развитое здесь мусульманское самосознание, с другой — он обращает внимание на тот факт, что чувство мусульманской солидарности выражено весьма слабо. На Северном Кавказе, считает он, нет мусульманской солидарности, у каждого народа свои виды на будущее.

Северный Кавказ в результате вхождения в состав российского государства и участия в его культурном диалоге, в том числе с русским языком и культурой, обрел черты той общности, которые позволяют говорить о нем как об историко-культурном, а не только экономико-географическом регионе.

Крупнейшая этническая группа Северного Кавказа — славянские народы. Численность русских и их доля в трудовых ресурсах северо-западного Кавказа делает их интегрирующим фактором в регионе. Однако, комфортно и уверенно русские и казаки себя уже давно в республиках Северного Кавказа не чувствуют.

В целом, на Северном Кавказе более 70% населения — славянские народы: русские и украинцы, а собственно народы Кавказа, для которых этот регион является основным местом обитания, по численности составляют 26% жителей. Но, в связи с оттоком русскоязычного населения, в большинстве северокавказских республик доминирует титульное население: в Ингушетии — 90%, в Чечне — 80%, в Дагестане — 59%, в Северной Осетии — 52%. Это отличает этнотерриториальные автономии Северного Кавказа от подобных субъектов РФ, где, как правило, титульные этносы оказываются в меньшинстве среди жителей республик.

В этих условиях православие в республиках становится религией преимущественно одного народа, оказавшегося в меньшинстве в иноконфессиональном окружении.

В северокавказских республиках, как успели заметить служащие Ставропольской и Владикавказской епархии, прихожане отличаются возрастом, своей активностью, частотой посещения церкви и т. д.

Из всего вышесказанного следует выделить еще одну особенность современной религиозной ситуации на Северном Кавказе: ислам, при его определяющем влиянии на национальное самосознание не сможет объединить различные этносы со своими традициями и интересами. Православие же, напротив, в условиях северокавказских республик объединяет все славянское население.

Ислам как политическое средство достижения межэтнического согласия продемонстрировал свою ограниченность. Как фактор межэтнической и межконфессиональной интеграции на уровне региона он может проявить себя лишь в случае необдуманных или провокационных действий со стороны федеральных властей. В целом конфессиональный фактор вряд ли может

быть эффективно использован во имя достижения политической стабильности в регионе.

В последние годы в России заговорили о распространении нетрадиционных религиозных течений.

У значительной части россиян по-прежнему доминирует установка, что русский человек по происхождению и культуре заранее предназначен быть православным, любой кавказец — обязательно мусульманин. Иная религиозная ориентация воспринимается на бытовом уровне весьма неоднозначно. Но когда те или иные обстоятельства побуждают человека обратиться к вере, этой предрасположенности хватает лишь на то, чтобы предпочесть всему многообразию вероучений что-либо христианское или мусульманское, и не вдаваться в догматические различия течений.

Такая же тенденция прослеживается и в Карачаево-Черкесии, но только с характерной для этой республики особенностью — международные религиозные организации получили распространение в основном в районах с преимущественным проживанием русского населения — г. Черкесске, Урупском и Зеленчукском районах.

Новые мировоззренческие ориентиры внедряются в те социальные группы населения, которые представляют наиболее активную часть социума.

В отношении северокавказских народов к нетрадиционным течениям можно отнести проникновение на территорию Кавказа религиозно-политического движения — ваххабизма. В Карачаево-Черкесии, например, считают, что наибольшее проникновение он получил среди карачаевского народа. Почти все задержанные по террористическим актам в Ставропольском крае и по взрывам домов в Москве — карачаевцы.

Основными местами сосредоточения ваххабитов в Карачаево-Черкесии являются Малокарачаевский район, г.Карачаевск, Карачаевский район. Литература, распространяемая среди населения, большей частью религиозного содержания, но встречаются прокламации, откровенно призывающие к межрелигиозной розни.

Исходя из вышесказанного, можно выделить еще одну особенность возрождения религии на Северном Кавказе. При восприятии нетрадиционных религий и течений конфессиональные приоритеты у народов сохраняются — к разнообразным христианским течениям (а также к интерконфессиональным религиозным образованиям) более склонны русские и другие православные народы Северного Кавказа, для мусульманских же народов нетрадиционным для этих мест религиозным течением будет ортодоксальный ваххабизм.

Те, кто знают истинную цену и эффективность религиозных факторов при решении политических проблем, предпочитают использовать их без лишнего шума, направляя умело потенциал и энергию миссионеров в нужное русло.

В то же время сама по себе «доисламизация» ряда народов Северного Кавказа не является угрозой для России, значительная часть населения которой традиционно исповедует ислам. Более того, Россия заинтересована в

заполнении культурно-ценностного вакуума, возникшего в регионе после краха коммунистической идеологии и распада СССР.

Можно смело утверждать, что в последнее время, благодаря глобальным переменам последних лет, развитие ислама и христианства на Северном Кавказе входит в принципиально новое русло. Остается надеяться, что эти естественные перемены не приведут к дальнейшему обострению ситуации и дальнейшее развитие всего кавказского региона, как одного из важнейших геополитических пунктов мирового сообщества, станет примером мирного сосуществования двух основных религиозных направлений — христианства и ислама

3.7. Религиозная ситуация в Дагестане

В этом параграфе речь пойдет о непростой религиозной ситуации в одной из республик Северного Кавказа – Дагестане, наиболее исламизированной республике Северного Кавказа.

В социокультурной сфере Дагестана, религиозный сектор является, пожалуй, самым крупным и самым разнообразно мобильным. И, как известно, чем более разнообразным становится объект исследования, тем более разнообразными должны быть подходы и методы исследования этого объекта. А это значит, что наше знание об объекте исследования должны быть всесторонними и глубокими.

Таким объектом исследования является специфика бытия многообразных конфессий в социокультурном пространстве современного Дагестана. Конечно, было бы более целесообразно показать все социально-экономические предпосылки возникновения и иудаизма, и христианства, и ислама и др., на территории Дагестана, их исторический анализ, направленный на выявление специфики этих религий, но при этом пришлось бы отказаться от анализа сегодняшней религиозной ситуации, т.к. в рамках данного параграфа всего не объемлешь.

Отметим, что зародившись первоначально в одной определенной этнокультурной среде, каждая из этих религий (иудаизм, христианство, ислам) в дальнейшем отпочковавшись от этой исходной среды, вышла за ее пределы и растеклась очень широко по разным странам, попадая при этом в весьма многообразные социально-экономические, политические, этнокультурные условия, гибко приспосабливаясь к ним, но в то же время и воздействуя на них в сторону некоторой их идентификации. Естественно, степень отрыва и приспособления иудаизма, христианства и ислама к новой среде была разной. Разной была и интенсивность преобразующих влияний на новую среду.

Невероятная конфессиональная пестрота и многонациональность республики Дагестан связана с самобытной историей и причудливым рисунком географического расположения. Республика Дагестан, по размерам территории (50,3 тыс. кв. км.) и численности населения (2.1 млн. человек), самая крупная из республик Северного Кавказа и является приграничной

частью юга России. Она граничит по суше и морю с пятью государствами — Азербайджаном, Грузией, Казахстаном, Туркменистаном и Ираном. Внутри Российской Федерации соседствует со Ставропольским краем, Калмыкией и Чечней. Общая протяженность территории с юга на север составляет около 400 километров, с запада на восток — 200 км. На востоке на протяжении почти 530 км. Дагестан омывает Каспийское море. Южная граница проходит по Водораздельному хребту Большого Кавказа.

В республике действует 2451 религиозное объединение, из них 2396 мусульманских, 50 христианских, из которых 19 православных, 1 древлеправославное, 2 армянских, 28 протестантских (адвентисты седьмого дня - 6, пятидесятники - 5, баптисты союза евангельских христиан-баптистов России - 5, баптисты совета церквей евангельских христиан-баптистов России - 5, евангельские христиане «Благая весть» - 1, свидетели Иеговы - 6) и 5 иудейских.

Как видим из этого перечня, ислам – это религия большинства народов полиэтничного Дагестана. Характерно, что выполняя многофункциональную роль и имея структурное разнообразие, ислам проявляется в Дагестане во всех сферах общественной жизни.

Нормативный ислам, объединяя в себе не только все виды знаний об исламе, но и вопросы, лежащие в сфере религиозного сознания, поднимаемые на уровне религиозной рефлексии, взаимодействуя с самобытным духовным субстратом разных национальных культур, образовал специфическую региональную форму своего бытования, основой которого выступают полиэтничность кавказских мусульман; тесное переплетение с местными традициями и обычаями; принадлежность к разным направлениям ислама.

Следует отметить, что после распада СССР исчезает и идеология коммунистического интернационализма. Из общественного сознания исчезает идеология межнациональных отношений, складывающаяся и развивающаяся на основе всестороннего братского сотрудничества и соответствующей национальной политики, основанной на восприятии мира как глобального общества, члены которого лишены национальной идентичности. Раньше эта идеология хоть как-то согласовывала и регулировала интересы отдельных этносов СССР. Сегодня, на всей территории бывшего СССР, полиэтничные общества, оказались без этого важного общественного регулятора. Особенно остро это стало ощущаться в регионах с мусульманским населением, в частности, в республиках Северного Кавказа, где прогрессировали процессы активизации ислама. И нет ничего удивительного в том, что в этих республиках, исламская идеология, не разделяющая людей по этнической принадлежности, выступила объединительной и регулирующей силой.

Когда среда кажется враждебным и непонятным человеку, когда он наблюдает гибель дорогих ему идеалов, он ищет спасения в религии, т.е. находит иной способ разрешения противоречий между собой и миром. Поддержка среды или сопротивление ей – это прежде всего акт

аксиологического отношения, которое выявляет не столько свойства объекта, сколько их ценность, значимость для человека. Люди всегда обращались и будут обращаться к религии в поисках ответов на вопросы о смысле жизни, долге, счастье ценности человека и т.д.

Как заметил Данэм Берроуз, «Если движение, ставящее своей целью социальные реформы, рушится, если на какое-то время нет шансов разрешить возникшие проблемы непосредственно, путем переустройства общества, то внимание людей направляется на психологические проблемы, которые резко обостряются своей социальной несправедливостью. Зло, лежащее в основе общественных отношений, осложняет жизнь каждого человека и сказывается в первую очередь на моральной стороне его поведения».

Как известно, для мусульман религия традиционно составляет основу основ их идентичности и лояльности, а большинство значительных политических и социальных движений в новейшей истории мусульманских стран основываются на исламе как объединяющей и мотивирующей силе. А в нашем случае, в возникшей непростой ситуации, когда сложно и трудно понять смысл и код культурной трансформации общественного мировоззрения, и непросто вписать эти изменения в религиозный контекст. Исламская религия прилагает немало усилий дать мусульманам адекватные ответы на стоящие перед их уммой политические, экономические и социальные вопросы в рамках их собственной традиции и т.п.

По сути, в этом ничего плохого нет, если прогрессируют гуманистические начала, основанные на общечеловеческих ценностях. Опасность неверных восприятий всегда существует, но если постоянно опасаться неверного восприятия, то можно потерять многие важные импульсы для своего развития, которые к тому же иногда дают плоды, через продолжительные, в том числе и исторически продолжительные промежутки времени. Наличие мостов мировоззрений снижает диспропорции в развитии человеческого общества. В какой-то мере это саморазвивающийся исторический процесс, который требует разумного, конструктивного, служащего гуманным целям, поощрения и поддержки со стороны общества.

В Дагестане (и не только) особенность религиозной ситуации состоит в том, что возрождение духовной, религиозной культуры и традиций, тесно связанных с широко распространенными национальными обычаями, обрядами, и религиозную консолидацию некоторые общественно-политические силы, национальные движения пытаются паразитически использовать в своих интересах, для достижения различных политических целей. Это относится как к христианству, так и к исламу – религиям, исповедуемым большинством народов Дагестана.

Махачкала – столица Дагестана характеризуется относительно высокой степенью религиозной активности населения. В столице действует 102 мечетей, в том числе 44 - джума-мечети, 1- шиитская, 47 квартальных и 11 молитвенных домов.

В исламских учебных заведениях (3 исламских вуза, 14 медресе) города обучается около 1000 чел. Абсолютное большинство верующих мусульман г. Махачкалы является приверженцами шафиитского мазхаба. Есть незначительная часть последователей ханафитского мазхаба и шиизма (джафаритского мазхаба).

На пятничную молитву в джума-мечетях города и пригородных поселках собирается более 40 000 человек.

В Центральном регионе республики (г.Избербаш, г.Каспийск, г.Буйнакск, Акушинский, Ахвахский, Буйнакский, Ботлихский, Гергебельский, Гумбетовский, Гунибский, Дахадаевский, Левашинский, Кайтагский, Карабудахкентский, Сергокалинский, Тляртинский, Хунзахский, Цумадинский, Цунтинский, Чародинский, Шамильский, Унцукульский районы, Бежтинский участок) действуют 1519 исламских организаций, в том числе джума-мечетей – 681, квартальных – 602 и молитвенных домов – 197.

В Северном регионе Дагестана (Бабаюртовский, Казбековский, Кизилюртовский, Кизлярский, Кумторкалинский, Новолакский, Ногайский, Хасавюртовский, Тарумовский районы, гг. Кизилюрт, Кизляр, Хасавюрт, Южносухокумск) действуют 448 исламских объединений, в том числе джума-мечетей – 270, квартальных – 118 и молитвенных домов – 28.

Религиозная ситуация в Северном регионе характеризуется рядом особенностей. Одной из них является многоконфессиональность. Основная часть населения являются последователями суннитского направления в исламе, среди которых распространены шафиитский и ханафитский мазхабы.

Религиозность населения в Южном регионе Дагестана (Агульский, Ахтынский, Дербентский, Докузпаринский, Каякентский, Курахский, Кулинский, Магарамкентский, Лакский, С-Стальский, Рутульский, Табасаранский, Хивский районы, гг.Дербент и Даг. Огни), по сравнению с другими регионами Дагестана, проявляется в слабой форме: здесь функционирует 382 мусульманских объединения, в том числе 291 джума-мечеть, 71 квартальная мечеть, 9 молитвенных домов.

Невысоким остается общий уровень подготовки кадров мусульманского духовенства. Мало верующих, совершающих хадж. Относительно высокая религиозность населения в Табасаранском районе. Здесь функционирует 78 мечетей, действует медресе, в котором обучается около 90 чел.

3.8. Исламские образовательные учреждения в Дагестане

В Республике Дагестан за последние 20 лет сложилась наиболее обширная, по сравнению с другими субъектами Российской Федерации, сеть исламского образования. Она представлена тремя уровнями: высшие учебные заведения (университеты, институты), средне-специальные учебные заведения (колледжи, медресе), заведения начального образования (примечетские школы, мактабы).

В Управлении Министерства юстиции Российской Федерации по Республике Дагестан зарегистрировано 15 исламских вузов (из них действующих- 13) с контингентом учащихся 1472 человек. По данным администраций городских и районных муниципальных образований на территории республики функционирует 79 медресе (3017 обучающихся), из которых 27 зарегистрировано в Управлении Министерства юстиции РФ по РД, 158 примечетских школ (3149 обучающихся).

С 2007г. в Махачкале функционирует Северо-Кавказский университетский центр исламского образования и науки (СКУЦИОН). В состав Университетского центра из республиканских учебных заведений вошли Дагестанский исламский университет им. шейха Мухаммад-Арипа и Институт теологии и международных отношений. Президентом СКУЦИОНа является 1-й заместитель муфтия РД Мутаилов М., директором - ректор Института теологии и международных отношений Садиков М.-З.И. (ныне покойный)

При Университетском центре создан ученый совет, действуют отделы: науки и религиозных исследований, по разработке учебно-методических комплексов и учебной литературы по исламским наукам, по качеству образования и аттестации религиозных учебных заведений. Созданы программы по религиозным дисциплинам, учебники и учебно-методические пособия. Институтом теологии и международных отношений разработан специальный стандарт по подготовке священнослужителей.

3.9. Теологические вузы в Дагестане

В Республике Дагестан созданы и функционируют два теологических института:

1.Негосударственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Институт теологии и международных отношений имени Мамма-Дибера аль-Рочи, г. Махачкала.

2.Негосударственное образовательное учреждение высшего профессионального образования Чиркейский институт имени Саида Афанди, Буйнакский район, с.Чиркей.

3.10. Исламские СМИ в Дагестане

ДУМД имеет свой официальный печатный орган – газету «Ассалам» (издается на 8-ми языках народов Дагестана). По содержанию к этому изданию близко примыкают еженедельник «Исламский вестник» и газета «Нур-ул ислам». Электронные версии газет «Ассалам» и «Нур-ул ислам» помещаются в сети Интернет. С 2002г. в Махачкале под эгидой ДУМД выходит журнал «Ислам». В г. Дербенте выходит ежемесячная газета «Ислам в Юждаге». Шиитская община г.Махачкалы нерегулярно издает газету «Кавсар».

ДУМД два раза в неделю ведет 15-минутные передачи «Мир вашему дому» на русском языке на ГТРК «Дагестан», и через день на каналах ГНТ-

Махачкала «Час размышлений», «Домашний», а также в каждую пятницу на канале «ТВ Центр-Махачкала» передачу «Путь к истине». Пропаганда ислама ведется работниками ДУМД и по республиканскому радио, в том числе на языках народов Дагестана, а имамы мечетей и религиозные активисты выступают в муниципальных СМИ.

3.11. Христианские объединения в Дагестане

Христианство по числу своих последователей занимает в Дагестане второе место после ислама. В настоящее время в Дагестане действуют 50 христианских религиозных объединений, из которых 19 православных, 28 протестантских, 2 армянских религиозных общества, 1 древлеправославная община. Общее число служителей культа православных приходов в РД составляет 23 человека.

На территории РД православные приходы разделены на два округа - Махачкалинское благочиние и Кизлярское благочиние, (благочинный — игумен Пальчиков Юрий Александрович) которые с 22. 03. 2011 года входят в состав Владикавказской и Махачкалинской Епархии Русской Православной Церкви Московского Патриархата. (До этого, с 1998 г все приходы РПЦ расположенные на территории Республике Дагестан относились к Бакинской и Прикаспийской епархии). При православных храмах периодически функционируют воскресные школы. Включают в себя 18 церквей и часовен и 1 монастырь.

Махачкалинское благочиние (благочинный — протоиерей Стенечкин Николай Александрович) включает в себя:

- Кафедральный Собор Успения Пресвятой Богородицы, г. Махачкала

- Храм Святого Знамени Божьей Матери, г. Хасавюрт
- Церковь Казанской Божьей Матери, г. Каспийск
- Церковь Святого Покрова Божьей Матери, г. Дербент
- Церковь преподобного Серафима Саровского, г. Избербаш
- Церковь Александра Невского, с. Ахты
- Церковь Александра Невского, г. Буйнакск

Кизлярское благочиние, (благочинный — игумен Пальчиков Юрий Александрович):

- Храм Святого Великомученика Георгия Победоносца, г. Кизляр
- Свято-Никольская церковь, г. Кизляр
- Часовня во имя иконы Божией Матери «Взыскание погибших», г.

Кизляр

- Церковь Казанской Божьей Матери п. Комсомольский
- Свято-Никольская церковь, с. Крайновка
- Храм святителя Николая Чудотворца, с. Брянск
- Церковь Николая Чудотворца, с. Кочубей
- Церковь Андрея Первозванного, с. Тарумовка
- Церковь Пресвятой Богородицы, с. Таловка

- Церковь Петра и Павла, с. Коктюбей
- Часовня Александра Невского, с. Терекли-Мектеб
- Крестовоздвиженский женский монастырь .

Как видно из этого перечня, на маленькой территории функционирует достаточное количество православных церквей. Многие из них были отреставрированы уже в постперестроечное время. С 5 мая 2007 года действует православный Крестовоздвиженский женский монастырь в Кизляре, основанный в 1736 году архимандритом Даниилом, (выходец из рода грузинских князей), как мужской монастырь, который находится под юрисдикцией епископа Бакинского и Прикаспийского. Монастырь возродили монахини из Ярославской области.

Был восстановлен, собор Святого Великомученика Георгия Победоносца в Кизляре.

В 2000 г. Махачкалинскому Святоуспенскому собору присвоен статус кафедрального. А в 2005 году, к столетию храма, проведена его реставрация.

Ведутся восстановительные работы в армянской церкви Святого Григориса в селе Нюгди Дербентского района.

На территории Дагестана, в г. Хасавюрт, действует самый крупный православных храм Северного Кавказа — Святознаменский собор, названный Знаменским в честь иконы «Знамение» Пресвятой Богородицы, построенный в 1903—1904 годах казаками Терского казачьего войска к 300-летию дома Романовых, который является видным памятником культуры Дагестана.

С 1990 года, наряду с реставрацией старых, активно строились и новые церкви. Было вновь возведено 8 церквей в Кизляре, Ахтах, Буйнакске, Избербаше, Коктюбее, Таловке, Терекли-Мектебе и Комсомольском.

Большую поддержку и помощь православным приходам в деле восстановления и строительства новых храмов оказывает руководство республики и местные администрации. По поручению Президента Республики Дагестан М.Магомедова в рамках Республиканской целевой программы «О взаимодействии с религиозными организациями в Республике Дагестан и их государственной поддержке на 2009-2011 годы» была оказана финансовая поддержка в реконструкции храмов: церкви с.Крайновка Кизлярского района, храма Святого Знамения Божьей Матери г.Хасавюрта. Сейчас Комиссией по распределению финансовых средств, предусмотренных для выполнения данной Программы, образованной при Министерстве по национальной политике, делам религий и внешним связям Республики Дагестан подготовлены документы для оказания финансовой помощи церкви поселка Рассвет Тарумовского района, храму Святого Андрея Первозванного села Тарумовка Тарумовского района, и храму Святого Знамения Божьей Матери г.Хасавюрта .

Конечно, процессы, связанные с возрождением православия в Дагестане не были столь интенсивными, как в исламе. Во многом это было связано с оттоком русскоязычного населения из городов и районов Дагестана. Это

также является причиной уменьшения количества прихожан Русских Православных церквей.

Численность русского населения в Дагестане, по данным Всероссийской переписи населения 2002 г., составляет 120 тысяч человек, или 4,69 проц. к общей численности. По данным переписи населения 1989 года, русских в республике было 166 тысяч человек, или 9,1%. ... В 1959 году - 50 лет назад - по своей численности русские занимали второе место в республике. Они составляли 20% от численности населения. Следует признать, что в Дагестане отток русского населения означает ослабление трудового и культурного потенциала, которое существенно отразилось на общей социально-экономической обстановке республики. Руководство республики обозначило проблему оттока русского населения из республики как важнейшую государственную проблему. В 1994 году была создана Комиссия Правительства РД по проблемам оттока русскоязычного населения за пределы республики.

Достаточно пестрая картина и среди последователей протестантизма в Дагестане (около 5000 человек). На территории нашей республики действуют: Евангельские Христиане баптисты, Адвентисты 7-го Дня, Пятидесятники, Евангельские Христиане и Свидетели Иеговы.

3.12. Иудейские объединения в Дагестане

Этноконфессиональное пространство Дагестана украшают 5 иудейских общин в городах Махачкала, Дербент, Буйнакс, Хасавюрт, Кизляр, которые входят в состав ФЕОР (Федерация еврейских общин России), при которых действуют воскресные школы (хейдер). К сожалению, высших и средних иудейских учебных заведений в республике нет, для получения иудеем статуса раввина приходится пройти 6 лет обучения в «Московском иудейском институте XXI века» и 2 года специализации в Израиле.

Таким образом, мы кратко охарактеризовали современное противоречивое состояние бытия многообразных конфессий на территории Дагестана. Хотя трудно сказать, что условия бытования, на сегодня, отличаются стабильностью, но надо помнить, что и раньше (в дореволюционное время и в советский период) христианские религии, также как ислам, постоянно подвергались определенным внешним воздействиям, которые определяли периоды взлетов и падений этих двух великих религий.

Следует подчеркнуть, что спецификой бытия этих конфессий на территории Дагестана является мирное существование веками, на основе взаимопонимания, взаимотерпимости и взаимоуважения. Хотя, на наш взгляд, следует отметить неравномерный характер импульсов, придаваемых христианством и исламом друг другу. Качество – назовем это так – культурных обменов зависит не только от ориентированности или, наоборот, неориентированности на взаимодействие, не только от того, насколько благоприятны – или неблагоприятны – объективные условия для межконфессионального диалога; качество культурных обменов зависит

также от того находится ли культура данной страны, республики в высоком модусе своего развития или, наоборот, переживает некоторое снижение, а может быть и упадок.

Сегодня, история совершает удивительный поворот, в действие вступают многочисленные, сложные по своему определению силы, демографические, политические, экономические, культурные, социальные обусловленные глобализацией всех сфер общественной жизни. Эти силы не обходят стороной и религиозную сферу российского общества.

Настойчивость Запада в пропаганде своих ценностей вызывает обратную реакцию в незападном мире. История неоднократно доказывала, что западные ценности, основывающиеся на иных базовых социально-экономических основаниях, часто оказывались губительными для традиционных культур, для автохтонов коренного населения и это приводило к возникновению противоречий в обществе, часто деструктивного характера. Нужно учесть, что воспринимающая сторона не столько усваивает чужой опыт, сколько переделывает его на свой лад – в соответствии со своим историко-культурным опытом, со своей национальной психологией, со своим социально-экономическим и политическим устройством. При этом не обходится без искажений, что порой рождает враждебность, конфликты.

Поэтому возникает настоятельная необходимость в совершенствовании механизмов постоянного диалога между обществом и властью, религиозными организациями, информационного и идеологического сопровождения деятельности органов государственной власти республики, органов местного самоуправления и религиозных объединений по улучшению духовно-нравственной обстановки в дагестанском обществе.

3.13. Религиозная ситуация в большинстве развитых обществ.

Их основное отличие от развивающихся стран заключается в том, что, хотя перед ними тоже стоят внешнеполитические проблемы, они носят менее настоятельный характер. Общий уровень материального благосостояния в этих обществах высок, пусть даже там сохраняются все же нищета и несправедливость. Уровень образования неуклонно возрастает, так что в не столь отдаленном будущем доля людей с высшим образованием в некоторых районах Соединенных Штатов может достигнуть 50%. По самым разнообразным каналам поступает небывалый по своему объему поток сведений о мире - и это несмотря на серьезные помехи в передаче информации. Если в развивающихся странах большая часть эмоциональной и умственной энергии направляется на разрешение насущных экономических и политических проблем, то в наиболее развитых обществах по мере разрешения подобных проблем вопрос о смысле жизни имеет больше шансов стать центром внимания.

В развивающихся странах наиболее подходящими оказываются категорические религиозные или идеологические формулировки со сравнительно ясными и простыми мировоззрениями и непосредственной

императивной установкой к действию. Хотя подобные тенденции имеют место и в самых развитых странах, они непопулярны здесь у наиболее образованного и широкомыслящего слоя населения. Этой постоянно расширяющейся и все более влиятельной группе требуются утонченные, недогматические системы мысли с высоким уровнем самопознания. Религиозные группы больше не могут принимать на веру традиционные обязательства. Все унаследованное от прошлого становится предметом тщательного изучения и проверки, а мотивы для такого принятия подвергаются внимательному рассмотрению, особенно со стороны наиболее подготовленных умов из числа членов самих религиозных групп.

Частичное решение, во всяком случае, в Соединенных Штатах, состоит в том, чтобы заняться проблемами борьбы с нищетой и несправедливостью, которые все еще сохраняются в обществе и особенно бросаются в глаза на фоне успешного разрешения столь многих объективных проблем. Об этом наглядно свидетельствует тот энтузиазм, который проявляется по отношению к движению за гражданские права в наиболее рафинированных религиозных и интеллектуальных кругах.

Аналогичную функцию может выполнять и забота о развитии всего остального мира. Но все дело в том, что, проявляя рвение в деле разрешения конкретных проблем, такие группы отнюдь не связывают себя с какой бы то ни было всеобъемлющей идеологией раннесовременного образца. Более того, к подобным идеологиям относятся с большим подозрением, и это дает один из поводов утверждать, что в наш век идеологии придет конец. Однако, само собой разумеется, большая часть мира находится сейчас в интенсивно идеологической фазе развития, и многие группы в большинстве развитых обществ весьма восприимчивы к идеологическому влиянию. В сущности, сравнительно небольшую группу, для которой уже наступил конец идеологии, можно было бы и не принимать во внимание, если бы не тот факт, что она, по-видимому, представляет собой авангард чрезвычайно широкой и крупной по своему масштабу социальнокультурной трансформации.

Пока слишком рано пытаться распознать, какую форму примет религия в постиндустриальном мире. Все более укрепляется представление о множественности миров, частично данных, частично построенных в сложной сети взаимоотношений между человеческим «я» и реальностью. Главная разновидность имеет личностный и индивидуалистический, но отнюдь не асоциальный или аполитичный характер. Фактически все возрастает признание того, что только чрезвычайно сложная институциональная структура, включающая в себя определенный тип семьи, школы и церкви, в состоянии сформировать и поддерживать личность, способную функционировать в мире, где буквально все, вплоть до самих заветных идеалов человека, радикальным образом становится предметом выбора. Возможности сбиться с пути огромны, но так же огромны и возможности роста. Немецкий теолог Бонхоффер говорил о «достижении человеком совершеннолетия». Но это вовсе не означает самообожествления человека, потому что верить во всемогущество желаний свойственно малому ребенку.

Человек же достигший совершеннолетия, отдает себе отчет в неизбежной своей ограниченности. Однако последнее его не пугает -- скорее, это побуждает его стремиться к полному раскрытию своей человеческой сущности.

Но следует постоянно помнить о том, что даже в самых развитых обществах нижний слой примитивного и архаичного все еще очень силен: он господствует в жизни многих людей и присутствует в душе у каждого из нас. Любое крупное современное общество представляет собой лабораторию для изучения всех мыслимых типов религиозной ориентации.

В Японии, например, мы обнаруживаем и стародавний ритуал крестьянской деревни, и наполовину традиционалистские, наполовину ультрасовременные возрожденческие новые религии низших классов городского населения, и эстетический культ «дзэн» интеллектуалов из высших классов, и мучительные поиски личного смысла жизни, осуществляемые теми, кому ничего не говорит ни одна из существующих религий. Однако, если в этих обществах налицо огромное разнообразие, в них присутствует также в качестве единого измерения религиозной жизни гражданская религия, которая служит более или менее согласованной основой для религиозного единства даже там, где религиозный плюрализм носит наиболее ярко выраженный характер.

Можно, например, говорить о наличии в Соединенных Штатах деистического символизма, представляющего собой важную составную часть нашего государственного церемониала, и ритуальных святец, в которых День благодарения и День памяти павших в Гражданской войне занимают более важное место, чем Четвертое июля¹ и поминания святых во главе с нашим погибшим смертью мученика президентом Авраамом Линкольном. Памятник Кеннеди на Арлингтонском национальном кладбище представляет собой наиболее позднюю святыню в национальной вере.

Американская гражданская религия представляет собой серьезную религиозную традицию, которую надлежит анализировать как таковую, не упуская из виду ни ее глубоких аспектов, ни ее «отклонений». Да и любое другое из великих современных обществ дает в распоряжение исследователя аналогичные материалы. И здесь тоже социолога религии ожидает непечатый край работы.

ТЕМА 4

СОВРЕМЕННЫЕ ПРИЕМЫ, СПОСОБЫ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

4.1. Трехсторонность межконфессиональных отношений: конфессия – конфессии – государство

Конфессия, от латинского *confessio*, означает вероисповедание. Обычно термин «конфессия» применяют к какому-то направлению в рамках отдельной религии. Взаимодействие между религиями и конфессиями составляет межконфессиональные отношения.

Межконфессиональные отношения - это отношения как между конфессиями (направлениями), так и между сообществами приверженцев основных мировых религий. В обществе конфессии представлены идеологией, священнослужителями, группами верующих, а также сочувствующих им людей.

Религиозная принадлежность людей в прошлые времена была важным фактором общественной жизни, такой она остается и в современном мире. От межконфессиональных отношений зависит стабильность сообществ, для которых характерно разнообразие конфессий и этнических групп. Согласие между конфессиями - необходимое условие для сохранения мира и для самого их комфортного существования. Ведь в ходе конфронтации нередко доминировать в стране начинает одна из конфессий, а особая поддержка ее государством является нежелательной для остальных.

Любые противоречия между этническими группами сказываются на отношениях между конфессиями, и наоборот. Это порой может приводить к конфликтам.

Мирное сосуществование разных конфессий и согласие социальных групп, считающих себя верующими - это два важных фактора для успешного взаимодействия. На самом деле религии и конфессии обычно довольно автономны и самодостаточны, поэтому прямого взаимодействия не требуется. Имеет значение формально озвученное в государстве и обществе согласие.

Нередко в полиэтнических странах происходит отождествление своей этнической и конфессиональной принадлежности у населения. Это объясняется тем, что, как правило, люди «наследуют» вероисповедание и традиции своих родителей. В азиатских странах преобладает мусульманство, а большинство русскоязычных верующих, по статистике, причисляют себя к православным христианам. Причина в том, что исторически религии распространялись в определенных ареалах, и геополитика здесь сыграла свою роль. Часто той или иной религии, конфессии, отдается предпочтение на государственном уровне, даже если оно считается светским.

Для поддержания мирных и стабильных межконфессиональных отношений государство идет на признание автономности каждой из конфессий, а также создает для них единое правовое пространство.

Человеческий фактор в межконфессиональных отношениях

Одна из основных проблем и причин конкурентных межконфессиональных отношений - это убежденность приверженцев каждого религиозного направления, что именно их идеология и вера - наилучшие. Это создает основания для втягивания религии в межэтнические и межгосударственные конфликты. Тогда религия может быть представлена с позиции силы.

Состояние межконфессиональных отношений зависит не только от идеологии разных конфессий, но и гораздо больше - от намерений и настроения политиков и высшего духовенства, а также от уровня развития верующих тех или иных религий/конфессий, их способности без агрессии и высокомерия принимать право каждого человека на свой выбор и способности мирно сосуществовать.

4.2. Российский исторический опыт веротерпимости

Многообразие вероисповеданий стало одной из исторических особенностей России - гигантского Востоко-Запада, территорию которого населяли сотни народов. Каждое столетие приносило в духовную жизнь страны новые религиозные течения. В современной России сосуществуют уже около 70 конфессий.

Проблема веротерпимости — терпимого отношения к той или иной религии, допущения государством свободы вероисповедания — стала императивом современности. С исторической точки зрения интересно проанализировать процесс осознания российским обществом необходимости толерантного подхода к религиозному вопросу, эволюцию политики государства к признанию веротерпимости.

Дохристианские верования - представления о трехчастной структуре мироздания – небо, земля, преисподняя, управляемых верховными богами Перуном, Велесом, Сварогом.

VII - VIII вв. В русских землях приверженцы ислама появились в 7–8 вв. во время расширения Арабского халифата. С земель Северного Кавказа и Дагестана распространился по Волге, став государственной религией Золотой Орды, Казанского и Астраханского ханств, а позже и народов Сибири и Приуралья. В Российской империи центром ислама была Казань.

X век. Крещение Руси. В средние века Русь, приняв византийский вариант христианства, еще длительное время оставалась под влиянием языческих воззрений, которые своеобразно включались в православное вероучение. Спустя столетия православие стало доминирующей конфессией страны, что не произошло с исламом и иудаизмом.

XVIIв. Иван IV. В средние века оформилась антикатолическая государственная идеология, гласящая, что нет более опасного и постоянного врага, чем католический Запад. Антикатолические настроения, вероятно, возникли еще в XIII в., когда святой благоверный князь Александр Невский геройски победил германских рыцарей-латинян на Чудском озере и предпочел покориться монголам. Характерная черта средневековья — отрицание принципа веротерпимости — позже получила законодательное

оформление. Приоритет государственной власти над церковной и определение статуса Православной церкви как государственной религии получили правовое закрепление в Соборном уложении. (1649 г.)

Церковный раскол, который позволил царской власти установить контроль над церковью под предлогом защиты «правой» веры. На церковном соборе 1654 г. все противники реформы патриарха Никона были отлучены от церкви, а церковным собором 1667 г. сторонники старой веры объявлены еретиками. Тем самым старообрядцы автоматически попадали под действие Уложения 1649 г., которое устанавливало жестокие наказания, вплоть до смертной казни, за преступления против православной веры.

XVII-XVIII вв. Петр I. Появляются первые католические храмы. Создают католические приходы во всех крупных городах империи. В обществе перестали смотреть на католиков как на некрещеных и требовать перекрещивания их при переходе в православие; с разрешения Константинопольского патриарха перестали требовать перекрещивания и от протестантов. Стали позволительны браки православных с иноверцами.

Петр I создал государственную систему управления церковью, упразднил патриаршество и ввел Синод. Запрещалось строительство новых монастырей, пресеклось развитие национальных архитектурных стилей, летописания и иконописи.

XVIII в. Елизавета Петровна. Действия против раскольников стали более жесткими. Религиозная нетерпимость коснулась и мусульман. В 1744 Указ Сената и Синода запрещал строительство новых мечетей и требовал разборки мечетей, построенных ранее в деревнях, где одновременно с мусульманами проживали православные и новокрещенные.

XVIII в. Петр III. Поворот к веротерпимости в политике государства произошел 29 января 1762 года, когда был объявлен именным указ Петра III о веротерпимости или о равенстве вероисповеданий. Всем раскольникам, бежавшим от преследований в Польшу и другие страны, законом было разрешено вернуться в Россию, поселиться в Сибири, Барабинской степи или в других подобных местах и жить по своим обычаям и старопечатным книгам. Раскольникам, содержащимся под караулом, предписывалось немедленное освобождение. Запрещалось гонение на иностранцев на почве религиозных разногласий.

XVIII в. Екатерина II. Отказывается от полной русификации татар. В 1773 г. Святейший Синод выпустил эдикт «О терпимости всех вероисповеданий и о запрещении архиереям вступать в дела, касающиеся до иноверных исповеданий и до построения по их закону молитвенных домов, представляя все сие светским начальствам». По приглашению русского правительства начинается массовое переселение немецких колонистов - протестантов-лютеран, меннонитов, католиков.

Но вместе с тем, сохраняется черта оседлости для лиц иудейского вероисповедания.

XVIII-XIX вв. Павел I. 7 марта 1797 года издал указ о свободе культов, в т.ч. общин старообрядцев, была разрешена свободная деятельность

старообрядческой церкви; раскольникам возвратили отобранные у них старинные церковные книги, разрешалось строить церкви во всех епархиях. «Жалованна грамота Калмыцкому Ламе Собину Бакши о свободном отправлении всех духовных обрядов калмыков». Правительством принимаются меры против распространения влияния католической церкви среди «исповедующих другие христианские законы» и притеснений со стороны римско-католических священников и помещиков православных крестьян или перешедших в православие крестьян-униатов.

ХIХв. Александр I. Утвердил «Положение для евреев», гарантировавшее им, «наравне с другими российскими подданными», свободу вероисповедания, образования детей, право покупки незаселенных земель, заведения фабрик, «промыслов и торговли» и устанавливавшее черту оседлости в западных губерниях России.

ХIХв. Николай I. Возобновлена репрессивная политика в отношении религиозных меньшинств. В губерниях были созданы губернские комитеты о раскольниках — полицейские органы для борьбы со старообрядчеством.

ХIХв. Александр II. Ужесточил политику в отношении «сектантских» объединений. Правительство вмешивалось во внутренние дела различных конфессий, строго регламентировало их структуру и деятельность. Все религии на территории страны делились на три группы: государственную (православное исповедание), терпимые (католическая, протестантская, армяно-григорианская церкви, ислам, буддизм, иудаизм, язычество) и нетерпимые («секты» — духоборы, иконоборцы, молокане, иудействующие, скопцы).

Считалось особым видом преступления против веры — отвлечение и соращение из православия в другую веру, воспрепятствование воспитанию детей в православной или иной христианской вере, распространение ересей и расколов и др.

Деятельность по распространению материалистических, атеистических взглядов подвергалась уголовному преследованию.

4.3. Законодательство и реальная политика Советского государства в сфере свободы совести

Февральская революция 1917 г. упразднила самодержавие, лишив Православную церковь ее многовековой опоры, отменила «сословные, вероисповедные и национальные ограничения».

Первые декреты советской власти коренным образом изменили положение Православной церкви и других религиозных организаций. Были национализированы все монастырские и церковные земли, отменены все национально-религиозные привилегии и ограничения, переведены все учебные заведения в ведение Комиссариата по народному просвещению, передана регистрация актов гражданского состояния государственным органам и церковный брак лишен юридической силы. Церковные и религиозные общества должны стать совершенно свободными, независимыми от власти союзами граждан-единомышленников.

Документом, обобщившим законотворчество республики в области свободы совести и отношений государства с религиозными организациями, явился декрет Совета народных комиссаров "Об отделении церкви от государства и школы от церкви" от 23.01.1918 г. Значительная часть статей декрета была посвящена раскрытию сущности свободы совести и обоснованию ее правовых гарантии. Каждому гражданину декрет предоставлял возможность исповедовать любую религию или не исповедовать никакой. Всякие праволишения в связи с этим выбором отменялись. На территории республики запрещалось издавать местные законы, постановления, ограничивающие свободу совести, устанавливающие какие-либо преимущества или привилегии на основании вероисповедного выбора граждан.

Указания на религиозную принадлежность устранялись из официальных документов. Никто не должен уклоняться от исполнения гражданских обязанностей, ссылаясь на свои религиозные убеждения. Свободное исполнение религиозных обрядов разрешалось, если они не нарушали общественный порядок и не посягали на права граждан. Для удовлетворения религиозных потребностей верующих здания и предметы культа передавались в бесплатное пользование религиозных обществ.

Церковь отделялась от государства, упразднялись все прежние формы союза церкви и государства. Из ведения церкви была изъята регистрация актов гражданского состояния. Государственные и общественные мероприятия не должны сопровождаться религиозными обрядами и церемониями, отменялись религиозные клятвы и присяга¹.

Религиозные общества объявлялись частными, не пользующимися какими-либо преимуществами и субсидиями от государства. Они не имели права владеть собственностью, лишались прав юридического лица. Все их имущество объявлялось народным достоянием. Декрет запретил принудительные взыскания сборов и обложений в пользу религиозных обществ, меры принуждения или наказания с их стороны в отношении верующих.

Во всех учебных заведениях, где изучались общеобразовательные предметы, запрещалось преподавание религиозных вероучений. За гражданами сохранялось право обучать и обучаться религии частным образом, т.е. путем личной практики отдельных граждан, имеющих профессиональную и педагогическую подготовку.

Декрет провозгласил свободу вероисповедания, расширил права верующих, в законодательном порядке закрепил право на свободу атеистических убеждений. Высоко оценивая сущность декрета, священник А. Мень писал: "Октябрь декларировал отделение церкви от государства, то есть тот принцип, который был уже принят в США, Франции и других странах. А для обширной республики, в которой жили миллионы православных, старообрядцев, католиков, армяно-григориан, лютеран,

¹ Конституция Российской Федерации. М., 1993.

представителей различных христианских традиционных культов, этот путь был наиболее естественным и закономерным... И все же следует признать, что значительная часть иерархов и церковных людей оказалась не готовой к радикальным переменам и отнеслась к ним с открытой или молчаливой враждебностью".

В условиях гражданской войны, интервенции, выступлений против советской власти ряда руководителей религиозных организаций создавалась Конституция РСФСР, принятая 10 июня 1918 г. пятым Всероссийским съездом Советов. Статья 13 Конституции провозглашала: "В целях обеспечения за трудящимися действительной свободы совести церковь отделяется от государства и школа от церкви, а свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды признаётся за всеми гражданами". Таким образом, впервые в истории России свобода совести была возведена в ранг конституционного принципа, вошла в систему конституционных прав и демократических свобод.

Конец 20-х годов ознаменовался обострением общей обстановки в стране, борьбой различных подходов к политико-экономическому курсу, в которой одержали верх приверженцы жесткой административно - командной системы. Она проявилась и в отношении к религии, церкви и верующим, привела к деформации политики в этой области, принципа свободы совести. Религиозные организации объявлялись силой, противостоящей советской власти и использующей свое влияние для ее дискредитации. Началась широкомасштабная кампания по закрытию храмов и молитвенных домов, ограничению деятельности духовенства. Необходимость этих мер обосновывалась "обострением классовой борьбы". Такая политика нашла отражение в правовых документах того времени. По существу советское государство стало создавать систему всеохватывающего контроля за деятельностью религиозных организаций, следуя прежней российской традиции¹.

Наиболее значимым и продолжительным по срокам действия было Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8.04.1929 г. "О религиозных объединениях". В нем закреплялось право религиозных объединений на осуществление единственной функции - удовлетворение религиозных потребностей верующих в молитвенном здании. Но и удовлетворение религиозных потребностей обставлялось рядом ограничений и запретов. Так, согласно статьям 17 и 18, религиозным объединениям запрещалось:

- создавать кассы взаимопомощи, кооперативы, производственные объединения и вообще пользоваться находящимся в их распоряжении имуществом для каких-либо иных целей, кроме удовлетворения религиозных потребностей;
- оказывать материальную поддержку своим членам;

¹ Религия и общество Хрестоматия по социологии религии / сост. В.И. Гараджа, Е.Д. Руткевич. - М.: Аспект Пресс, 1996. С.12.

- организовывать как специальные детские, юношеские, женские молитвенные и другие собрания, так и общие библейские, литературные, рукодельничьи, трудовые, по обучению религии и т. п. собрания, группы, кружки, отделы, а также устраивать экскурсии и детские площадки, открывать библиотеки и читальни; организовывать санатории и лечебную помощь. Не допускалось преподавание каких бы то ни было религиозных вероучений в учебных заведениях. В 30-е годы укреплялась командно-административная система¹.

Массовые репрессии второй половины 30-х годов не минули священнослужителей и рядовых верующих. Антирелигиозные кампании содержали политический подтекст, они имели в виду и устранение из сознания масс любой альтернативы культу личности И.В. Сталина (1879-1953), даже религиозного культа.

В декабре 1936 г. была принята Конституция СССР. Ее 124 статья гласила: "В целях обеспечения за гражданами свободы совести церковь в СССР отделена от государства и школа от церкви. Свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами"².

Великая Отечественная война пробудила высокие патриотические чувства советских людей, в том числе и верующих. Правительство предприняло ряд мер по расширению прав религиозных организаций. Но коренной поворот в деле нормализации государственно-церковных отношений наступил лишь в 1943 г., после известной встречи И.В. Сталина с руководством Русской православной церкви. Принятые на ней решения стали быстро претворяться в жизнь. Так, 8.09.1943 г. на Архиерейском соборе был избран патриарх Московский и Всея Руси. Постановление Совнаркома СССР предусматривало организацию Совета по делам Русской православной церкви, открытие православного богословского института, богословско-пасторских курсов и порядок открытия церквей. Упорядочение государственно-церковных отношений распространялось и на другие религиозные организации, действующие в стране.

В августе 1945 г. СНК СССР предоставил религиозным организациям права юридического лица в части аренды, строительства, покупки в собственность для церковных нужд домов, транспорта и утвари. Но "потепление" отношений между государством и церковью продолжалось недолго. В конце 40-х годов этот процесс приостановился.

Середина 70-х годов XX в. ознаменовалась разрядкой напряженности в международных отношениях, заключением Хельсинского Соглашения по безопасности и сотрудничеству в Европе, под которым была подпись и главы нашего государства. В "Декларации принципов" в разделе VII, названном "Уважение прав человека и основных свобод, включая свободу мысли, совести, религии и убеждений", содержалось обязательство участников этого

¹ Леонидов Ф. Введение в вероучение народов мира: учеб.-метод. пособие / Ф. Леонидов. - М.: Флинта; Изд-во МПСИ, 2005. - 128 с.

² Гуревич П.С. Религиоведение: учебник / П.С. Гуревич. - М.; Воронеж, 2005. С.34.

соглашения "уважать права человека и основные свободы"¹. Это наложило отпечаток на государственно-церковные отношения в нашей стране. Существование и деятельность религиозных организаций начинают рассматриваться как необходимое условие обеспечения свободы вероисповедания, а оно, в свою очередь, как одна из составляющих комплекса "прав человека".

В 1975 г. принимается Указ Президиума Верховного Совета РСФСР о внесении изменений в Постановление ВЦИК и СНК РСФСР расширявший возможности религиозных организаций в удовлетворении религиозных потребностей верующих, отчасти освободивших их от мелочной опеки. В целях единообразия законодательства о религиозных культах в 1975 - 1977 гг. в союзных республиках принимаются акты "О религиозных объединениях". В Конституции СССР, принятой в 1977 г., принцип свободы совести получил следующую формулировку (ст. 52): "Гражданам СССР гарантируется свобода совести, т. е. право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, отправлять религиозные культы или вести атеистическую пропаганду. Возбуждение вражды и ненависти в связи с религиозными верованиями запрещается. Церковь в СССР отделена от государства и школа - от церкви"².

4.4.Соблюдение общепризнанных норм международного права в сфере свободы совести; проблем и перспектив развития государственно-конфессиональных отношений в современной России; преодоления религиозного экстремизма

1985 год положил начало процессу глубоких перемен в отношениях государства и церкви. Были сняты ограничения, которые на протяжении многих лет связывали деятельность религиозных организаций. Это способствовало активизации различных сфер деятельности религиозных организаций всех конфессий, действующих на территории нашей страны.

Принципы свободы совести, сформулированные в законе "О свободе вероисповеданий", нашли свое конституционное закрепление в основном законе страны - Конституции Российской Федерации, принятой всенародным голосованием 12 декабря 1993 года, который в соответствии с нормами международного права гарантировал права граждан на определение и выражение своего отношения к религии, устранял многочисленные ограничения и противоречия, препятствующие практическому осуществлению свободы совести.

Раскрывая содержание понятия свободы вероисповеданий, ст. 3 включила в него право каждого гражданина свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и атеистические убеждения, исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, действовать в соответствии со

¹ Трофимова З.П. Религиоведение: учеб. пособие / З.П. Трофимова. - М.; Воронеж, 2000. – С.35.

² Гуревич П.С. Религиоведение: учебник / П.С. Гуревич. - М.; Воронеж, 2005. – С.60.

своими убеждениями при единственном условии - соблюдении законов государства¹.

Гарантирует свободу вероисповеданий осуществление пяти определяющих принципов: 1. Равноправие граждан независимо от их отношения к религии. 2. Отделение религиозных и атеистических объединений от государства. 3. Светский характер системы государственного образования. 4. Равенство религиозных объединений перед законом. 5. Наличие специальных законодательных актов, обеспечивающих реализацию свободы вероисповеданий и устанавливающих ответственность за их нарушение. Статьи 6-13 Закона подробно раскрывают содержание этих принципов. Так, равноправие граждан не допускает какие-либо ограничения прав или установление преимуществ в зависимости от отношения к религии, возбуждение в связи с этим вражды и ненависти либо оскорбление граждан. Отделение религиозных объединений предусматривает невмешательство государства, его органов и должностных лиц в вопросы, определяющие отношение граждан к религии, равно как и религиозные объединения не могут вмешиваться в дела государства, не участвуют в выборах его органов власти и управления, в деятельности политических партий. Общественные организации, разделяющие и распространяющие атеистические убеждения, также отделяются от государства и не получают от него ни материальной, ни идеологической помощи.

Система государственного образования носит светский характер и не преследует цели формирования определенного отношения к религии. Преподавание вероучений и религиозное воспитание может осуществляться в негосударственных учебных заведениях, частным образом на дому или при религиозных объединениях. Все религии и религиозные объединения равны перед законом, ни одна из них не пользуется какими-либо преимуществами или ограничениями. Государство в вопросах веры нейтрально.

Раздел II закона регулирует право на религиозные убеждения и религиозную деятельность. Статья 15 предусматривает право граждан выбирать, иметь и менять религиозные убеждения, высказывать и распространять их в устной, печатной и любой другой форме, если эта деятельность не нарушает настоящий закон, исповедовать любую религию, беспрепятственно совершать религиозные обряды, добровольно вступать в религиозные объединения и выходить из них².

Религиозные объединения определяются как добровольные объединения совершеннолетних граждан, образованные в целях совместного осуществления права граждан на свободу вероисповедания (ст. 17). Они наделяются правами юридического лица с момента регистрации их устава (положения) в министерстве юстиции или его органах на местах (ст. 18, 20).

Итак, религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом. Государство закрепляет равенство прав и свобод человека и

¹ Философия религии: хрестоматия / сост. П.С. Гуревич. - М.: Изд-во МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2008. - 600 с.

² Конституция Российской Федерации. М., 1993.

гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям. Конституция запрещает любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности (Ст. 19)¹.

Каждому гражданину Российской Федерации гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними (Ст. 28).

Каждому гражданину предоставлена свобода мысли и слова. Не допускается пропаганда или агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду. Запрещается пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства (Ст. 29).

В Конституции зафиксирована свобода деятельности общественных организаций, при этом никто не может быть принужден к вступлению в какое-либо объединение или пребывание в нем (Ст. 30). Статья 59, пункт 3 Конституции устанавливает правовую норму, согласно которой гражданин Российской Федерации в случае, если его убеждениям или вероисповеданию противоречит несение военной службы, имеет право на замену ее альтернативной гражданской службой.

Положения, сформулированные во 2-й главе Конституции "Права и свободы человека и гражданина", составляют основы правового статуса личности в Российской Федерации (Ст. 64)².

Таким образом, законодательство Российской Федерации было приведено в соответствие с международными актами и гарантирует в настоящем реализацию принципа свободы совести.

4.5. Совет по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации, Комиссия по вопросам религиозных объединений при Правительстве Российской Федерации, соответствующие комитеты в Государственной Думе и в Совете Федерации Федерального Собрания

Совет по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте РФ по своему статусу является консультативным органом, осуществляющим рассмотрение вопросов и подготовку для Президента предложений, касающихся его взаимодействия с религиозными объединениями и повышения духовной культуры общества.

¹ Конституция Российской Федерации. М., 1993.

² Конституция Российской Федерации. М., 1993.

Совет был образован в соответствии с Распоряжением Президента РФ от 2 августа 1995 г. № 357-рп, которым было утверждено Положение о Совете. Согласно Положению, основные функции Совета — обеспечение взаимодействия Президента РФ с религиозными объединениями и содействие укреплению общественного согласия, достижению взаимопонимания, терпимости и взаимного уважения в вопросах свободы совести и свободы вероисповедания.

Конкретные задачи, решаемые Советом, имеют в основном информационно-аналитический характер. Совет

«представляет Президенту аналитические материалы и доклады, рекомендации по вопросам политики Президента в области взаимоотношений государства и религиозных объединений;

обсуждает проекты федеральных законов, указов Президента, иных нормативных правовых актов Российской Федерации, затрагивающие взаимоотношения государства и религиозных объединений, и готовит соответствующие предложения Президенту;

изучает проблемы, связанные с поддержанием межконфессионального диалога, достижением взаимной терпимости и уважения в отношениях между представителями различных вероисповеданий;

анализирует зарубежное законодательство и практику взаимоотношений между государством и религиозными объединениями, поддерживает контакты с соответствующими структурами иностранных государств;

публикует справочные и информационно-аналитические материалы по вопросам, входящим в компетенцию Совета».

Председателем Совета является Руководитель Администрации Президента Российской Федерации. В число членов Совета входят представители ряда религиозных организаций. Принцип формирования состава Совета в Положении не установлен, указано лишь, что он утверждается Президентом Российской Федерации. Вопрос о том, какие конфессии представлены в Совете и какое они имеют число представителей, решается Президентом в контексте конкретных особенностей государственноконфессиональных отношений. В настоящее время среди членов Совета — архиепископ Верейский Евгений (Решетников), митрополит Волоколамский Илларион (Алфеев), митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий (Поярков).

В соответствии с конституционным принципом отделения государства от религиозных объединений, Совет, действительными членами которого являются, в том числе, и представители религиозных организаций, не может обладать исполнительно-распорядительными функциями как по отношению к государственным органам, так и по отношению к религиозным объединениям. Полномочия Совета в отношении государственных органов, общественных и религиозных организаций в основном сводятся к праву получать от них необходимую информацию для обеспечения своей деятельности. Однако на основании выработанных Советом рекомендаций

могут приниматься нормативно-правовые акты, в том числе путем издания указов и распоряжений Президента РФ, а также посредством внесения Президентом законопроекта в Государственную Думу. Согласно Положению, заседания Совета должны проводиться не реже одного раза в полугодие, однако в последние годы они созываются не так часто. Текущую работу по взаимодействию с религиозными объединениями обеспечивают несколько сотрудников Управления по внутренней политике Президента РФ.

Федеральное Собрание Российской Федерации является представительным и законодательным органом Российской Федерации (ст. 94 Конституции РФ). В качестве законодательного органа Федеральное Собрание формирует и совершенствует законодательную базу в области регулирования и защиты свободы совести, свободы вероисповедания и о религиозных объединениях; в области предоставления налоговых и иных льгот религиозным организациям. Совет Федерации, а также члены каждой из палат Федерального Собрания обладают правом законодательной инициативы (статья 104 Конституции РФ, п. 1). Законопроекты о введении или отмене налогов, освобождении от их уплаты и другие законопроекты, предусматривающие расходы, покрываемые за счет федерального бюджета, могут быть внесены только при наличии заключения Правительства Российской Федерации (статья 104, п. 3 Конституции РФ). Принятые Государственной Думой Федеральные законы по вопросам федеральных налогов и сборов подлежат обязательному рассмотрению в Совете Федерации (ст. 106 Конституции РФ).

В качестве представительного органа Федеральное Собрание выражает волю и интересы общества, которые должны учитываться в государственной политике. В Совете Федерации образована Объединенная комиссия по национальной политике и взаимоотношениям государства и религиозных объединений, которая является постоянно действующим консультативным органом, созданным в целях совершенствования законодательного обеспечения национальной политики и политики государства в отношении религиозных объединений в Российской Федерации. В состав Объединенной комиссии входят члены Совета Федерации, руководители законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации. Председателем Объединенной комиссии является Председатель Совета Федерации. С момента образования комиссии в 2006 г. состоялось 9 заседаний, последнее — 15 декабря 2010 г. Распоряжением Председателя Совета Федерации от 3 июля 2012 г. создан Консультативный Совет по межнациональным отношениям и взаимоотношениям с религиозными объединениями при Председателе Совета Федерации.

В Государственной Думе функционирует профильный парламентский Комитет по делам общественных объединений и религиозных организаций. При Комитете функционирует Экспертный совет, в который входят авторитетные специалисты в области государственно-конфессиональных отношений.

Правительство Российской Федерации осуществляет исполнительную власть Российской Федерации (ст. 110 Конституции). Правительство в пределах своих полномочий руководит работой федеральных министерств и иных федеральных органов исполнительной власти и контролирует их деятельность.

В соответствии со ст. 13 Федерального Конституционного закона «О Правительстве Российской Федерации» от 17.12.1997 г. № 2-ФКЗ, оно организует реализацию внутренней и внешней политики Российской Федерации. Таким образом, на Правительстве лежит, в том числе, обязанность обеспечивать проведение в России единой государственной вероисповедной политики. Правительство взаимодействует с представителями религиозных организаций (ст. 16 ФКЗ «О Правительстве РФ»).

Нормативные правовые акты — постановления и распоряжения Правительства РФ (ст. 115 Конституции, ст. 23 названного Закона) являются составной частью законодательства о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях, в соответствии с пунктом 1 ст. 2 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях». Например, Постановлением Правительства РФ от 31.03.2001 г. № 251 утвержден Перечень предметов религиозного назначения и религиозной литературы, производимых и реализуемых религиозными организациями (объединениями), организациями, находящимися в собственности религиозных организаций (объединений), и хозяйственными обществами, уставной (складочный) капитал которых состоит полностью из вклада религиозных организаций (объединений), в рамках религиозной деятельности, реализация (передача для собственных нужд) которых освобождается от обложения налогом на добавленную стоимость (подробнее см. главу 11).

Комиссия по вопросам религиозных объединений при Правительстве РФ образована в целях рассмотрения вопросов, возникающих в сфере государственно-конфессиональных отношений, в частности вопросов передачи имущества религиозным организациям. Комиссия создана на основании Постановления Правительства РФ от 06 мая 1994 г. № 466. Ныне действующее положение о Комиссии было утверждено Постановлением Правительства РФ от 15 июля 2006 г. № 438.

Комиссия образована в целях рассмотрения вопросов, возникающих в сфере взаимоотношений государства и религиозных объединений, включая вопросы передачи религиозным объединениям культовых зданий и иного имущества, и находящихся в компетенции Правительства Российской Федерации.

Согласно Положению, основными задачами Комиссии являются:

«подготовка предложений по урегулированию вопросов, связанных с деятельностью религиозных объединений и требующих решения Правительства;

информационно-аналитическое обеспечение деятельности Правительства по вопросам, затрагивающим сферу взаимоотношений государства и религиозных объединений;

содействие осуществлению контактов Правительства с религиозными объединениями».

Комиссия в соответствии с возложенными на нее задачами:

«вырабатывает для Правительства рекомендации по вопросам, затрагивающим сферу взаимоотношений государства и религиозных объединений, готовит проекты решений Правительства по вопросам, относящимся к компетенции Комиссии, а также проекты законов Российской Федерации для внесения в установленном порядке в Государственную Думу;

дает заключения по проектам решений, вносимым в Правительство, в части вопросов, затрагивающих сферу взаимоотношений государства и религиозных объединений;

выполняет координационно-методические функции в отношении деятельности федеральных органов исполнительной власти по вопросам, относящимся к компетенции Комиссии;

осуществляет взаимодействие с государственными и общественными организациями, научными учреждениями и религиозными объединениями; осуществляет контакты с органами государственной власти субъектов Российской Федерации, а также зарубежных государств по вопросам, относящимся к компетенции Комиссии;

запрашивает и получает у государственных, общественных и религиозных организаций необходимую информацию по вопросам, выносимым на рассмотрение Комиссии».

Комиссия не обладает властными полномочиями в отношении религиозных организаций. Представители религиозных организаций приглашаются на заседания Комиссии, но не являются ее членами. Комиссию возглавляет председатель, которым является один из заместителей Председателя Правительства РФ (вице-премьеров).

За годы деятельности Комиссии на ее заседаниях регулярно заслушивались сообщения представителей органов власти субъектов Федерации, осуществляющих связи с религиозными объединениями, сообщения представителей федеральных органов исполнительной власти, в частности о подготовке законопроектов и о ходе реализации принятых Законов и иных правовых актов, затрагивающих сферу государственно-конфессиональных отношений.

Таким образом, Комиссия, созданная в ходе реализации принятых в 1993–1994 гг. государственных решений о передаче религиозным объединениям имущества (изначально предполагалось, что эта работа будет для нее основной), фактически выполняет часть функций несуществующего федерального органа по делам религиозных объединений. Она в какой-то мере осуществляет взаимодействие федеральных и местных органов власти и координацию их деятельности. Однако Комиссия не располагает тем

объемом административных полномочий, которыми обычно наделен федеральный орган исполнительной власти.

4.6. Органы, обеспечивающие соблюдение законности

Надзор за исполнением законодательства Российской Федерации о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях осуществляют органы прокуратуры Российской Федерации (статья 25, п. 1 ФЗ «О свободе совести...»). Надзор прокуратуры распространяется как на религиозные объединения, так и на государственные органы и иные лица. Надзор должен осуществляться в равной мере и за соблюдением законности религиозными объединениями, и за защитой прав и свобод верующих и их объединений от неправомерных действий органов власти. Для эффективного выполнения надзорных функций необходимо обеспечение профессиональной специализации прокурорских работников, занимающихся данной областью правоотношений.

В случаях совершения правонарушений, субъектом или жертвой которых являются религиозные объединения или их участники, правоохранительные органы предпринимают необходимые действия в соответствии с общими правилами.

Министерство юстиции Российской Федерации и его территориальные органы в субъектах Российской Федерации:

принимают решение о государственной регистрации религиозных организаций, в ходе которой производится проверка соответствия представленных учредителями организации документов требованиям законодательства (статья 11 ФЗ «О свободе совести...»);

обращаются в суд с заявлением о признании религиозной организации прекратившей свою деятельность, о ликвидации религиозной организации, о запрете деятельности религиозного объединения (ст. 14 ФЗ «О свободе совести...»);

осуществляют контроль за соблюдением зарегистрированной на основании принятого ими решения религиозной организацией устава относительно целей и порядка ее деятельности (статья 25, п. 2 ФЗ «О свободе совести...»).

(См. также обсуждение соответствующих положений ФЗ «О свободе совести...» в предшествующей главе).

Судебная власть осуществляет правосудие (ст. 118 Конституции), в том числе рассматривает дела, связанные с нарушениями законодательства о свободе совести и свободе вероисповедания как органами государственной власти, так и религиозными объединениями.

В порядке уголовного или административного судопроизводства рассматриваются нарушения права на свободу совести и вероисповедания, возбуждение религиозной вражды, оскорбление религиозных убеждений граждан.

Гражданский Кодекс РФ установил судебную защиту гражданских прав (ст. 11) и включил в число способов защиты гражданских прав признание недействительным акта государственного органа или органа местного самоуправления (ст. 12). Согласно ст. 13 ГК РФ,

«Ненормативный акт государственного органа или органа местного самоуправления, а в случаях, предусмотренных законом, также нормативный акт, не соответствующие закону или иным правовым актам и нарушающие гражданские права и охраняемые законом интересы гражданина или юридического лица, могут быть признаны судом недействительными».

Законом «О свободе совести и о религиозных объединениях» установлена возможность обжалования в суде отказа в государственной регистрации религиозной организации (ст. 12, п. 2). Ликвидация религиозных организаций (кроме как при добровольном принятии соответствующего решения учредителем или уполномоченным органом религиозной организации) и запрет деятельности религиозных групп могут быть осуществлены исключительно в судебном порядке (ст. 14 Закона).

Существенную роль играет Конституционный Суд РФ, ряд актов которого имел важное значение для истолкования и применения отдельных положений законодательства о свободе совести (см. предыдущую главу).

Эффективная работа судебной системы должна обеспечивать соблюдение законности в работе механизма реализации государственной вероисповедной политики.

Основы социальной концепции РПЦ устанавливают, что «взаимоотношения Церкви с судебной властью различных уровней должны ограничиваться представлением в случае необходимости интересов Церкви в суде. Церковь не вмешивается в непосредственное осуществление судебной властью ее функций и полномочий»[2]. В то же время иногда возникают споры о допустимой степени сближения судебных учреждений с культовыми зданиями, с присутствием религиозной символики в помещениях судов.

На территории Московского городского суда в 2004 г. был построен храм-часовня Николая Чудотворца. При рассмотрении дела о ликвидации одной мусульманской религиозной организации представители этой организации заявили отвод всему составу суда, ссылаясь на то обстоятельство, что имеются основания сомневаться в беспристрастности суда в отношении дел, касающихся ликвидации мусульманской религиозной организации, учитывая, что на территории суда построен православный храм, что нарушает обязанность государства соблюдать нейтралитет в отношении всех религий. В удовлетворении ходатайства было отказано со ссылкой на то, что Мосгорсуд не имеет отношения к строительству данного храма [3]. Для полноты картины укажем, что в США предметом напряженной дискуссии стал вопрос о допустимости присутствия в зданиях судов скрижалей с изображением 10 библейских заповедей [4].

Органы власти, сотрудничающие с религиозными объединениями и оказывающие им помощь

Различные формы сотрудничества с религиозными объединениями и оказания им помощи осуществляются на практике органами власти разных уровней: главой государства и высшими органами законодательной и исполнительной власти, отдельными федеральными министерствами и ведомствами, органами власти субъектов Федерации и муниципальных образований. Для этой цели во многих властных структурах были образованы специальные подразделения. В настоящее время они действуют автономно друг от друга и не наделены исполнительно-распорядительными полномочиями.

Данные институты в общем и целом выполняют две главные задачи:

обеспечивают диалог органа власти, при котором они образованы, с религиозными объединениями;

консультируют деятельность данного органа власти в пределах его компетенции и возможностей в сфере государственно-конфессиональных отношений.

В ряде федеральных министерств и ведомств созданы самостоятельные подразделения или должности для осуществления связей с религиозными объединениями. Их полномочия и характер работы определяются внутренними актами министерств, какая-либо унификация отсутствует. Данные структуры не подчинены Комиссии по вопросам религиозных объединений при Правительстве РФ, решения которой носят для них лишь рекомендательный и информационный характер. Сложившаяся ситуация затрудняет проведение единой вероисповедной политики даже на уровне федеральных органов исполнительной власти.

Среди действующих на момент написания настоящей книги структурных подразделений в федеральных органах исполнительной власти:

Министерство иностранных дел — в Департаменте по связям с субъектами Федерации, парламентом и общественными объединениями действует Отдел по связям с религиозными организациями;

Министерство регионального развития — в Департаменте межнациональных отношений действует Отдел анализа межнациональных и этноконфессиональных отношений;

В Министерстве обороны ведется работа по созданию органов по работе с верующими военнослужащими и института должностных лиц по работе с верующими военнослужащими (неофициально именуемых «военным духовенством»).

В субъектах Федерации подразделения и должности по связям с религиозными объединениями создаются в структуре администрации региона. Поскольку система органов государственной власти субъектов Российской Федерации устанавливается ими самостоятельно (ст. 77 Конституции РФ), эти подразделения и должности независимы от федеральных органов власти, отличаются многообразием организационно-правовых форм. Так, в Татарстане это Управление Аппарата Президента РТ по взаимодействию с религиозными объединениями, в Москве — Департамент межрегионального сотрудничества, национальной политики и

связей с религиозными организациями, в Волгоградской области — отдел по связям и содействию религиозным организациям аппарата главы администрации области, в Ярославской области эти функции возложены на советника губернатора по работе с религиозными объединениями. Отсутствует механизм и источники организационно-материального обеспечения «горизонтального» взаимодействия между региональными органами по связям с религиозными объединениями.

Реализация вероисповедной политики государства, выстраивание его отношений с религиозными объединениями требует функционирования специальных государственных структур, координации деятельности и единой подчиненности органов, осуществляющих взаимосвязь с религиозными объединениями. В то же время священноначалие Русской Православной Церкви неоднократно высказывалось против создания «министерства по делам религий» или иного органа федеральной исполнительной власти, специально призванного осуществлять вероисповедную политику. (Некоторые религиозные лидеры других конфессий, напротив, более или менее одобрительно отзывались об идее создания такого органа власти.) По всей видимости, совершенствование деятельности органов государственной власти будет достигаться путем повышения качества работы и уровня координации уже существующих министерств и ведомств. Эффективно функционирующий механизм реализации государственной политики в сфере свободы совести и вероисповедания должен обеспечивать успешное достижение поставленных цели и задач политики; защищенность основных прав и свобод, укрепление стабильности в обществе.

Заключительные выводы к теме:

1. Как правило, религиозные объединения играют в государственно-конфессиональных отношениях подчиненное положение, они пока не могут занять достаточно самостоятельное и независимое от государственных структур, положение. Поэтому автор считает, что конфессии должны быть в определенной степени независимы и иметь возможность прочно стоять на своих позициях.

2. Современное Российское государство, от которого конфессии долгие годы были политически, законодательно и фактически отделены, в настоящее время ищет рациональные пути и эффективные средства мобилизации религиозных ресурсов в своих интересах. По мнению автора, в данной ситуации должен быть соблюден тонкий баланс между необходимостью государству эффективно осуществлять свои функции и независимостью конфессий.

3. В процессе формирования политической системы постсоветской России были созданы основы законодательной базы в области государственно-конфессиональных отношений и начал складываться механизм регулирования церковно-государственных отношений. В то же время сохраняются пробелы в федеральном законодательстве, регулирующем имущественные и иные отношения РПЦ и государства. И здесь государство

должно быть крайне осторожно, чтобы своими действиями не подорвать экономическую стабильность конфессий.

4. На сегодня, отсутствует целостная концепция развития государственно-конфессиональных отношений на перспективу, что ведет к противоречиям, непониманию и конфликтам в области государственно-конфессиональных отношений. Поэтому государство при непосредственном участии основных конфессий необходимо разработать эту концепцию и начать ее реализовывать.

5. Что касается форм взаимодействия государства и конфессий в условиях формирующейся кооперационной модели в современной России, то это прежде всего заключение договоров (соглашений) между государством как публично-правовым институтом (государственными властными субъектами) и религиозными организациями как субъектами публичного права о сотрудничестве с установлением взаимных прав и обязанностей.

6. Как показывает практика, определенное значение для оптимизации государственно-конфессиональных отношений в России имеет социальная и политическая позиция конфессий, и особенно их руководства. Главное, к чему они должны стремиться - это действовать в рамках действующего в нашей стране законодательства и на основе международных правовых норм в религиозной сфере.

7. Любая попытка выстраивания «конфессиональной иерархии» неизбежно повлечет за собой конфликт: уже сейчас представители традиционных конфессий РФ высказывают недовольство «особым статусом» РПЦ, который еще нигде не закреплен официально.

8. Проблема религиозной самоидентификации, оказавшаяся в центре общественного внимания в эпоху перестройки, должна вновь вернуться в сферу частной жизни, стать исключительно личным делом граждан.

9. Этнотолерантность надо рассматривать не как позицию невмешательства, а как принятие других такими, какие они есть и готовность взаимодействовать с ними.

10. Помимо системы образования важную роль в развитии толерантного отношения в процессе межнационального и межконфессионального взаимодействия могут и должны сыграть молодежные объединения.

11. Для осуществления процесса эффективных государственно-конфессиональных отношений необходимо создание специализированного органа при Президенте РФ, который, опираясь на аппараты полномочных представителей Президента РФ в федеральных округах, отвечал бы за проведение единой согласованной государственной политики в сфере свободы совести и вероисповедания, свободной от давления со стороны тех конфессиональных, административных, деловых, интеллектуальных элит, чьи корпоративные интересы идут вразрез с интересами реформируемой страны.

ТЕМА 5

ПРИЕМЫ ВЫРАБОТКИ СОБСТВЕННОЙ ОПТИМАЛЬНОЙ МЕТОДОЛОГИИ И МЕТОДИКИ РЕШЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ПРОБЛЕМ МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

5.1. Методология и методика исследований проблем межконфессиональных отношений – познавательные инструменты, средства, приемы исследования данных объектов

Методология – собирательный термин, имеющий различные аспекты. Однако в самом общем виде под методологией понимают систему принципов научного исследования. Всеобщая научная методология является инструментом поиска наиболее общих подходов к изучению предмета.

Общенаучная методология дает указания относительно базовых принципов подготовки и проведения научного исследования. Последние же, в свою очередь, содержат особые методологические функции, выступая в качестве прикладной логики исследования данной предметной области.

Метод – основной способ сбора, обработки и анализа данных.

Методика – совокупность технических приемов, связанных с данным методом, включая частные операции, их последовательность и взаимосвязь.

Техника – совокупность специальных приемов для эффективного использования того или иного метода.

Процедура – последовательность всех операций, общая система действий и способов организации исследования.

Таким образом, с методологической точки зрения социокультурное исследование межконфессиональных отношений представляет собой особую специфическую технологически взаимосвязанную систему научных принципов, теоретических и эмпирических методов и методик изучения социальных явлений и процессов, порождаемых культурными особенностями взаимоотношений различных конфессиональных социальных групп.

Практика подготовки и проведения социокультурных исследований, в том числе в такой специфической и тонкой области социальных отношений как этноконфессиональные, обоснованно подсказывает необходимость ориентации на основополагающие морально-этические императивы. Стала правилом непреложная истина – для того, чтобы достичь необходимой достоверности и истинности знаний о содержании межконфессиональных социальных отношений, необходимо опираться на четкие принципы подготовки и проведения социокультурного исследования:

1) профессиональная компетентность, ответственность, научная честность и корректность деятельности исследователя (группы) на всех этапах исследования;

2) максимальная достоверность и надежность информации и выводов, которые делаются на основе анализа этой информации;

3) отсутствие личной (в том числе культурной, идеологической, политической и пр.) ангажированности и заинтересованности исследователя при организации и проведении исследования;

4) строгое соблюдение границ и гарантий конфиденциальности, неразглашения сообщенных сведений;

5) недопущение использования методик, методов, техник и процедур, ущемляющих достоинство личности, их этнические и конфессиональные интересы, особенности. Главный принцип – не навреди;

6) недопущение тенденциозности выводов и интерпретаций, подтасовывания полученных данных под тот или иной теоретический подход, угол зрения (этнический, конфессиональный, идеологический и пр.), отставивание достоверных данных, невзирая на конъюнктуру и авторитеты.

Эти принципы можно назвать этическим кодексом исследователя в области социокультурных исследований межконфессиональных отношений.

В заключение важно еще раз подчеркнуть общую теоретическую, методологическую и методическую традиционность и обоснованность социокультурных исследований в области межконфессиональных отношений. В методологическом плане социокультурное исследование должно быть теоретически обосновано, технологически обусловлено и методически валидно. Это с одной стороны.

С другой – исследование межконфессиональных отношений есть особый, специфический вид научного социокультурного исследования. Эта специфика проявляется как в объектно-предметной области, методологических, морально-этических принципах, так и в организации, методических и иных процедурах его проведения.

5.2. Способы решения проблем современных межконфессиональных отношений путем подробного изучения мирового и отечественного опыта, сравнительного анализа практики мирового законодательства

Сегодня благополучное сосуществование этнических и конфессиональных групп в едином российском культурном пространстве, имеющее многовековую историю, сочетается с целым рядом проблем не только межэтнического и межрелигиозного, но и социального характера. В религиозной сфере, к примеру, довольно значительные доктринальные и ритуальные различия, а также заложенная в некоторых доктринах или традициях нетерпимость к инакомыслию иногда практически перечеркивают возможность межконфессионального диалога. Возникающие проблемы, как правило, не находят решения в рамках существующей еще с советских времен парадигмы. До определенной степени они могут сниматься в ходе межконфессионального и межэтнического диалога, но для него необходима единая внеконфессиональная платформа, приемлемая для всех участников.

Даже внутриконфессиональный диалог (христианство, ислам) затруднен из-за притока все новых носителей нетерпимости, экстремизма и ксенофобии. Известно, например, сколь острые противоречия разделяют

представителей традиционных толков ислама (в том числе последователей суфийских орденов) и адептов салафизма. Увеличение на российском исламском поле за пределами Северного Кавказа, в том числе среди служителей культа, числа выходцев из северокавказских субъектов федерации, республик Центральной Азии и Южного Кавказа и даже из стран Арабского Востока вызывают недовольство традиционно доминировавших в этой сфере представителей татарского этноса.

В России издавна проживают представители разных этнических и конфессиональных групп, которые пользуются одинаковыми гражданскими правами и свободами, в том числе правом сохранять и развивать собственную культуру, исповедовать религию или оставаться вне религии (атеисты и агностики). По действующей с 1993 г. Конституции, Россия строится как светская федерация, все субъекты которой равноправны и существуют в рамках единого правового пространства. Созданы и государственные институты, специально занимающиеся проблемами межэтнических и межконфессиональных отношений (соответствующие парламентские комитеты, подразделения Общественной палаты, органы при президенте и правительстве).

Среди форм взаимодействия, которые на протяжении последнего десятилетия складывались между государственными органами федерального уровня и религиозными структурами, есть и такая, как соглашения (например, Министерства культуры с рядом мусульманских, буддистских, иудаистских организаций). Опыт подписания соглашений существует и на уровне федеральных округов (к примеру, в Уральском федеральном округе действует соглашение между православными епархиями округа и полпредом президента; администрация Пермского края заключила соглашение с местным межрелигиозным органом). Таким образом, имеется широкий диапазон договоренностей, и религиозные структуры часто выступают в качестве партнеров государства – вместе и по отдельности.

В современном российском обществе идет процесс ретрадиционализации, составляющей частью которого является возрастание конфессиональной идентификации россиян, которая носит преимущественно культурно-исторический, а не субъективно-религиозный характер.

Перспективным путем перехода к долгосрочной безопасности, фактором обеспечения мира является этноконфессиональная толерантность, в частности в отношениях православия и ислама. Она отражает характер взаимоотношений и деятельность субъектов политики, в том числе социальных, этнических, конфессиональных групп и отдельных граждан. Их терпимость, взаимопонимание и согласие оказывают существенное воздействие на состояние защищенности личности, общества, государства и его регионов от внешних и внутренних угроз. В современной России происходит формирование новой модели церковной политики, однако до настоящего времени процесс этот не завершен. Особенностью и отличием новой модели от старой советской является официально закрепленная

независимость и самостоятельность конфессий и возможность им беспрепятственно осуществлять свою деятельность.

Развитие наметившихся положительных тенденций в сфере этнополитики и государственно-церковных отношений в последние годы будет тем успешнее, чем быстрее государство (на федеральном и региональном уровнях) сможет отказаться от инерции прошлых десятилетий, когда политика в области национальностей и государственно-церковные отношения рассматривались как нечто третьестепенное в иерархии его интересов.

Государственно-конфессиональные отношения смогут стать позитивным фактором внутренней этнополитики государства, если оно будет не только декларировать свободу совести и вероисповеданий, но и обеспечивать и защищать этот конституционный принцип; устранять из жизни общества все то, что может привести к расколу и конфликту на религиозной основе; гарантировать равные условия для удовлетворения духовных потребностей верующим и неверующим; отвергнет попытки очередной идеологизации (теперь уже в клерикальном виде) взаимоотношений государства и конфессий; откажется от искушения «использовать» те или иные религиозные объединения в своих прагматических целях внутри страны и за рубежом.

Политика Российской Федерации в отношении традиционных конфессий строится на принципах светского государства. Каждый гражданин вправе исповедовать любую религию или быть атеистом, если он не нарушает такого же равного права других людей. Религиозные объединения отделены от государства. Ни одна вера не может быть официальной идеологией государства.

5.3. Проблемы правового статуса религиозных организаций: природа правового статуса религиозных организаций. Основание репрезентативности религиозных организаций

Проблема правового статуса религиозных объединений не является чисто юридической, поэтому исследователь сталкивается с необходимостью затрагивать множество проблем в смежных областях. Предваряя освещение данной темы, было бы целесообразно продемонстрировать не только взаимосвязь рассматриваемого правового субъекта, каковым является религиозное объединение, со всей системой государственно-конфессиональных отношений, но также с иными сферами общественной жизни, так как это позволит найти решение многих вопросов правового статуса религиозных объединений, а, следовательно, может позитивно отразиться на развитии законодательства России в этой сфере

Государственно-конфессиональные (или государственно-церковные) отношения - это совокупность исторически складывающихся и изменяющихся форм взаимосвязи между институтами государства и институциональными религиозными образованиями (религиозными

объединениями, религиозными партиями, религиозными движениями, международными конфессиональными центрами), одна из составных частей внутренней и внешней политики государства. В основе государственно-конфессиональных отношений лежат законодательно закреплённые представления о месте религии и религиозных объединений в жизни общества, об их функциях, о сферах деятельности и компетенции всех субъектов этих отношений. В то же время будучи сферой общественной жизни, государственно-церковные отношения не могут не ощущать на себе влияния идей и представлений о характере и перспективах данных отношений со стороны верующих граждан и различных религиозных образований. В системе государственно-конфессиональных отношений присутствует несколько основных элементов, тесно взаимосвязанных между собой. Главными субъектами этих отношений, с одной стороны, являются религиозные объединения во всем их многообразии, расположенные на территории России; с другой стороны, государство в лице государственных органов, уполномоченных законом в той или иной мере оказывать регулятивное воздействие на религиозную жизнь страны. На федеральном уровне в их число входят Федеральное собрание РФ, Президент РФ, Правительство РФ, соответствующие комитеты, советы, комиссии. На уровне субъектов Российской Федерации представительные и исполнительные органы, а также различные специализированные органы, обеспечивающие связь с религиозными объединениями.

Связь между указанными субъектами опосредуется двумя категориями отношений. Первая представляет собой совокупность отношений прямого и косвенного влияния религии и религиозных институтов на политическую систему общества, включая государство. Сегодня, когда в стране регулярно увеличивается число последователей различных конфессий, постоянно растёт количество зарегистрированных религиозных объединений приобретает особую актуальность вопрос о том, что фундаментальная роль религии в обществе, коренящаяся в присущих ей важных функциях - мировоззренческой, регулятивной, коммуникативной и некоторых других, делают её одним из системообразующих факторов по отношению к обществу. Конечно, разные религии, в силу присущих им особенностей, а также окружающей социальной среды, обладают различными потенциальными возможностями воздействия на общество. С учётом этих обстоятельств они оказывают влияние на самые различные сферы жизни - психологическую, социальную, политическую, экономическую, и, наконец, культурную. Определяя мировоззрение человека, на индивидуально-психологическом уровне религия приводит к формированию отношения человека к тем или иным действиям, событиям, процессам, явлениям, что, в конечном итоге, обуславливает модель его политического и правового поведения. «Религия не остаётся в своей замкнутой сфере, - пишет Г.В.Ф. Гегель, - она обращается к субъекту, создаёт для него предписания, относящиеся к его религиозной жизни, но распространяющиеся на его

деятельность в целом»¹. Последователи религий, наравне с атеистами, принимают всё большее участие в разных аспектах общественной жизни, неизбежно привнося в неё элементы собственного мировоззрения, поэтому психологический уровень опосредует воздействие религиозных ценностей на остальные сферы человеческой жизни. Так, во многих случаях религиозные ценности и отношение к ним являются основой идеологических установок, используемых партиями, движениями, другими политическими силами. Нередко религиозные ценности оказывают значительное влияние на становление государственности и яркий пример тому история становления Российского государства. Следовательно, религиозная ситуация создаёт объективные предпосылки для дальнейшего развития политического устройства страны: политического режима, формы правления, государственного устройства, правовой системы. Однако определённые религиозные ценности могут вступать в противоречие с господствующей политической идеологией, а, значит, могут быть не только предметом оживлённых дискуссий, но также становиться причиной возникновения конфликтных ситуаций и даже, как показывает отечественная история, жестоких репрессий со стороны государства. Воздействие религиозных ценностей на экономическую сферу во многом опосредовано их влиянием на иные сферы человеческой жизни, тем не менее между ними существует и прямая связь, так как религия воздействует и на экономическое поведение индивидов.

Современное законодательство - не самозамкнутая и самодостаточная система, его состояние и развитие обусловлено не только связью с иными социальными процессами, но и с предшествующим законодательным опытом. На закате советской эпохи, наряду с демократизацией всех аспектов общественного бытия в сфере государственно-конфессиональных отношений стали происходить процессы, коренным образом изменившие содержание этих отношений, принципы их построения и, самое главное, их цель. Сущность изменений, произошедших по сравнению с положением в этой сфере в Советском государстве, можно охарактеризовать как переориентацию вектора государственно-конфессиональной политики от стремления к вытеснению религии на периферию общественной жизни в сторону соблюдения норм и принципов международного права, обеспечивающих религиозную свободу.

Первым нормативным актом, зафиксировавшим произошедшие изменения, стал Закон СССР от 1 октября 1990 года № 1689-1 «О свободе совести и о религиозных организациях». Несмотря на присутствие в нём массы недостатков, он коренным образом менял правовой статус религиозных объединений, что ознаменовало собой новый этап в развитии государственно-конфессиональных отношений в России. По сравнению с предыдущим советским законодательством новшества, привнесённые законом, заключались в следующем. Во-первых, впервые на всесоюзном

¹ Гегель Г.В.Ф. Философия религии: В 2 т. - М., 1975. Т. 1. С. 400-410.

законодательном уровне за религиозными организациями был признан статус юридического лица. Во-вторых, отныне не подвергалась ущемлению по идеологическим основаниям правоспособность религиозных организаций, до сих пор ограниченная рамками отправления религиозного культа. В-третьих, в отличие от советского законодательства, существенно и неоправданно лишавшего религиозные организации имущественных прав, новый закон признавал за ними право собственности на любое движимое и недвижимое имущество, приобретаемое в соответствии с гражданским законодательством на общих основаниях и используемое в соответствии с уставными целями. Закон значительно демократизировал процедуру регистрации религиозных организаций, чётко обозначил основания отказа в регистрации. Но советская административно-командная система всё же оставила свой след на процедуре прекращения деятельности религиозных организаций, ибо по-прежнему решение о прекращении их деятельности могло быть принято государственным органом, зарегистрировавшим устав.

Прямое действие Закона СССР на территории РСФСР продлилось менее месяца, вскоре вслед за ним был принят Закон РСФСР от 25 октября 1990 года № 267-1 «О свободе вероисповеданий»¹. В целом содержание нового закона находилось в русле происходивших изменений государственной политики, обозначенных в Законе СССР, однако он вобрал в себя не все положительные черты союзного закона, не скорректировав допущенные в нём ошибки. Так, Закон СССР упоминал о нескольких разновидностях религиозных институтов, среди которых он выделял: религиозные организации, религиозные общества, религиозные управления, центры и объединения, монастыри братства и миссии, духовные учебные заведения. Российский закон был ещё более лаконичен, так как все религиозные институты определялись им как религиозные объединения, которые могли составлять региональные или централизованные объединения со своими органами управления и иными структурными подразделениями, предусмотренными уставами данных объединений. Отсутствовало в нём и понятие религиозного образовательного учреждения. Но ни тот ни другой закон в сущности не проводили между различными видами религиозных институтов никаких правовых различий, наделяя их полностью идентичным правовым статусом. Так, религиозные центры и просто религиозные организации наделялись равной по объёму правоспособностью, одинаковыми имущественными правами и не отличались друг от друга процедурой регистрации и прекращения деятельности. В отличие от Закона РСФСР союзный закон более корректно определял юридическую судьбу имущества, оставшегося после ликвидации религиозной организации, запрещая обращать на имущество культового назначения взыскание по претензиям кредиторов.

12 декабря 1993 года всенародным голосованием была принята новая Конституция РФ, которая положила конец спорам о концептуальных основах развития государственно-конфессиональных отношений, провозгласив Российскую Федерацию светским государством, а также юридические гарантии реализации права на свободу совести. Большое значение для

определения правового статуса религиозных объединений стало принятие с интервалом примерно в два года первой и второй части Гражданского кодекса РФ. Первая часть определила правовые основы участия религиозных организаций в гражданских правоотношениях в качестве единого субъекта права - юридического лица. Вторая имеет значение для правового статуса религиозных объединений не только постольку, поскольку она регулирует участие юридических лиц в тех или иных сделках, но также по причине определения ею правового режима пожертвований в пользу религиозных объединений. Однако, несмотря на фундаментальную важность этих положений, Гражданский кодекс РФ №51-ФЗ от 21 октября 1994 года не был и сейчас, к сожалению, не способен решать многие актуальные проблемы. Принятый вслед за Гражданским кодексом РФ Федеральный закон от 12 января 1995 года № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» также содержал нормы, регулировавшие гражданско-правовой статус религиозных объединений, однако эти нормы не только не развивали, но и фактически дублировали положения Гражданского кодекса РФ. Поэтому Федеральным законом от 26 ноября 1998 года № 174-ФЗ регулирование особенностей правового статуса, создания, реорганизации и ликвидации религиозных объединений и управления ими было выведено из сферы действия этого закона. После принятия Закона РСФСР «О свободе вероисповеданий» в стране сложилась довольно противоречивая ситуация.

С одной стороны, налицо продвижение вперед: тысячи культовых зданий были переданы религиозным общинам, были также открыты десятки монастырей, духовных учебных заведений, религиозных центров, братств и миссий. Практически все обоснованные заявления верующих о регистрации обществ разрешались положительно.

С другой - вскоре проявились и не прогнозируемые в ходе выработки Закона последствия. Начался бурный рост числа конфессиональных новообразований, не имеющих аналогов в прошлом России, бесконтрольный въезд на территорию России тысяч миссионеров и проповедников самой различной ориентации. Быстро увеличивалось количество духовных миссий, действовавших во всех субъектах Российской Федерации.

Как отмечал в то время заведующий сектором аппарата Правительства РФ Г.А. Михайлов, для ряда «новых» религиозных организаций и миссионерских структур было характерно «применение особой психотехники, оказывающей разрушающее воздействие на личность», распространение «ненависти и вражды к тем, кто не разделяет их воззрений», что в конечном итоге усиливает нестабильность, ведёт к конфронтации на «религиозной почве» как в ряде отдельных субъектов, так и в России в целом.

Обострение религиозной ситуации вынудило государственные органы субъектов Российской Федерации принять меры по упорядочению деятельности нетрадиционных религиозных организаций. В этой связи 15 декабря 1996 года Государственная Дума РФ приняла Обращение к Президенту РФ об опасных последствиях воздействия некоторых

религиозных организаций на здоровье общества, семьи, граждан России. В нём предлагалось по примеру большинства государств Европы выделить в Российской Федерации традиционные культуuroобразующие религии, являющиеся религиями большинства верующего населения и, вообще, обеспечить «религиозную безопасность российского общества». Но обращение было явно запоздалым, поскольку просчеты в конфессиональной политике государства уже принесли свои горькие плоды.

Существующие проблемы правового регулирования государством свободы совести и религиозных объединений вызваны, следующими факторами:

- участием религиозных организаций в таких сферах деятельности государственной политики, как образование, культура, армия, здравоохранение, социальная деятельность;

- отсутствием целостной модели конфессиональной политики государства;

- сближением правовых ценностей и унификацией мирового порядка (этот фактор подтверждается приоритетом норм международного права, зафиксированным в ст. 15 Конституции РФ, рассмотрением международным судом в Страсбурге дел по искам российских граждан, объединение стран в борьбе с международным терроризмом после событий 11 сентября 2001 г.),

- мощным подъемом традиционных конфессий;

- развитием религиозного плюрализма и появлением новых религиозных течений, характер и направленность которых не всегда открыта не только для широкой общественности, но и для специалистов-исследователей («Церковь Саентологии», «Церковь Объединения», «Церковь Последнего Завета» и др.), а также ростом преступности на религиозной почве («Аум синрикэ», «Белое Братство»);

- отсутствием религиозоведческого образования специалистов-правоведов правоохранительных, в том числе регистрирующих органов, а также низким уровнем их информированности и взаимодействия;

- недостаточно высоким уровнем правовой культуры отечественного законодателя.

Трудности в государственно-конфессиональных отношениях также вызваны:

- слабой изученностью области государственно-конфессиональных отношений в современной России;

- отсутствием четкой понятной и протяженной во времени концепции развития государственно-конфессиональных отношений;

- расхождением положений федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» Конституции Российской Федерации и нормам международного права;

- несовершенством федерального законодательства о свободе совести.

5.4. Религиозные организации в процессах социализации личности. Роль религиозных организаций в проблеме возрождения национальных культур, поддержании национальных традиций

Употребляя понятие «религиозное объединение» следует иметь в виду, что оно может быть использовано в двух аспектах. Во-первых, как религиоведческое понятие, отражающее сущность и закономерности складывающихся отношений в процессе организации религии. Во-вторых, как юридическое понятие, хотя и выработанное с учётом данных религиоведения, но определяющее правовой статус этих объединений исходя из совокупности внешних факторов и формальных признаков. Как и многие авторы, Г.Г. Черемных справедливо отмечает, что в отечественной науке и практике отсутствует единый подход к решению вопроса о правовом статусе религиозных объединений и об их месте в организации общества¹. Юридическая литература не располагает даже точным определением понятия «религиозные объединения», поскольку фундаментальные исследования их юридической природы отсутствуют. В основу советской концепции религиозных объединений было положено определение В.И. Ленина, гласившее, что религиозные объединения - это «совершенно свободные, независимые от власти союзы граждан единомышленников»². Несмотря на лаконичность данного определения, оно является не совсем точным, поскольку здесь единство цели смешивается с единомыслием, которое есть признак не существенный, ибо может быть характерным не только для религиозных объединений, но и других субъектов гражданских правоотношений (общественные объединения), и вовсе не обязательный в силу допущения многими религиозными объединениями различной трактовки божественного откровения Ф.М. Рудинский определял религиозное объединение как «зарегистрированную в компетентных государственных органах и независимую от власти местную организацию верующих граждан, достигших 18-летнего возраста, одного и того же культа, вероисповедания, направления или толка, объединившихся для совместного удовлетворения своих религиозных потребностей». Прочитанное определение содержит ряд формально-юридических признаков, тем не менее, оно не лишено некоторых недостатков. -Отметим самые существенные. Так, религиозным объединением здесь признаётся исключительно местная организация, несмотря на то, что к ним относятся религиозные центры, управления и объединения. Далее, автор настаивает на наличии у объединяющихся граждан веры. Однако её наличие или отсутствие - субъективный признак, сокрытый в глубинах человеческой психики, а потому не поддающийся формальному подтверждению. Ю.А. Розенбаум определял рассматриваемое понятие, как «любое организационное образование, связанное с существованием религии и являющееся материальным выражением деятельности верующих, направленной на удовлетворение религиозных потребностей»¹. Данное определение несколько расплывчато и недостаточно отражает основные признаки

религиозных объединений, способные отграничить их от некоторых других юридических лиц, в частности от религиозно-политических партий. По справедливому замечанию Г.П. Лупарёва, с религией связаны некоторые современные общественные и политические организации, использующие религиозную идеологию и атрибутику. Таким образом, многие существующие теоретические определения имеют разного рода недостатки, не позволяющие идентифицировать религиозное объединение как специфический субъект права. К тому же приведённые выше определения представляют собой анахронизм уже по той причине, что они не соответствуют языку современного законодательства, ибо предлагались ещё до принятия Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях». По нашему мнению, первым этапом на пути к проникновению в сущность процессов, результатом которых становится появление и функционирование религиозного объединения как правового субъекта, должен послужить анализ этих отношений как социального и, одновременно, правового феномена. Очевидно, что понятие религиозного объединения принадлежит к числу фикций и его использование необходимо, прежде всего, для правового регулирования совокупности однородных общественных отношений, складывающихся в процессе организации религии, возникновения и функционирования религиозно-институциональных образований. Однако прежде чем оформиться в качестве целостного явления данные отношения прошли долгий путь развития. Религиозные верования, идеи и учения всегда имеют своего носителя и этим носителем всегда является какая-то социальная общность. Но не всегда такая общность способна образовать собой религиозное объединение как предмет правового регулирования в его современном виде. Такие организованные религии появились сравнительно поздно в истории общественного развития. Исторически ранние религиозные общности - это общности «витального» типа, такие, как семья, род, племя, народ, государство. На более поздних стадиях, например, в обществах Древнего Востока государственное и религиозное устройство совпадали. Религиозная принадлежность здесь определялась не принадлежностью к какой-либо религиозной системе или определённой религиозной группе, но принадлежностью к данному социальному целому. Формирование религиозных объединений в их виде, в наибольшей степени приближённом к современному во многом способствовало появлению христианства. Можно даже сказать, что христианские общины по своей организационной структуре и характеру внутренних связей явились прообразом для построения всех, даже нехристианских религиозных обществ, известных в современном мире. В самом же общем виде можно отметить несколько предпосылок, в процессе исторического развития религии постепенно приведших к формированию такого социального института как религиозное объединение: раздел функций между членами религиозных групп, выразившийся в специализации и профессионализации культа; кооперация исполнителей религиозного культа, включающая четкое распределение обязанностей между ними;

рационализация культа и религиозного учения, приводящая к выработке традиции, формированию внутренних конфессиональных норм, появление догм признанных норм религиозного учения; предъявление эксклюзивных требований к членам религиозной группы, приводящее к невозможности членства в религиозных группах, принадлежащих к другим конфессиям; возникновение различных толкований религиозного откровения и образование отколовшихся групп привело к росту потребности в отмежевании от них, мотивированной стремлением к сохранению исключительности в обладании истинным знанием. Для прошлых времён, например, для средних веков, типичны такие кумуляции, которые в настоящее время диссоциировались и перестали быть «знаменем века». Так, средние века характеризуются наличием кумулятивной закрытой государственно-религиозной группы. Члены одного государства должны были принадлежать, и принадлежали обычно к религиозным объединениям определённой конфессии, признанной и санкционированной государственной властью, принадлежность к которой была обязательна. За небольшими исключениями подданные государств того времени были связаны двойной связью: государственно-религиозной. Инаковерующие, еретики преследовались и уничтожались. Провозглашение принципа свободы совести и, как гарантии его реализации, светскости государства на определённом историческом этапе развитая государства позволило отделить государственно-территориальную общность, которая выступала организационным каркасом, от определённой религиозной конфессии. Важно понимать, что окончательное формирование социального института, основанного исключительно на стремлении общности людей к достижению религиозной цели и способного быть предметом правового регулирования, стало возможным только в качестве закономерного следствия провозглашения светскости государства, обеспечивающего и гарантирующего своим гражданам реализацию права на свободу совести.

В связи с этим проблема создания условий для воспитания толерантности в многоконфессиональной среде, ориентированной на межрелигиозное сосуществование является, достаточно актуальной и должна стать одной из важнейших педагогических задач общества.

Во-первых, молодежь - это всегда перспектива межкультурных взаимоотношений. Много в жизни зависит от начальной стадии взаимоотношений, но не меньше - от того, как это начало подготовлено.

Во-вторых, именно школа как институт социализации личности, способна мирными средствами решать возникающие споры и разногласия, должна сегодня использовать весь накопленный потенциал, чтобы способствовать прекращению конфронтации, повсеместно утверждая принципы толерантности и миролюбия.

В-третьих, воспитание в человеке высокой культуры этнического и национального самосознания невозможно без создания образовательных программ, изучающих религии мира, их влияние на формирование общечеловеческих ценностей добра, стремления к миру, формирование

взаимопрятия и взаимопонимания. Культуры различны, необходимо найти точки соприкосновения, общие культурные темы, важно учесть все многообразие нюансов и смысловых оттенков.

5.5. Решение проблемы религиозного образования. В соответствии с нормами международного права, провозглашающими свободу выражения религиозных убеждений через религиозное обучение, выбор формы такого обучения (публичная, религиозная или частная школа)

Актуальной проблемой на сегодняшний день является проблема конфессионального образования и его государственной поддержки. Участие государства в религиозном образовании позволило бы, по мнению его сторонников, позволило бы существенно повысить интеллектуальный и культурный уровень священнослужителей.

Религиозное образование в России, осуществляемое силами самих религиозных организаций, разрешено и даже может проводиться в стенах светской школы в рамках факультатива (то есть добровольно, вне основной сетки часов и не за счет бюджета).

Более того, с 1994 г. в светских вузах было введено направление "Теология". 28 января 2002 г.

Для обозначения образовательной деятельности, связанной с изучением религии, чаще всего употребляются два понятия: «религиозное образование» и «религиоведческое образование». Их объединяет предмет изучения – религия как тип мировоззрения личности, особая сфера культуры и социальной жизни. Но в чем их отличия? Представляют ли они два взаимодополняющих вида изучения религии в обществе или это две принципиально разные образовательные практики, не имеющие точек соприкосновения?

Религиоведческое образование стало активно развиваться в нашей стране только в последнее десятилетие, отталкиваясь от своей основы в прошлом – системы атеистического воспитания. Это обусловило наличие ряда подходов к изучению религии разной мировоззренческой направленности. В педагогической вузовской и школьной практике ныне активно развивается направление культурологического представления религий в рамках цивилизационного подхода, в то же время сохраняются атеистические образовательные стереотипы и встречается религиозно-сектантская апологетика под лозунгом абсолютного равенства всех религий.

С религиозным образованием все еще сложнее. В советский период изучение религии осуществлялось лишь в духовных семинариях и академиях. Для советского человека учащиеся и преподаватели духовных школ, как правило, представляли собой феномен безжизненной архаики, который мог разве что только удивлять, но никак не интересовать. Тем более на что-то влиять в общественной жизни, в национальной системе образования.

Ликвидация идеологических запретов привела к развитию сферы негосударственного образования: появились частные учебные заведения, школы религиозных организаций. Ныне открыты и религиозные вузы, т.е. учреждения высшего профессионального образования. Несмотря на то, что их учредителями выступают религиозные организации, в них ведется подготовка по ряду вполне светских специальностей (пока, главным образом, гуманитарных).

Возникают вопросы: в данном случае это религиозное или светское образование? Если религиозное, то почему при этом изучаются еще и литература, история, языки и даже экономика или естествознание? Если светское, то почему преподавание ведется на религиозной мировоззренческой основе и с участием представителей или организаций религиозных конфессий? Здесь обнажается суть проблемы: налицо кризис прежнего идеологического понимания светскости государства, государственной системы образования и самой школы. Актуализировалась проблема научного осмысления изучения религии в обществе во всей ее полноте, системного анализа содержания, особенностей и взаимосвязей всех видов и форм религиозного и религиоведческого образования. Такое осмысление, по нашему мнению, позволит проводить государственную политику в области образования более эффективно.

Светскость государства и государственной школы, согласно российскому законодательству, предполагает, что «никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» (ст. 14 Конституции РФ) и что, соответственно, образование в государственных и муниципальных образовательных учреждениях имеет светский характер (п. 4 ст. 2 Закона РФ «Об образовании» и п. 2 ст. 4 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях»). Но каким образом требование светского характера должно реализовываться на региональном или местном уровне, в образовательном учреждении, в конкретной образовательной программе? Например, в содержании и структуре образовательной деятельности средней школы?

Принцип светскости раскрыт в отрицательной формулировке: «не может устанавливаться в качестве... обязательной». В буквальном смысле это означает только то, что в российской государственной системе образования не может быть обязательного для всех учащихся изучения какой-то определенной религии (скажем, православного христианства). Тем не менее, иногда это требование толкуется как запрет на изучение в государственной школе любой религии даже по свободному выбору учащихся, а также как запрет на любое взаимодействие государства и Церкви, на участие религиозных организаций в деятельности государственных и муниципальных образовательных учреждений.

Жизнь нашего общества в прошедшее десятилетие кардинально изменилась, но существенной частью граждан светскость до сих пор продолжает восприниматься как синоним если не антирелигиозности, то уж, во всяком случае, полной безрелигиозности, внерелигиозности не только

государства, но и светской школы. Однако можно насильственно отделять социальные институты один от другого и тем самым разрушать целостность общественной жизни, а можно разграничивать их функции в целях обеспечения оптимальной деятельности каждого социального института в интересах всего общества.

Большинство государств в современном мире — светские, и при этом практически везде государственная система образования предусматривает возможность изучения той или иной религии по выбору. Что касается различий в содержании и формах религиозного образования, то соответствующие проблемы решаются нормативно-правовыми средствами (договоры, соглашения и т.п.), устанавливающими сферу взаимодействия, разделения функций и полномочий в государственной системе образования органов власти (на центральном, региональном и местном уровнях) с органами управления религиозных организаций. В сфере совместной компетенции государства и религиозных организаций в практике изучения религии соблюдаются все частные интересы участников образовательного процесса, но приоритет отдается общегосударственным, общенациональным.

Не отвлекаясь на подробное раскрытие исторических, научно-философских и религиозно-богословских аспектов светскости государства и государственной системы образования, предложим определение светского образования, позволяющее, по нашему мнению, достаточно корректно обозначить содержание всех основных видов и форм изучения религии.

Итак, светским является любое образование, направленное на решение различных общесоциальных задач, организуемое и поддерживаемое обществом через органы государственной власти и местного самоуправления. Светское образование организуется и проводится в соответствии с нормами и требованиями государственных образовательных стандартов, с учетом разнообразия мировоззренческих подходов (п. 4 статьи 14 «Общие требования к содержанию образования» Закона РФ «Об образовании»), и сопровождается констатацией достижения обучаемым установленных образовательных уровней (образовательных цензов), что удостоверяется соответствующим документом.

Основные типы современного светского образования — дошкольное образование, общее образование, профессиональное образование по различным направлениям и специальностям, востребованным в обществе. Учредителями образовательных учреждений, реализующих одну или несколько светских образовательных программ и (или) обеспечивающих обучение, воспитание учащихся, выступают органы государственной власти и местного самоуправления (государственное и муниципальное образование), организации всех форм собственности и их объединения, частные лица, общественные и религиозные организации — Русской Православной Церкви, мусульманских, буддийских, иудаистских и других зарегистрированных в официальном порядке религиозных объединений.

Организации религиозных конфессий в учрежденных или созданных с их участием образовательных учреждениях реализуют светские

образовательные программы различного типа, уровня и направленности в соответствии с государственными образовательными стандартами, а также программы религиозного образования в соответствии с принятыми в этих учреждениях образовательными программами в той их части, которая относится к компетенции образовательного учреждения. Реализация в таких образовательных учреждениях светского содержания образования в соответствии с государственными образовательными стандартами обеспечивается государством и соответствующим образом проверяется, контролируется (лицензирование, аккредитация).

Наряду с такими образовательными учреждениями существуют особые образовательные учреждения религиозных конфессий – духовные школы в Русской Православной Церкви (духовные академии, семинарии, училища), училища служителей культа в других религиозных конфессиях, где осуществляется профессиональная подготовка лиц, необходимых для отправления данного религиозного культа. Профессиональное религиозное (духовное) образование включает специальную подготовку, которая, будучи значимой для членов данной религиозной организации, последователей данной религии, не имеет общесоциальной значимости. Эта подготовка ориентирована на внутреннюю духовную жизнь религиозной общины, связанную с получением, как считают, например, православные верующие, особой поддержкой от Бога, особых духовных даров в Таинствах и обрядах, принятых в Церкви. В исламе или иудаизме эта специфика профессионального религиозного образования выражена в меньшей степени, но и там имеется некоторая область внутреннего религиозного опыта, культовой практики, наставничества, особых взаимоотношений религиозного руководителя и рядовых последователей и т.п., которая осваивается учащимися в иных условиях, нежели светские образовательные программы, и не регулируется государственными образовательными стандартами по ряду параметров. Прежде всего — в отношении содержания образования и условий его получения (порядок зачисления учащихся, выбор форм обучения, права участников образовательного процесса и т.д.). В тоже время образование в духовных школах не исчерпывается подготовкой, необходимой исключительно для отправления религиозного культа, о чем будет специально сказано ниже.

Таким образом, очевидно, что религиозное образование в целом шире собственно профессионального религиозного (духовного) образования. Но как оно соотносится со светским образованием? Выделим три качественных признака образовательной деятельности в обществе в связи с изучением религии, которые помогут нам уяснить содержание понятия «религиозное образование»:

- 1) организационно-правовая принадлежность образовательной деятельности — образовательного учреждения, образовательной практики в любой другой форме к той или иной религиозной организации (конфессии);
- 2) содержание образования, образовательной деятельности, т.е. что, собственно, изучается, какие знания преподаются и осваиваются;

3) мировоззренческая религиозная основа образовательной деятельности, учебного или воспитательного процесса.

Религиозное образование по организационной принадлежности осуществляется в организациях и учреждениях Русской Православной Церкви (церковное образование), в исламских, буддийских, иудаистских и др. религиозных организациях и учреждениях, т.е. тех, которые учреждены религиозными организациями самостоятельно либо совместно с другими учредителями, признаны или контролируются ими каким-либо образом. Религиозное образование по содержанию осуществляется с целью повышения объема, уровня и качества знаний человека о той или иной религии, религиозной культуре. Оно реализуется в обществе в организациях и учреждениях системы образования религиозных конфессий, в семье, в средствах массовой информации, учреждениях культуры, в образовательной деятельности других социальных институтов, учреждений и частных лиц, в том числе и в государственных и муниципальных образовательных учреждениях в соответствии с их образовательными программами, учебными планами, программами учебных курсов и дисциплин.

Религиозное образование по мировоззренческому основанию осуществляется на мировоззренческой, духовно-нравственной основе той или иной религии, опирается на сложившееся в данной религиозной традиции мировоззрение и уклад жизни. Оно реализуется в организациях и учреждениях системы Образования религиозных конфессий при изучении всех учебных дисциплин, в семье, в средствах массовой информации, учреждениях культуры, в образовательной деятельности других социальных институтов, учреждений и частных лиц, в том числе и в государственных и муниципальных образовательных учреждениях. Определяющий фактор — право свободного выбора, предоставляемое учащимся и (или) их родителям (законным представителям) при условии выполнения основной образовательной программы учреждения и соблюдения законных прав и интересов всех участников образовательного процесса. Право на получение светского образования в соответствии с убеждениями, принятыми в семье, в том числе и религиозными, зафиксировано как в признанном нашим государством международном законодательстве, так и в российском. Например, в Законе РФ «Об образовании» оно оговаривается необходимостью учитывать в содержании образования разнообразие мировоззренческих подходов и способствовать реализации права обучающихся на свободный выбор мнений и убеждений в обучении (п. 4 ст. 14).

Важно отметить, что любое религиозное образование, в том числе и духовное (профессиональное религиозное образование), по существу не является частью религиозного культа, не предусматривает обязательного проведения религиозных ритуалов, обрядов в образовательных учреждениях или в процессе обучения. Даже так называемое «обучение религии» (неудачный термин, использованный в Федеральном законе «О свободе совести и о религиозных объединениях»), т.е. обучение участию в культовой

деятельности, церковной жизни, остается именно обучением, а не собственно религиозной жизнью личности.

Систематизация всех этих разновидностей религиозного образования с учетом реальной практики позволяет выделить две основные области религиозного образования

1. Связанная с изучением религии, не имеющим общесоциальной значимости и поэтому не требующим государственной стандартизации.

Сюда относятся:

а) специальная подготовка в учреждениях профессионального религиозного образования {духовных школах и т.п.) служителей религиозного культа — священнослужителей, церковнослужителей, мулл, раввинов и др., в части знаний, необходимых для отправления религиозного культа;

б) образовательная подготовка в области знаний о религии любых лиц по их свободному желанию для:

приобщения к религиозной организации (в православии — катехизация лиц, ищущих воцерковления, стремящихся приобщиться к Церкви);

расширения и углубления человеком своих знаний о религии в связи с религиозными целями в жизни личности (достижение спасения души, «чистоты», приобретение божественных свойств и качеств и т.п.).

2. Связанная с изучением религии, имеющим общесоциальную значимость и потому требующим государственной стандартизации, регламентации и контроля. В соответствии с выделенными выше тремя качественными признаками образовательной деятельности в обществе в связи с изучением религии, это:

а) изучение религии в образовательных учреждениях разных типов и организационно-правовых форм (ст. 12 «Образовательные учреждения» Закона РФ «Об образовании»), в том числе в государственных и муниципальных образовательных учреждениях, в соответствии с государственными образовательными стандартами, образовательными программами, учебными планами, программами учебных курсов и дисциплин; например — изучение религии в курсах по выбору учащихся и (или) их родителей в дошкольных учреждениях, средней школе, учреждениях дополнительного образования, а также в учреждениях профессионального образования (специальность «Теология»);

б) реализация в образовательных учреждениях разных типов и организационно-правовых форм образовательных программ разного типа, уровня и направленности (ст. 9 «Образовательные программы» Закона РФ «Об образовании») в соответствии с государственными образовательными стандартами на религиозно-мировоззренческой основе по свободному выбору учащихся и (или) их родителей с учетом законных прав и интересов всех участников образовательного процесса;

в) реализация в образовательных учреждениях разных типов и организационно-правовых форм образовательных программ разного типа, уровня и направленности в соответствии с государственными

образовательными стандартами при участии религиозной организации в любой форме: учредительство образовательного учреждения, совместное учредительство (ст. 1 «Учредитель (учредители) образовательного учреждения» Закона РФ «Об образовании») контроль над содержанием и методикой преподавания, участие в подготовке и аттестации педагогических кадров, конфессиональная экспертиза содержания образования и др.

Все это образование, являясь религиозным по тому или иному из выделенных выше трех признаков (содержание образования, мировоззренческая основа, организационная принадлежность), одновременно является светским образованием, регламентируется (полностью или совместно с религиозными организациями) государственными и муниципальными органами управления образованием, обеспечивается (полностью или частично) из государственных источников, бюджетов разного уровня — федерального, регионального, местного, К этой же области религиозного образования можно отнести и большую часть содержания образования в духовных школах (учреждениях профессионального религиозного образования), за исключением образовательной подготовки учащихся части знаний, необходимых собственно для отправления религиозного культа. Все остальное — изучение истории, этики, материальной культуры, религиозных традиций, языков, религиозной, исторической и научной литературы и т.п., представляет ценность для всего общества и может регулироваться государственными стандартами общего и профессионального образования.

Очевидно, что любое религиозное образование должно осуществляться при участии (непосредственном или опосредованном) соответствующей религиозной организации. Это необходимо для обеспечения идентичности как в части собственно содержания знаний о конкретной религии, соответствии их первоисточнику, неискаженного и полного представления всех сторон истории, культуры, образа жизни в данной религиозной традиции, так и для обеспечения преподавания любых знаний на определенной религиозной мировоззренческой основе. Такое участие может заключаться в прямом контроле религиозных организаций за содержанием образования в школах, вузах и т.д., учрежденных ими непосредственно или совместно с другими учредителями или в форме конфессиональной экспертизы квалификации педагогических кадров, учебных программ, учебников, пособий и др., используемых в любых других образовательных учреждениях. Например, в Русской Православной Церкви такая конфессиональная экспертиза проводится в уполномоченных на то организациях (Учебный комитет, синодальный Отдел религиозного образования и катехизации, епархиальные Отделы религиозного образования и др.).

Таким образом, ведущим критерием принадлежности образовательной деятельности по изучению религии к области религиозного образования является взаимодействие с соответствующей религиозной организацией. Если такое взаимодействие установлено и зафиксировано в нормативно-

правовых документах, то изучение религии в любом образовательном учреждении, в том числе в государственном и муниципальном, можно считать формой религиозного образования. Это соответствует и мировой практике.

Религиоведением можно было бы назвать любое изучение религии, с любых позиций, но в настоящее время дело обстоит так, что у нас религиоведческое образование составляет изучение религии с позиций науки и различных направлений в философии, проводимое без связи и взаимодействия с религиозными организациями. Именно такое религиоведческое образование является у нас на сегодняшний день основным, наиболее развитым светским образованием в области изучения религии, религиозной культуры, ориентированным на все общество.

Его основные формы составляют:

1) изучение религии в высших учебных заведениях всех организационно-правовых форм в соответствии с государственными образовательными стандартами профессионального образования (специальность «Религиоведение»);

2) изучение религии в общеобразовательной школе в соответствии с государственными стандартами общего среднего образования, образовательными программами, учебными планами, программами учебных курсов и дисциплин, в том числе преподавание религиоведческих учебных курсов по выбору учащихся и (или) родителей типа «Религиоведение», «История религии», «Религии мира» и т.п.

Современное российское религиоведение и соответствующее религиоведческое образование отличается мировоззренческим разнообразием. Но важно уточнить: все религиозные организации, в том числе Русская Православная Церковь, в настоящее время не имеют какой-либо реальной возможности влиять на его содержание и практику преподавания. В результате это содержание формируется, в основном, неверующими людьми, придерживающимися того или иного мировоззрения нерелигиозного типа и даже атеистами, что зачастую превращает современное религиоведческое образование в форму пропаганды религиозного индифферентизма или атеизма. Атеистическое также можно считать вполне законным, если не допускаются оскорбления религиозных чувств верующих и пропаганда неполноценности граждан по признаку их отношения к религии.

Общей методологической основой религиоведческого образования и, соответственно, главным отличием от религиозного образования и, соответственно, главным отличием от религиозного образования, как правило, декларируются: научность (объективность) и мировоззренческая беспристрастность. Говорится о том, что в изложении сведений о религии и религиозных объединениях религиоведческое образование опирается исключительно на принципы научности и не преследует цели выработки у учащихся определенного отношения к религии (в целом к любой конкретной конфессии).

В реальной действительности эти условия соблюдаются далеко не всегда, нуждаются в уточнении, а то и не могут быть соблюдены в принципе. Так, научность, понимаемая как учет научных данных о религии, не может служить критерием отличия религиоведческого образования от религиозного образования, поскольку не является исключительной прерогативой философского религиоведения. В религиозном образовании тоже учитываются научно доказанные факты, бесспорные выводы научных исследований религии. Конечно, в той мере, в какой научные методы вообще применимы к изучению религиозной стороны в жизни личности и общества и не противоречат мировоззренческим принципам той или иной религии. Точно так рассмотрение религий с позиций того или иного направления в философии не исчерпывается изложением научных фактов, но включает их теоретические интерпретации и обобщения с позиций данного философского направления.

Таким образом, вторая часть в слове «религиоведение» — «ведение» — указывает не только на изучение, знакомство с фактическими данными о религии в целом и конкретных религиозных традициях, организациях, но и на разные мировоззренческие установки, различное аксиологическое происхождение того или иного взгляда на религию. В современной российской практике это преимущественно философские «объяснения» религии, оценка истории и культуры религий с позиций разных направлений и школ в философии, социологии, исторической науке. Но если вспомнить и о религиозном образовании, то можно утверждать, что в целом практику изучения религии в обществе, прежде всего в системе образования, составляют:

1) изучение религии методами науки и соответствующее образование — собственно научное религиоведение как совокупность фактов, наблюдений, научных обобщений, относимых к религии в целом, отдельным религиям, религиозным объединениям в прошлом и современности в социологии, истории, археологии, этнографии, социальной географии и т.д. (часть образования в области соответствующих научных дисциплин);

2) философское религиоведение, философская критика религии (философии религии) — объяснение происхождения, раз вития и особенностей религии в целом и разных религиозных традиций с позиций философских мировоззрений, концепций, теорий с целью обоснования этих мировоззрений, концепций, теорий и распространения их в обществе (часть философского образования);

3) «религиозное религиоведение», религиозное образование разной конфессиональной принадлежности — изучение религии, религиозной культуры с целью повышения уровня знаний о религиозном мировоззрении и культуре данного типа или приобщения к данной религиозной традиции в той или иной форме, включая апологетические объяснения всех других религий с позиций мировоззрения и культуры данной религиозной конфессии, проводимое с участием организаций религиозных конфессий.

Очевидно, что все эти виды изучения религии и соответствующей образовательной деятельности преследуют особенные цели, каждая из которых значима для общества в целом или какой-то его части и потому все они имеют право на существование. Но, по понятным причинам, в начале 1990-х гг. в нашей стране не было и не могло быть достаточного числа кадров специалистов в области религиозного образования (богословия, теологии). Объективные, идеологически не обусловленные научные исследования религии в советское время также практически не велись. Поэтому именно философское религиоведение стало претендовать на то, чтобы давать знания о религии не только от имени науки, но и от имени религиозных конфессий, зачастую препятствуя при этом выходу религиозного образования в общество из установленной ему некогда атеистическим государством жесткой социальной «резервации».

В прошедшие годы эта ситуация постепенно менялась, с трудом преодолевая не только вполне понятную социально-историческую инерцию, но и прямое сопротивление конкурентов на мировоззренческом поле. В государственных вузах появилась специальность «Теология», религиоведческие учебные пособия для массовой школы постепенно все более освобождались от философской критики религии и наполнялись научным содержанием, материалами культурологического характера. Но процесс восстановления необходимой полноты в мировоззренческом разнообразии подходов к изучению религии в системе образования еще не завершен.

5.6. Правовые основы деятельности религиозных объединений в Российской Федерации¹

Свобода обучения религии и религиозного воспитания, право религиозных организаций организовывать профессиональное образование будущих священнослужителей и религиозного персонала гарантированы рядом норм международного права.

Статья 6 Декларации о ликвидации всех форм дискриминации на основе религии или убеждений включает в содержание свободы мысли, совести и религии, среди прочего, свободу «вести преподавание по вопросам религии или убеждений в местах, подходящих для этих целей».

Статья 2 Протокола № 1 к Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод установила, что «Государство при осуществлении любых функций, которые оно принимает на себя в области образования и обучения, уважает право родителей обеспечивать такое образование и такое обучение, которые соответствуют их религиозным и философским убеждениям».

¹ Шахов М.О. д. филос.н., зам.зав. кафедрой религиоведения Российской академии государственной службы при Президенте РФ . Правовые основы деятельности религиозных объединений в Российской Федерации. Глава 14. Религиозное образование – М. 2013 г.

В Итоговом документе Венской встречи 1989 г. представителей государств — участников СБСЕ, государства-участники обязались в Принципе 16, среди прочего, «разрешать подготовку религиозного персонала в соответствующих заведениях».

В соответствии с пунктом 1 ст. 5 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях», каждый имеет право на получение религиозного образования по своему выбору индивидуально или совместно с другими». Следует обратить внимание на то, что российское законодательство не дает определения понятия «религиозное образование». Однако путем системного толкования положений ФЗ «О свободе совести...» можно прийти к выводу о том, что это понятие отличается по содержанию от понятия «образование», используемого в Законе Российской Федерации «Об образовании» от 10.07.1992 г. № 3266–1.

Религиозное образование включает:

- 1) обучение религии и религиозное воспитание детей родителями или лицами, заменяющими их (ст. 5, п. 2 ФЗ «О свободе совести...»);
- 2) обучение религии и религиозное воспитание последователей религиозного объединения (взрослых или детей; членов, участников религиозного объединения или собирающихся вступить в него);
- 3) обучение религии и религиозное воспитание в учрежденных религиозными организациями образовательных учреждениях;
- 4) профессиональное религиозное образование будущих священнослужителей и религиозного персонала в духовных образовательных учреждениях.

Закон «Об образовании», в свою очередь, определяет в преамбуле, что «под образованием в настоящем Законе понимается целенаправленный процесс воспитания и обучения в интересах человека, общества, государства, сопровождающийся констатацией достижения гражданином (обучающимся) установленных государством образовательных уровней (образовательных цензов). Под получением гражданином (обучающимся) образования понимается достижение и подтверждение им определенного образовательного ценза, которое удостоверяется соответствующим документом».

Таким образом, религиозное образование может быть процессом обучения и воспитания, не сопровождающимся выпускным контролем (экзаменами и т.п) и выдачей документа об образовании. А законодательство, регулирующее образовательную деятельность, называет эти признаки в качестве необходимых составляющих образования. Поэтому не всякая деятельность, подпадающая под понятие религиозного образования в терминах ФЗ «О свободе совести...», относится к образованию в терминах, используемых Законом «Об образовании». Это различие имеет важный практический смысл, поскольку образовательная деятельность, подпадающая под критерии, установленные Законом «Об образовании», подлежит обязательному государственному лицензированию.

Согласно ст. 6 ФЗ «О свободе совести...», «обучение религии и религиозное воспитание своих последователей» является необходимым признаком религиозного объединения. Осуществлять его имеет право каждое религиозное объединение, включая незарегистрированные религиозные группы. Поэтому организация при религиозных объединениях изучения детьми или взрослыми Закона Божия, церковной истории и других подобных предметов не требует получения государственной лицензии на образовательную деятельность. Закон предусматривает лишь, что запрещается обучение малолетних религии вопреки их воле и без согласия их родителей или лиц, их заменяющих (ст. 3, ч. 5). Поэтому при организации занятий с малолетними детьми целесообразно попросить их родителей оформить письменное согласие на обучение.

В некоторых случаях в религиозных организациях фактически осуществляется деятельность, подпадающая под все признаки, установленные законодательством об образовании для образовательной деятельности, но без обязательного в таких случаях лицензирования. Например, действует «школа», «колледж», «училище» с расписанием занятий, учебными программами, текущими и итоговыми оценками успеваемости, выпускными экзаменами, выдачей дипломов об окончании учебного курса. Это вызывает претензии контролирующих органов, иногда вплоть до наложения штрафа за административное правонарушение, или обращения в суд с иском о ликвидации религиозной организации за осуществление деятельности без лицензии (ч. 2 ст. 61 ГК РФ). С другой стороны, иногда необоснованные требования о получении государственной лицензии на образовательную деятельность предъявляются ко всяким занятиям по изучению Закона Божия в религиозной организации.

Согласно Положению о лицензировании образовательной деятельности[1], образовательная деятельность, осуществляемая путем проведения разовых занятий различных видов (в том числе лекций, стажировок, семинаров) и не сопровождающаяся итоговой аттестацией и выдачей документов об образовании, деятельность по содержанию и воспитанию обучающихся и воспитанников, осуществляемая без реализации образовательных программ, а также индивидуальная трудовая педагогическая деятельность не подлежат лицензированию.

Исходя из сказанного, можно сделать вывод, что изучение религии в религиозных объединениях (если оно не сопровождается итоговой аттестацией и выдачей документов об образовании) либо вовсе не подпадает под понятие образовательной деятельности, либо относится к образовательной деятельности, не подлежащей лицензированию.

В соответствии со ст. 5 ч. 4 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях», по просьбе родителей или лиц, их заменяющих, с согласия детей, обучающихся в государственных или муниципальных образовательных учреждениях, администрация указанных учреждений по согласованию с соответствующим органом местного самоуправления предоставляет религиозной организации возможность обучать детей религии

вне рамок образовательной программы. Таким образом, с одной стороны, сохраняется принцип светскости образования, с другой стороны, есть возможность использовать специально оборудованные для занятий с детьми школьные помещения. Эта норма актуальна, если религиозная организация не имеет доступных помещений для проведения занятий. Обратим внимание, что иногда такие занятия по изучению Закона Божия неправильно называют «факультативными». Факультативные предметы входят в государственные образовательные программы и относятся к числу предметов, изучаемых по выбору учащихся. Обучение религии не входит в образовательную программу.

Порядок применения данной нормы Закона определен Приказом Министерства образования РФ от 01.07.2003 г. № 2833 «О предоставлении государственными и муниципальными образовательными учреждениями религиозным организациям возможности обучать детей религии вне рамок образовательных программ».

Российское законодательство прямо не предусматривает возможности осуществления религиозными организациями лицензируемой образовательной деятельности. ФЗ «О свободе совести...» в статье 18 говорит только о праве религиозных учреждений создавать образовательные учреждения, являющиеся самостоятельными юридическими лицами. В судебной практике по делам, связанным с привлечением религиозных организаций к ответственности за осуществление образовательной деятельности без лицензии, суды не приходят к однозначной позиции — могут ли религиозные организации получить соответствующую лицензию или они в принципе не имеют права вести образовательную деятельность, регулируемую Законом РФ «Об образовании». Типовой устав прихода — местной религиозной организации РПЦ не включает образовательную деятельность в перечень основных форм деятельности организации.

Как местная, так и централизованная религиозная организация может выступить в качестве учредителя негосударственного образовательного учреждения, в соответствии со ст. 11 Закона Российской Федерации «Об образовании» и с пунктом 2 статьи 18 ФЗ «О свободе совести...».

Конституция РФ установила в статье 43, часть 4, что «основное общее образование обязательно». Закон «Об образовании» также подтверждает, что общее образование является обязательным (статья 19). Поэтому для образовательного учреждения, создаваемого религиозной организацией, возможны два варианта:

1) общеобразовательное учреждение, в котором преподаются все предусмотренные государственные образовательные программы, которое проходит государственную аккредитацию и получает право выдавать диплом государственного образца. Религиозное образование в таком образовательном учреждении осуществляется одновременно с общим образованием;

2) учреждение дополнительного образования (воскресные школы, курсы и т. п.). Ввиду обязательности общего образования учащиеся в таких

учреждениях должны также получить и основное общее образование в другом образовательном учреждении, имеющем государственную аккредитацию.

Государственные образовательные программы, которые могут реализовываться в образовательных учреждениях, подразделяются на:

- 1) общеобразовательные (основные и дополнительные);
- 2) профессиональные (основные и дополнительные).

Общеобразовательные программы направлены на решение задач формирования общей культуры личности, адаптации личности к жизни в обществе, на создание основы для осознанного выбора и освоения профессиональных образовательных программ.

К общеобразовательным относятся программы:

- 1) дошкольного образования;
- 2) начального общего образования;
- 3) основного общего образования;
- 4) среднего (полного) общего образования.

Общеобразовательные программы реализуются в дошкольных образовательных учреждениях, образовательных учреждениях начального общего, основного общего, среднего (полного) общего образования, в том числе в специальных (коррекционных) образовательных учреждениях для обучающихся, воспитанников с отклонениями в развитии, в образовательных учреждениях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей (законных представителей).

В соответствии с нормами статьи 33.1 Закона «Об образовании», образовательная деятельность образовательных учреждений, научных организаций или иных организаций по образовательным программам подлежит лицензированию.

Лицензия на право ведения образовательной деятельности выдается уполномоченным органом исполнительной власти. Лицензия на осуществление образовательной деятельности действует бессрочно.

При лицензировании проверяется соответствие условий осуществления образовательного процесса, предлагаемых образовательным учреждением, государственным и местным требованиям в части строительных норм и правил, санитарных и гигиенических норм, охраны здоровья обучающихся, воспитанников и работников образовательных учреждений, оборудования учебных помещений, оснащенности учебного процесса, образовательного ценза педагогических работников и укомплектованности штатов. В ходе лицензирования образовательных учреждений, создаваемых религиозными организациями, не производится проверка, какому вероучению и в каком объеме обучают учащихся.

В соответствии с Положением о лицензировании образовательной деятельности, лицензионными требованиями и условиями при осуществлении образовательной деятельности являются:

«а) наличие у соискателя лицензии на осуществление образовательной деятельности (далее — лицензия) или лицензиата в собственности или на

ином законном основании оснащенных зданий, строений, сооружений, помещений и территорий (включая оборудованные учебные кабинеты, объекты для проведения практических занятий, объекты физической культуры и спорта, условия обеспечения обучающихся, воспитанников и работников питанием и медицинским обслуживанием), необходимых для осуществления образовательной деятельности по заявленным к лицензированию и реализуемым в соответствии с лицензией образовательным программам и соответствующим требованиям, установленным законодательством Российской Федерации в области образования;

б) наличие у лицензиата учебно-методической документации по реализуемым в соответствии с лицензией образовательным программам, соответствующей требованиям, установленным законодательством Российской Федерации в области образования;

в) наличие у лицензиата учебной, учебно-методической литературы и иных библиотечно-информационных ресурсов и средств обеспечения образовательного процесса по реализуемым в соответствии с лицензией образовательным программам, соответствующим требованиям, установленным законодательством Российской Федерации в области образования;

г) наличие в штате лицензиата или привлечение им на ином законном основании педагогических работников, численность и образовательный ценз которых обеспечивают осуществление образовательной деятельности по реализуемым в соответствии с лицензией образовательным программам и соответствуют требованиям, установленным законодательством Российской Федерации в области образования;

д) соблюдение лицензиатом установленных законодательством Российской Федерации в области образования требований к организации образовательного процесса».

Итак, государственное лицензирование обязательно для любой организации, осуществляющей образовательную деятельность, вне зависимости от объема и содержания образования, его религиозного или светского характера. Поэтому лицензирование должна проходить и создаваемая религиозной организацией негосударственная православная общеобразовательная гимназия, школа или вуз и духовное образовательное учреждение (см. далее).

Условием признания того, что государственное или негосударственное образовательное учреждение дает образование, соответствующее государственным стандартам (требованиям) и что выпускники действительно получают полноценное общее или высшее образование, является прохождение государственной аккредитации. Таким образом, аккредитация, в отличие от лицензирования, является добровольной, ее прохождение обусловлено потребностью придать общепризнанный, юридически значимый статус образованию, которое дает данное образовательное учреждение.

Согласно ст. 33.2 Закона РФ «Об образовании», целями государственной аккредитации образовательного учреждения являются подтверждение соответствия качества образования по образовательным программам, реализуемым образовательным учреждением, федеральным государственным образовательным стандартам или федеральным государственным требованиям и, если иное не предусмотрено законом, установление его государственного статуса. Свидетельство о государственной аккредитации подтверждает право образовательного учреждения или научной организации на выдачу в установленном порядке документов государственного образца об уровне образования и (или) квалификации по аккредитованным образовательным программам.

Права образовательного учреждения на выдачу своим выпускникам документа государственного образца о соответствующем уровне образования и на пользование печатью с изображением Государственного герба Российской Федерации возникают с момента его государственной аккредитации, подтвержденной свидетельством о государственной аккредитации.

Как установила ст. 27 Закона РФ «Об образовании», образовательное учреждение или научная организация, имеющие государственную аккредитацию, выдают по реализуемым ими аккредитованным образовательным программам лицам, прошедшим государственную (итоговую) аттестацию, документы государственного образца об уровне образования и (или) квалификации.

Образовательные учреждения и научные организации, за исключением учреждений профессионального религиозного образования (духовных образовательных учреждений), заверяют выдаваемые ими документы государственного образца об уровне образования и (или) квалификации печатью с изображением Государственного герба Российской Федерации.

Если государственную аккредитацию проходит православное образовательное учреждение (школа, гимназия, университет), преподаваемые в нем религиозные образовательные программы, на которые не существует государственных образовательных стандартов, не являются объектом контроля и аккредитации.

Централизованные религиозные организации в соответствии со своими уставами имеют исключительное право создавать учреждения профессионального религиозного образования (духовные образовательные учреждения) для подготовки служителей и религиозного персонала. (Статья 19 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях», посвященная учреждениям профессионального религиозного образования, не ограничивает круг возможных учредителей централизованными религиозными организациями. Но ст. 8, часть 6 данного Закона говорит о том, что такие учреждения могут быть созданы только централизованной религиозной организацией. Таким образом, местная религиозная организация может учредить негосударственное образовательное учреждение (о чем речь

шла выше), но не может создать учреждение профессионального религиозного образования (семинарию, духовную академию и т. д.).

В соответствии с частью 2 статьи 19 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях», учреждения профессионального религиозного образования подлежат регистрации в качестве религиозных организаций и получают государственную лицензию на право осуществления образовательной деятельности. Порядок и особенности лицензирования определены вышеназванным Положением о лицензировании образовательной деятельности, а также в Письме Министерства образования РФ от 28.11.2000 г. № 24–51–188/10. Существует некоторое противоречие, поскольку Положение, определяющее общий порядок лицензирования, утверждено в 2011 г., а специальные разъяснения Минобрнауки об особенностях лицензирования духовных образовательных учреждений составлены с учетом ранее действовавшего Положения о лицензировании, утвержденного в 2000 г. и ныне не действующего.

Таким образом, учреждения профессионального религиозного образования обладают всеми правами и обязанностями, установленными для религиозных организаций, и, одновременно, правами и обязанностями образовательных учреждений. В то же время, поскольку не существует и не может существовать государственных образовательных стандартов для подготовки профессионального священнослужителя, государственная аккредитация таких учреждений не производилась до 2008 г.

28 февраля 2008 г. Федеральным законом № 14-ФЗ были внесены изменения в ряд законодательных актов, в том числе в ст.ст. 12 и 33 (ныне 33.2) Закона Российской Федерации «Об образовании» и в ст. 19 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях». После принятия этих поправок учреждения профессионального религиозного образования (духовные образовательные учреждения[3]) получили право реализовывать на основе лицензий образовательные программы в соответствии с требованиями федеральных государственных образовательных стандартов и в случае получения государственной аккредитации выдавать в установленном порядке документы государственного образца о соответствующем уровне образования.

Свидетельство о государственной аккредитации, выданное учреждению профессионального религиозного образования (духовному образовательному учреждению), подтверждает уровень реализуемых им образовательных программ, соответствие содержания и качества подготовки выпускников требованиям федеральных государственных образовательных стандартов, дает право на выдачу выпускникам, успешно завершившим обучение по аккредитованным образовательным программам, документов государственного образца о соответствующем уровне образования.

Обратим внимание, что законодатель не изменил статус собственно религиозного профессионального образования — успешное завершение обучения будущего священнослужителя по программам духовного образования не дает права выпускнику духовного образовательного

учреждения считается человеком с высшим образованием. Но если в дополнение к этому духовному образованию в семинарии он получил высшее образование по теологии, юриспруденции, истории, философии или любой иной образовательной программе, по которой установлен государственный образовательный стандарт, и если семинария имеет соответствующую государственную аккредитацию, он вправе получить диплом государственного образца.

Фактически это нововведение означает, что учащиеся духовных учебных заведений должны освоить двойную учебную нагрузку — для подготовки священнослужителя и в соответствии со светской образовательной программой. Однако значительная часть учебной нагрузки в духовных образовательных учреждениях часто приходится на долю общеобразовательных предметов (история, иностранные языки, философия и т. д.), что делает возможность получения двух дипломов вполне реальной. Можно найти варианты организации учебного процесса, не требующие повторного изучения предметов, входящих как в светские, так и в духовные образовательные программы.

Введенные в 2008 г. изменения в законодательство учли необходимость соблюдения конституционной нормы об отделении религиозных объединений от государства. Поэтому учреждение профессионального религиозного образования (духовное образовательное учреждение) заверяет такие документы своей печатью, не содержащей изображения Государственного герба Российской Федерации (ст. 27 Закона РФ «Об образовании»). В этом отличие от дипломов, выдаваемых другими аккредитованными негосударственными образовательными учреждениями. Напомним, что учреждения профессионального религиозного образования являются религиозными организациями и использование ими печати с изображением Государственного герба РФ не допускается законодательством о Государственном гербе.

Также, согласно пункту 2 статьи 19 ФЗ «О свободе совести...», при государственной аккредитации учреждения профессионального религиозного образования не устанавливается его государственный статус (тип, вид и категория образовательного учреждения, определяемые в соответствии с уровнем и направленностью реализуемых им образовательных программ). Соответственно, они могут использовать наименования «академия», «университет» и т. п. по своему усмотрению, а не в соответствии с аккредитационными требованиями для присвоения статуса академии или университета

В соответствии с пунктом 3 ст. 19 ФЗ «О свободе совести...», «граждане, обучающиеся на очных отделениях учреждений профессионального религиозного образования, которые имеют государственную лицензию, пользуются льготами, предусмотренными законодательством Российской Федерации».

С учетом данной нормы и статьи 24 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» студенты

учреждений профессионального образования, обучающиеся по образовательным программам, получившим государственную аккредитацию, имеют право на отсрочку от призыва на военную службу на тех же основаниях, что и обучающиеся в других имеющих государственную аккредитацию образовательных учреждениях. Студенты, обучающиеся только по религиозным образовательным программам или в духовных образовательных учреждениях, совсем не имеющих государственной аккредитации, права на отсрочку не имеют (Вплоть до 2006 г. пункт 3 ст. 19 ФЗ «О свободе совести...» содержал норму, согласно которой «граждане, обучающиеся на очных отделениях учреждений профессионального религиозного образования, которые имеют государственную лицензию, пользуются правом на отсрочку от призыва на военную службу в соответствии с законодательством о воинской обязанности и военной службе и иными льготами, предусмотренными законодательством Российской Федерации». Это положение было исключено из ФЗ «О свободе совести...» Федеральным законом от 06.07.2006 г. № 104-ФЗ).

ТЕМА 6

ПРИНЦИПЫ ПОСТРОЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Принципами координации межконфессионального взаимодействия, на основе взглядов, декларируемых в социальных доктринах ряда российских конфессий, были определены принцип толерантности, принцип иерархизированного равенства, принцип межконфессионального диалога и принцип свободы совести, а также была, по возможности, продемонстрирована и обоснована их эффективность при координации межконфессиональных отношений в современной России

6.1. Принцип толерантности

Мировоззренческой основой межконфессиональной толерантности является признание ценности и значимости плюрализма и разнообразия, *а сама толерантность выступает как условие сохранения разнообразия*: «Если разнообразие людей, культур и народов выступает ... как ценность и достоинство культуры, то толерантность представляет собой норму цивилизованного *компромисса* между конкурирующими культурами ... выступает условием сохранения разнообразия, своего рода исторического права на отличность, непохожесть»^{1 27}. Содержательная эволюция понятия «толерантность» и принципа толерантности, приведшая к смысловой многослойности, предполагает четкий вектор развития: от религиозной проекции веротерпимости до выдвигания на первый план осознания ценности культурного многообразия, признания за человеком неотчуждаемых прав и свобод, поощрения инициатив и альтернатив, уважительное отношение к Другому².

В контексте анализа стратегий противодействия религиозной ксенофобии важно обратиться к понятию мультикультурных ориентаций как социально-психологической основе межэтнической и межконфессиональной толерантности. В современной России мультикультурная идеология неоднократно озвучивалась первыми лицами государства, отмечающими ценность культурного многообразия страны, необходимость воспитания толерантности к традициям разных народов³.

В контексте кросс-культурных психологических исследований под мультикультурными ориентациями понимается совокупность психологических предпосылок — норм, установок, идей, в основе которых

¹ Асмолов А.Г., Солдатова Г.У., Шайгерова Л.А. О смыслах понятия «толерантность» // Век толерантности: научно-публицистический вестник. 2001. № 1-2. С. 9.

² См. Гречко П.К. Различия: от терпимости к культуре толерантности. - М.: РУДН, 2006. С. 296-306.

³ Выступление на заседании Президиума Госсовета, состоявшемся в Уфе 10 февраля 2011 г., в котором Президент Д.А. Медведев отметил, что Россия не поддерживает отказ от идей мультикультурализма, провозглашенный главами некоторых европейских государств. См. также Выступление на педагогическом совещании в Адыгее 19.08.2011. URL: http://www.gazeta.ru/news/lenta/2011/08/18/n_1972169.shtml

лежит социальная норма позитивного, благожелательного или просто нейтрального принятия культурных и религиозных различий, относительно невысокий уровень этнических и религиозных предубеждений и, главное, положительный опыт межэтнических (межкультурных) контактов¹.

В таком понимании мультикультурные ориентации выступают как мировоззренческая основа религиозной и этнической толерантности, ценностная основа конфессиональной идентичности. Важно отметить, что мультикультурная идеология является частью общей стратегии социальной интеграции, принятой в данном социуме, в ходе которой у всех членов общества, независимо от их культурной и религиозной принадлежности, формируется солидаризирующая идентичность — чувство принадлежности и сопричастности к единому социокультурному пространству.

В российских условиях такой солидаризирующей макроидентичностью является чувство принадлежности к российской цивилизации как уникальному культурному пространству, объединенному общностью исторической судьбы, позитивным опытом добрососедства и общими ценностными доминантами.

Религиозное измерение толерантности обуславливается необходимостью использования политического механизма сопряжения различных религиозных традиций, становящихся основаниями политического процесса, и поиском варианта сосуществования светского и религиозного в современном мире.

По мнению, представителя Московского Патриархата при Совете Европы игумена Филарета (Булекова), «концепция прав человека предполагает, что свобода одного человека заканчивается там, где начинается свобода другого. Если, защищая свою идентичность, человек разрушает идентичность другого, а тем более множества других — значит, он нарушает сам принцип прав и свобод человека и гражданина. Если, апеллируя к своим правам, он посягает на культуру народов и целого континента — значит, что-то неладно с пониманием прав человека, в том числе и в практике Европейского суда»². Следует также отметить провокации со стороны светского общества, наглядным примером является карикатурная война, во многом перешедшая в политическое поле.

Толерантность как стратегия возникла именно в религиозной среде и имела более ограниченный смысл, понимаясь как терпимость к иным религиозным верованиям, и предписывала населению быть более терпимыми к религиозным меньшинствам (Нантский эдикт Генриха IV (1598 г.), Патент толерантности Иосифа II (1781 г.).

¹ Джон В. Берри, Айп Х. Пуртинга, Маршалл Х. Сигал, Пьер Р. Дасен. Кросс-культурная психология. — Харьков, 2007. С. 382.

² Представитель Московского Патриархата при Совете Европы игумен Филарет (Булеков): «Европа может столкнуться с общественной дестабилизацией, с возникновением протестных настроений по тем вопросам, которые раньше не вызывали напряжения в обществе» // Официальный сайт отдела внешних церковных связей Русской Православной Церкви. 06.11.2009. URL: <http://www.mospat.ru/ru/2009/11/06/news7927/>

Религиозная толерантность как непредвзятое отношение к людям иной веры ныне расширилась до толерантного отношения вообще к инакомыслящим. Толерантное отношение модифицирует ориентацию деятельности благодаря тому, что, несмотря на продолжающие существовать религиозные или мировоззренческие расхождения и разногласия, оно побуждает проявлять уважение к людям иной веры или иного образа мыслей и относиться к ним как к равноправным согражданам¹.

Рациональное объяснение принципа религиозной толерантности, основанное на плюрализме религиозных и светских начал, вступает в противоречие с культурным многообразием и усилением негражданских форм идентичностей: религиозная символика, религиозный дискурс, религиозные смыслы становятся четкими политическими маркерами и резко сужают толерантный принцип конкуренции различных мировоззренческих установок.

Так, Архиепископ Йоркский Джон Сентаму считает вредным внедрение принципов толерантности в британском обществе, поскольку правительство страны старается «изгнать религию из общественной жизни» во имя толерантности и вынудить верующих уйти в гетто².

По мнению оппонентов идеологии толерантности, последняя близка к позиции индифферентности, и в своем проявлении может быть чревата крушением основ государства и нации.

Так, по мнению В. Легойды, «толерантность становится одним из идолов современного общества. При этом под толерантностью все чаще понимается равнодушное отношение к другому»³.

Преподобный Томас Д. Уильямс, сотрудник Библиотеки США, утверждает, что «Уважение к свободе вероисповедания стоит на голову выше предполагаемой терпимости к религиозным убеждениям, которое так часто включает в себя релятивизм, равнодушие, пренебрежение к религии»⁴.

Таким образом, можно констатировать определенный пересмотр политической стратегии толерантности, во многом являвшейся инструментализацией теории и политики мультикультурализма, а также актуализировавшимся противоречиями между светскими политическими практиками и религиозными основаниями как идентификационными параметрами, приобретающими политическую окраску.

Толерантность в российских условиях имеет ряд особенностей, что проявляется, в том числе, и в наличии широкой дискуссии о ее смысловой и практической нагруженности.

С одной стороны, понимание толерантности в либеральном варианте как стратегии, основанной на концепции прав и свобод человека, не описывает в

¹ Хабермас Ю. Когда мы должны быть толерантными? О конкуренции видения мира, ценностей и теорий // Социологические исследования. 2006. № 1. С. 47.

² URL: <http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=34062>

³ URL: <http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=37836>

⁴ Thomas D. Williams, L.C. The Myth of Religious Tolerance. URL: <http://www.crisismagazine.com/2011/the-myth-of-religious-tolerance>

полной мере сложившуюся российскую ситуацию. Так, по мнению А.Е. Себенцова, «своеобразие нашей веротерпимости состоит в том, что она относится к сфере прав народов, а не прав человека. Отношение конкретного человека к религии оценивается окружающими с учетом этноконфессионального контекста»¹.

С другой стороны, толерантность как принцип межкультурного взаимодействия в его нормативно-ценностном смысле признается в качестве средства преодоления деструктивных явлений, связанных с поликонфессиональным устройством России и обострением религиозных различий в политических смысловых проекциях.

Проблема толерантности и связанная с ней проблема обеспечения конструктивного межконфессионального диалога, а также преодоления экстремизма предполагает учет всего многообразия факторов в такой полиэтнической и поликонфессиональной стране, каковой является Россия. В российской традиции толерантность может быть проинтерпретирована и как сосуществование различных этно-конфессиональных традиций. Определение российской цивилизации как православной кажется не вполне достаточным, хотя, безусловно, с православием ни одна религия не может конкурировать по силе и степени влияния на историю и культуру России. Нельзя не признать вклад других религиозных традиций (ислама, иудаизма, буддизма, протестантизма, национальных религий), что свидетельствует о взаимовлиянии и взаимообогащении, совместном создании и защите общих ценностей и государственных структур в едином географическом, политическом, экономическом и духовном пространстве. Это формирует чувство сопричастности к единой исторической судьбе, архетипические представления, общие для сознания различных этноконфессиональных общностей, общие идентичности. Насколько проверенное временем устройство способно поддерживать традиционный толерантный потенциал России в современных условиях — это очень серьезный вопрос. Ведь достаточно часто нецивилизованные формы взаимодействия различных культур не только преодолевают пространственные границы, становясь глобально опасными, но также выступают в качестве манипуляторов в межгосударственном и внутригосударственном управлении. Особенно необходима толерантность в России не только ввиду ее поликонфессионального цивилизационного устройства но и из-за отсутствия четких идейных ориентиров, переоценки нравственных ценностей, разрушения традиционной ценностной структуры, вызывающей как острые столкновения и дискуссии, так и недопустимую практику.

Актуальность обеспечения религиозной толерантности обусловлена рядом причин:

негативными историческими традициями (вопросы вероисповедания решались по преимуществу не добровольно, а посредством государственного регулирования);

¹ Себенцов А.Е. Развитие религиозной ситуации в современной России // Власть. 2009. № 7. С. 81.

сложным многоконфессиональным и полиэтническим составом населения России;

наличием определенных межконфессиональных противоречий, необходимости поддержания взвешенных взаимоотношений между представителями различных конфессий, в том числе и новых, между верующими, неверующими и другими мировоззренческими группами;

амбициозной политикой ряда религиозных руководителей;

низкой политической культурой официальных лиц, призванных регулировать государственно-конфессиональные отношения;

существованием «мифов» и «стереотипов» в общественном сознании, активно навязываемых СМИ и т.д.;

проявлением среди различных групп населения, в том числе в молодежной среде, экстремизма и различных форм нетерпимости по отношению к различным этносам и религиям.

В качестве идейно-ценностной доминанты при использовании ресурса толерантности целесообразным представляется использовать идею российской цивилизации как поликонфессиональной, имеющей собственный уникальный опыт сосуществования различных конфессий, основным принципом которого является мирное сотрудничество и толерантность. При этом более общим идентификационным критерием выступает государство и общегражданская идентичность, а единство и общность исторической судьбы и проектируемого будущего — главным наполнением создаваемого идейного дискурса. Понимание национальной и наднациональной идентичности как ресурса развития сегодня вновь оказывается в фокусе публичной дискуссии. В условиях кризиса социальной практики мультикультурализма повышаются риски фрагментации национально-государственных сообществ и отмечается, что гражданская идентичность, выстроенная на сугубо формальных правовых основаниях, оказывается поверхностной и недостаточно прочной скрепой для социальной консолидации¹.

6.2. Принцип иерархизированного равенства

Еще одним важным принципом построения гармоничных межнациональных и межконфессиональных отношений является принцип иерархизированного равенства. То есть сочетание принципов равноправия наций и конфессий и иерархичности их взаимоотношений. На первый взгляд принципы равенства и иерархичности противоречат друг другу. Но первое впечатление разбивается о реальную практику. К примеру, эти два принципа успешно сочетаются в деятельности Межрелигиозного совета России (МСР), где все участники равны, но по общему соглашению почетным председателем Совета избрали главу самой крупной конфессии России

¹ Семенов И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И. Идентичность в системе координат мирового развития // ПОЛИС. Политические исследования. 2010. № 3. С. 43.

Предстоятеля Русской Православной Церкви. То есть РПЦ выступает как первая среди равных, и никого это не ущемляет и не смущает.

В соответствии с этим документом религиозно-конфессиональные отношения как на институциональном, так и на личностном уровне должны **основываться на следующих принципах:**

- приверженность общечеловеческим ценностям;
- уважение прав человека и основных свобод, в том числе права каждого человека на религиозное самоопределение;
- признание за последователями всех религий и конфессий права распространять свои убеждения методами и средствами, не противоречащими духу любви и не нарушающими свободу личности;
- уважение человеческого достоинства последователей каждой религии (конфессии);
- юридическое равенство религиозных объединений, ни одна религия или религиозное объединение не пользуется никакими преимуществами и не может быть подвергнута никаким ограничениям по сравнению с другими;
- отказ от конфронтационного мышления, готовность к межконфессиональному (межрелигиозному) диалогу по проблемам, вызывающим напряженность в обществе;
- взаимодействие между религиозно-конфессиональными сообществами в миротворчестве, в гуманитарных сферах, в деятельности по экологическому возрождению России и ее регионов.

Сегодня возникла настоятельная необходимость создания Российской ассоциации межрелигиозной гармонии с отделениями в регионах. Ассоциация и ее филиалы могли бы выступить инициаторами и координаторами межконфессионального взаимодействия, выдвигать проблемы для межвероисповедного диалога, разрабатывать программы совместных благотворительных, правозащитных, миротворческих акций. Взаимодействие представителей разных вероисповеданий по реализации таких программ поможет снять бытующие предубеждения и подозрительность, будет способствовать формированию конфессиональной толерантности.

6.3. Принцип межконфессионального (межрелигиозного) диалога

Проблема обеспечения межконфессионального (межрелигиозного) диалога в России представляется одним из ключевых вопросов, стоящих в центре, как теоретических изысканий, так и практической политики. Его злободневность определяется рядом причин:

- необходимостью поиска основы сопряжения религиозных различий в поле российской цивилизации;
- потребностью в социальной стабильности и социальном консенсусе в горизонтальных и вертикальных срезах российского общества;

- императив преодоления религиозной нетерпимости в социальной ткани;
- обеспечение толерантного климата для взаимодействия между последователями различных конфессий, а также между религиозными и светскими сегментами российского общества.

Межконфессиональный диалог способствует формированию у населения уважения к религиозному плюрализму и культурному разнообразию. Ф. Годен, задаваясь вопросом о том, какие условия необходимо соблюсти, чтобы межрелигиозный диалог стал возможным, подчеркивает, что, прежде всего, «речь идет о том, чтобы преодолеть взаимное неведение и предрассудки»¹.

Это пересекается с практической задачей необходимости коррекции и выработки адекватной политики государственно-конфессиональных отношений, учитывающей поликонфессиональность российского общества и направленной на достижения оптимального баланса интересов всех заинтересованных групп.

Межрелигиозный диалог в России может быть рассмотрен в двух ипостасях — как диалог между носителями религиозных традиций, рассмотренный сквозь призму поликонфессиональности России и исторического конструктивного опыта и как институционализируемая практика общения религиозных организаций, религиозных лидеров, религиозных и светских институтов.

Важно выделить ряд ключевых принципов для становления действенного диалога религий в межцивилизационном контексте. К ним в первую очередь необходимо отнести толерантность как терпимое отношение последователей одного вероучения к сторонникам другого, равноправие участников, открытость их позиций, нацеленность на сотрудничество и позитивные результаты, отказ от критического рассмотрения вероучительных вопросов.

Для общественного настроения и поведения во все периоды российской истории было характерно, как правило, терпимое отношение к людям других верований и убеждений, их лояльные или же доброжелательные взаимосвязи в разных сферах личной и общественной жизни. Показательно, что в России не было религиозных войн, что подтверждает цивилизационную совместимость разных конфессий в общероссийской среде. В основе своей мирное сосуществование конфессий в последнее время не поколебали и болезненные для российского общества изменения в конце XX — начале XXI века.

Если останавливаться на исторической перспективе, имевшие в истории место случаи притеснения различных религиозных течений или институтов провоцировались представителями светской власти или высшей церковной иерархии, во многом вследствие политикоцентричных императивов развития

¹ Gaudin Ph. Dialogue interreligieux et «laïcité d'intelligence» dans la société française // Skard H., Palard J., Woerling J.M., Husson J.F., Mahiels J., Gaudin P., Burchianti F., Itcina X., Tietze N., Anwar A., Chivers C., Pearce B., Moniak-Azzopardi A. Des dieux dans la ville — Le dialogue interculturel et interreligieux au niveau local. - Strasbourg : Ed. du Conseil de l'Europe, 2008. P. 89-96.

российского государства. Подтверждением тому может служить тот факт, что большинство верующих (в настоящее время 75% среди православных и 68% среди мусульман) не соглашаются с идеей исключительности той или иной религии, тем более с выступлениями против других религий.

В пользу этого тезиса говорит и то, что в России имеются вековые традиции толерантного сосуществования различных религиозных традиций, при сохранении их самобытности. Эта традиция во многом заимствована и от Золотой Орды, при которой русская православная церковь не платила подати, имела право осуществлять судебные функции над своими людьми, пользовалась свободой при избрании на духовные должности.

В свою очередь, у православной России также в активе многие традиции не только толерантного сосуществования, но и поддержки иноплеменного и иноверного населения. В выступлении Президента РФ Д.А. Медведева на заседании Госсовета в Уфе в 2011 году была подчеркнута необходимость консолидации, что усилило бы обеспечение традиционного межрелигиозного согласия: «Важнейшую роль в укреплении межнационального согласия имеют религиозные конфессии. Я недавно проводил встречу с участниками Архиерейского собора Русской православной церкви, где обсуждался этот вопрос. Сегодня посетил одну из старейших действующих мечетей в России, разговаривал и с мусульманскими священнослужителями. Я знаю, как много усилий прилагают религиозные организации для поддержания межнационального мира, потому что они понимают, что без такового духовное общение становится невозможным, это путь в никуда, достаточно посмотреть на опыт целого ряда государств, где из-за межрелигиозной розни непрерывно льется кровь»¹.

В частности, мировой опыт показывает, что в многоконфессиональных государствах, где сосуществуют различные религиозные течения, проблема равенства их возможностей, равноправного диалога является наиболее острой. Несмотря на то, что каждая из религий и учений утверждает свой абсолют и отвергает истинность других учений, доктринальные противоречия не всегда имеют своим следствием конфликт. Более того, «религиозный изоляционизм» и конфликт как результат «столкновения религий» в России находится на самой периферии общественного сознания, что еще раз свидетельствует об уникальном историческом опыте толерантности в России. И полная толерантность вплоть до единения, и абсолютная нетерпимость в сфере межрелигиозных взаимоотношений не представляются значимыми. Доминирующим является представление о конструктивном диалоге различных религий. Это формирует этноконфессиональное многообразие России, понимаемое как сосуществование различных религиозно-культурных традиций в одном

¹ Выступление Президента РФ Д.А. Медведева на Заседании Президиума Госсовета о мерах по укреплению межнационального согласия. Уфа. 11.02.2011 // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://президент.рф>

историческом пространстве, а также свободное взаимодействие и передвижение религиозных представлений и идей¹.

¹ Актуальное прошлое — Об этноконфессиональном многообразии в истории России. URL: <http://shperk.ru/friends/2009/07/aktualnoe-proshloe-ob-etnokonfessionalnom-mnogoobrazii-v-istorii-rossu>

ТЕМА 7

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СВОБОДЕ СОВЕСТИ В ИСТОРИИ МИРОВОЙ ПРАВОВОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ МЫСЛИ. СВЯЗЬ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О СВОБОДЕ СОВЕСТИ С ЦИВИЛИЗАЦИОННЫМИ ОСОБЕННОСТЯМИ РАЗЛИЧНЫХ ГОСУДАРСТВ

7.1. Принцип свободы совести

Особое место в религиоведении занимает теоретическое осмысление проблемы свободы совести и практической реализации этого права. Одним из наиболее дискуссионных вопросов в этой связи остается вопрос определения понятия свободы совести, его специфики и взаимосвязи с широким спектром общественных отношений. Это связано с тем, что проблемы вероисповедания оказываются тесно переплетенными с мировоззренческими и идеологическими, правовыми и нравственными, гносеологическими и аксиологическими аспектами. Поэтому так и не сложилось единого мнения о том, как определять понятие свободы совести. Недостаточно обоснованные методологические подходы к анализу понятия свободы совести зачастую приводят к сужению объема понятия, к расплывчатому его определению. При этом часто наблюдается недооценка роли и значения человеческого фактора, мировоззренческих оснований понятия, абсолютизируются роль и значение правового его аспекта.

Необходимость теоретического анализа проблем свободы совести объясняется также и тем, что в российской религиоведческой и юридической литературе прошлых десятилетий основное внимание уделялось политическим, правовым и идеологическим проблемам свободы совести, а мировоззренческие, нравственные проблемы не получали должного освещения из-за отсутствия соответствующего социального заказа. В результате чрезмерной политизации и идеологизации проблем свободы совести сложилась некоторая неопределенность в толковании понятия, его мировоззренческих оснований, специфики и сущности. Философское осмысление понятия свободы совести подменялось декларативным лозунгом, цитатой или статьей действующей конституции. Сегодня в общественном сознании происходит процесс отказа от ложных стереотипов и представлений, возрастает общественная потребность в исторической правде, в объективной информации.

Процессы, связанные с религией как в современном мире, так и в современной постсоветской России, очень сложны, динамичны и противоречивы. Отношение личности к религии во многом определяется уровнем социального и культурного развития общества. Прежде всего, мерой утверждения в обществе свободы совести. Свобода совести и вероисповедания является одним из важнейших прав граждан нашего государства. Исторический анализ становления и развития представлений о свободе совести свидетельствует о том, что в основе этого понятия лежит выбор личностью своего отношения к религии и атеизму с учетом

взаимосвязи демократических прав и свобод, функционирующих в данном обществе, и реальным правом личности самой определять свое отношение к вероисповеданию.

Понятие свободы совести

Понятие совести как ответственности человека за свои дела перед людьми и самим собой в Древней Греции появилось довольно рано, уже Демокрит писал о необходимости соблюдения справедливости для того, чтобы человек не находился в состоянии постоянного самоосуждения. Понимание совести в античном мире было связано в значительной мере с демократической формой правления в полисах: участие граждан в жизни полиса вело к осознанию личной ответственности за его судьбу. Для Аристотеля, например, совесть - это "правильный суд доброго человека".

Воспитание справедливости, доброты, в более широком смысле - гуманности уже предполагает терпимое отношение к убеждениям других. Личность обладала относительной свободой выбора в решении вопроса: что является для судеб полиса благодетельным, а что - губительным. Это являлось одним из факторов возрастания свободы мнений. Наиболее смелые мыслители выступали за осуществление права высказывать свои взгляды, не согласуя их с общепринятыми авторитетами. Цицерон в трактате "О природе богов" дает пример свободного обсуждения проблемы богов сторонниками различных философских направлений. Он полагает, что при обсуждении надо придавать значение скорее силе доказательств, чем авторитету, и осуждает тех, кто перестает сам рассуждать и считает бесспорными только суждения того лица, которое почитает.

Государственная правовая система Древней Греции способствовала появлению новых традиций, связанных с культом цивилизованности и государства. Вместе с тем сформированные традиции и обычаи охранялись государством от влияния новых воззрений, которые могли дестабилизировать сложившуюся общественную систему.

Тот, кто покидал свой дом, свою местность, а, следовательно, и своих богов, объявлялся нечестивцем, безбожником. А те, кто распространял новые учения о мире, подвергались преследованиям и гонениям. Такая участь постигла известных античных философов - Протагора, Диагора Милосского, Анаксимена, Анаксагора, Сократа и др. Платон считал, что лица, нарушающие традиции и устои государства, должны подвергаться преследованиям, что законы государства должны охранять государственную религию, формирующую единомыслие у граждан.

Позднее, по свидетельству Гая Транквилла Светония, император Клавдий (10 до н.э. - 54 н.э.) "иудеев, постоянно волнуемых Хрестом, изгнал из Рима", а, император Тиберий "чужеземные священнодействия и в особенности египетские и иудейские обряды запретил".

Подобная практика отношения римских правителей к различным религиозным культам, по-видимому, объясняется тем, что в условиях развития антиримских выступлений национальные религии часто выступали в качестве идейной платформы для объединения разрозненных сил. В

зависимости от складывающейся социально-политической ситуации отношение римских властей к культам покоренных народов носило избирательный характер.

Космополитизм раннего христианства, непризнание божественности императора, обращение к униженным и угнетенным представляли определенную опасность для императорской власти, что и повлекло политику запретов и гонений. Вопросы религиозной веротерпимости определялись текущей государственной политикой. Проблемы свободы религиозного выбора зависели от гражданского статуса и национальной принадлежности. Раннее христианство свои социальные представления связывало с идеями равенства всех перед Богом, с представлениями о праве всех на свободу и счастье, хотя бы в загробной жизни. Подобные представления резко диссонировали с обожествлением императора, воспринимались как определенная угроза государству.

В условиях сосуществования с различными восточными культами, при наличии государственной религии Рима, христиане не следовали иудейской традиции исключительности собственного вероучения, подчеркивали свою приверженность принципам веротерпимости древнего мира. В этой связи Тертуллиан утверждал: "...каждый поклоняется тому, чему хочет. Религия одного человека ни вредна, ни полезна для другого. Но не свойственно одной религии делать насилие над другой. Религия должна быть приемлема по убеждению, а не насилию".

7.2. Развитие представлений о свободе совести у древних народов

Через все многообразие мифов народов древнего мира просматривается идея о божественном происхождении существующих в обществе порядков как составной части мирового космического порядка. В этой связи несоблюдение отдельными лицами обрядов и традиций расценивалось как посягательство на нарушение небесной и земной гармонии.

Низкий уровень материального производства первобытного общества, ограниченность общественных отношений родоплеменными связями, процесс классовой дифференциации, приведший к образованию древних государств, – все это наложило особый отпечаток на содержание господствовавших религиозно-мифологических представлений того времени. Основу этих представлений составлял обобщенный родоплеменной и индивидуальный опыт.

Характерной особенностью верований древних была система религиозных представлений, включающая несколько уровней верований в рамках иерархической структуры сообразно степени древности, сложности и распространенности. В такой системе пережитки раннерелигиозных форм сохранялись в виде суеверий. Более того, трансформировавшись подчас до неузнаваемости, многие элементы раннерелигиозного комплекса вошли в качестве органичных и структурно весьма существенных слагаемых в новые системы. Так, в Древнем Египте, наряду с общепризнанными богами: Нут –

богиней неба, Нуном – богом первозданного океана, Ху – богом творческого слова, Маат – богиней мирового порядка, почитались и местные боги. Человек, покидавший свой дом, свою местность и своих богов, объявлялся нечестивцем. Статус того или иного божества зависел от социально-политического состояния племени: если племя овладевало новой территорией, то боги завоевателей становились главными, а боги побежденного племени второстепенными. Всевластие вождей способствовало широкому распространению убеждений в божественном происхождении царской власти, в том, что монарх – «богочеловек», он близок к миру богов и выполняет миссию посредника между богами и людьми.

Памятники письменности Древнего Египта свидетельствуют о том, что уже в те времена идейная оппозиция религиозно-мифологическим традициям проявлялась в «виде сомнения в существование загробного мира или в действительности религиозных обрядов»³. Так, в «Текстах пирамид» говорится о попытке восстания людей против верховного бога Атума, о жестоком подавлении этого восстания богиней Око Хор. Дошедшая до нас из глубины веков «Песнь арфиста» воспринималась древнеегипетскими жрецами не только как выражение сомнения в существование загробной жизни, но и как призыв к мятежу против религии и жречества.

Противодействие религиозно-мифологическим традициям в государствах древнего мира обуславливалось не только социальными, но и гносеологическими причинами: противоречиями между верой в сверхъестественное и чувственно-конкретными представлениями индивида, полученными в практическом опыте. Практическая деятельность требует соответствующего рационального осмысления; она ориентирована на выявление причинных связей между событиями, на постановку проблемы и поиск реальных путей ее разрешения. В противоположность такому подходу религиозно-мифологическая парадигма оценивает ситуацию исключительно по аналогии с предшествующим опытом. Абсолютизируя его, мифологические представления закрепляют сложившееся положение вещей, стабилизируют социальную организацию, но и делают ее немобильной, застойной. Государство и религиозные (идеологические) организации оказываются тесно связанными, поддерживая друг друга. Разочарование в традиционных религиях приводит в этом случае к потере авторитета царской власти, как правило, обожествленной. Таким образом, уже в древнем государстве формируется потребность насильственного утверждения государственной религии. Так, например, в Древнем Египте приблизительно в 1300–1200 гг. до н.э. культ бога Амона приобрел статус государственной религии. Через все многообразие мифов народов древнего мира просматривается сквозная идея о божественном гаранте существующих в обществе порядков. У древних египтян таким хранителем мира была богиня Маат, у древних индоариев – богиня Рита, в Древней Греции – Дике, в Древнем Китае верховным правителем неба объявлялся Белый Дракон – Байлун и т.д. Так постепенно складывалась идея естественного

божественного права, согласно которой земной правопорядок является составной частью мирового космического порядка. В этой связи несоблюдение отдельными лицами обрядов и традиций рассматривалось как посягательство на нарушение небесной и земной гармонии. Таким образом, идея взаимосвязи религиозной и государственной власти получала свое завершение.

В последующем развиваются представления о приоритетности государственной власти. Однако следует отметить, что официальные религиозные доктрины древних государств, как правило, не претендовали на свою исключительность и не отвергали религиозных представлений других народов. Важнейшей причиной религиозной терпимости, преобладающей в древнем мире, было единое для всех народов обожествление природы, способствовавшее развитию политеизма. Так, в культовой рукописи племени майя упоминаются имена 166 богов, 30 из которых объявлялись основными, в Древней Греции – 22 божества почитались как наиболее важные и т.д. Наличие многобожия создавало благоприятные условия не только для утверждения идей религиозной терпимости к другим культам, но и для утверждения значимости человека в мире, что нашло свое выражение в культе героев. Однако же культ героев, как и обожествление правителей, вел к противопоставлению их обычным людям: значим был не сам человек, а его отношение к власти – божественной или государственной.

Одновременно с формированием религиозных идей возникали идеи свободомыслия и атеизма – два течения духовно-практического опыта освоения действительности человечеством. Эта традиция вылилась в ткань культуры и в дальнейшем получила логическое развитие в монотеистических религиях, атеистических учениях и в свободомыслии.

Зачатки свободомыслия и атеистических воззрений появились в Древней Элладе. Уже первые философские материалистические школы Древней Греции за первооснову всего сущего принимали не божественные силы, а материальные субстанции, которые рассматривались на уровне наивно-материалистических и наивно-диалектических представлений. Демокрит (ок. 460–370 гг. до н.э.), отвергая представления о существовании богов, утверждал, что они порождены страхом перед непонятными явлениями природы, провозглашал право мысли на независимость суждений от религиозного мировоззрения, противопоставлял религиозной фатальности закон причинности. Последователь Демокрита – Эпикур (341–270 гг. до н.э.) считал, что если боги и существуют, то только среди пустот, образующихся между звездами, в земные же дела боги не вмешиваются. С последовательно материалистических позиций Эпикур рассматривал соотношение свободы воли и необходимости, противопоставляя религиозно-мифологическим представлениям о нравственности гуманистическую этику. В условиях, когда в глазах афинских граждан поколебался авторитет государственной власти и получили распространение настроения индивидуализма, эпикурейское учение о личном самосовершенствовании, о наслаждении как отрицании страдания, о необходимости познания законов природы было весьма

популярным. Древнегреческий философ Ксенофан (ок. 570 – после 478 г. до н.э.), критикуя антропоморфизм греческого пантеона богов, которому он противопоставлял некое единое мировое божество, выдвинул идею о том, что именно люди создали богов по своему образу и подобию.

Античное искусство также затрагивало проблему богов и вносило свой вклад в развитие греческого свободомыслия. Афинский драматург Еврипид (ок. 480–406 до н. э.) в ряде трагедий, Критий (V в. до н.э.) в трагедии «Сизиф», а Евгемер (IV в. до н.э.) в произведении «Священная хроника» практически не оставляли места для богов в повседневной жизни, подчеркивали мысль, что люди создали богов по своему образу и подобию либо в результате обожествления древних правителей. Идея антропоморфного генезиса представлений о богах была широко распространена в античной материалистической философии. Еще Ксенофан (VI в. до н.э.) считал, что люди измыслили богов по своему подобию и каждый народ наделяет богов своими собственными физическими чертами.

Следует отметить, что понятие свободы совести как ответственности человека за свои дела перед людьми и самим собой в Древней Греции появилось довольно рано. Так, уже Демокрит писал о необходимости соблюдения справедливости для того, чтобы человек не находился в состоянии постоянного самоотчуждения. Для Аристотеля (384–322 до н.э.) совесть – это «правильный суд доброго человека»⁴. Понимание совести в античном мире было связано в значительной мере с демократической формой правления в полисах: участие граждан в жизни полиса вело к осознанию личной ответственности за его судьбу. Все это способствовало возрастанию свободы мнений.

Вместе с тем любая критика религии и мифологических представлений прямо или косвенно была направлена и против существующего строя. В античном обществе религиозно-мифологическая идеология рассматривалась не как личное дело граждан, а как дело общественное. Поэтому за соблюдением религиозно-мифологических традиций следило государство. Софисты, последователи Протагора, говоря о сущности античной демократии, отмечали, что каждая власть санкционирует те права, ту справедливость, которая для нее полезна. А такие представители софистики, как Антифонт, Алкидам, Ликофрон, заложили представления об идеях естественного права, естественного состояния, об идее общественного договора, следовавших из их учения о релятивистском характере идей и искусственном, а не божественном происхождении законов, правовых и нравственных норм. Представители стоицизма обосновали учение о единстве свободы и необходимости в поведении мудрецов.

Свой вклад в развитие представлений о характере власти и существующих законов внесли представители кинической философии. Исходя из своего понимания антитезы «природа – закон», киники провозгласили естественное равенство всех людей, невзирая на их социальное положение, пол, племенную принадлежность, религиозные взгляды. Такой подход свидетельствует, что проблемы мировоззренческой

свободы, связанные с требованиями социальной свободы, имеют прямое отношение к проблемам свободы совести.

Теории, разрушавшие основы религиозно-мифологических традиций, воспринимались крайне негативно со стороны «официальной идеологии», а их создатели подвергались гонениям и преследованиям. К тому же в обществе постоянно воспроизводилось негативное общественное мнение по отношению к любым проявлениям непочтительности по отношению к религиозным обрядам и традициям. Именно поэтому в Афинах в V в. до н.э. при полной свободе слова, свободе мысли, отсутствовали какие-либо права на религиозное свободомыслие и атеизм, а народное собрание города-полиса приняло решение предавать суду тех, кто распространяет новое учение о мире и не верит в богов. Более того, истории известны многочисленные факты, свидетельствующие о преследованиях за свободомыслие и атеизм. Именно по этой причине Протагор (ок. 480 – ок. 410 гг. до н. э.), усомнившийся в существовании богов, вынужден был бежать из Афин. По свидетельству Диогена Лаэртского, Анаксагора (ок. 500–428 гг. до н.э.) обвиняли в нечестии за то, что он назвал Солнце глыбой, огненной насквозь. Другой античный философ Сократ (ок. 470–399 гг. до н.э.), несмотря на то, что считал себя человеком, почитающим религиозные традиции, был обвинен в неуважении к богам. А так как это было весьма зыбким, то его обвинили также в развращении молодежи ложными идеями. Философские поиски Сократа в действительности были направлены на разумное объяснение природы человека, его нравственных идеалов, что подрывало традиционные формы верований. Как известно, Сократ был казнен.

От Платона (427–347 гг. до н.э.) идет традиция теоретического обоснования необходимости наказаний тех, кто не признает веры в богов или в Бога. Людей, заблуждающихся по поводу богов, надо, по Платону, подвергнуть наказаниям. Отрицание богов так или иначе рассматривается как государственное преступление. Сам Платон, будучи защитником господствующей религии, собирался усовершенствовать ее, считая ознакомление молодежи с наиболее одиозными религиозными мифами делом вредным. Атеизм же, с его точки зрения, это социально-политическое зло, ведущее к смуте, это гносеологический изъян, поскольку неверие основывается на субъективно-индивидуалистическом, релятивистском подходе к религии, наконец, это – нравственный порок. Удел атеистов – тюрьма или насильственная смерть.

Противоположная трактовка свободомыслия и атеизма давалась с позиций античного материализма. Наиболее выразительным представителем этого направления был уже упомянутый Тит Лукреций Кар (ок. 99–55 до н.э.), римский философ и поэт I в. до н.э. В его поэме «О природе вещей» нет размышлений о сущности, причинах и роли атеизма, хотя он отстаивает и философски обосновывает именно атеистический взгляд на мир и на религию. Лукреций считает религию нечестивой и преступной, безнравственной уже в силу того, что она порождена вымыслом, обманом; религия пагубно влияет на психику людей, вызывая страх перед смертью. Но

в поэме ясно обозначены достоинства позиции, отвергающей традиционную религию. Преодоление религии сулит победу над смертью, проникновение в сущность природы и внутреннего мира человека, знание и просвещение. Атеистическая убежденность позволила Лукрецию свободно и легко подняться мыслью в мир, не знающий пределов и границ, мир, осознание бесконечности и естественности которого составляет основу для столь же бесконечного и естественного духовного совершенствования человека. Сам Лукреций испытывает ощущение духовного взлета, ставя перед собой задачу освобождения людей от власти суеверий. Эпикур для Лукреция – идеал, великий эллин, который впервые осмелился выступить против религии.

Первым издателем и редактором поэмы Лукреция был Цицерон, превосходно знавший эпикурейское учение и достаточно объективно изложивший его в сочинении «О природе богов». Беседу о богах ведут три философа: эпикуреец Веллей, академик Котта и стоик Бальб. И хотя симпатии Цицерона на стороне Котты, аргументы Веллея представляются в большинстве случаев весьма убедительными. Более того, в ряде мест и в самом тоне и способе аргументации Веллея чувствуется солидарность Цицерона с критическими замечаниями и недоумениями эпикурейцев. Известно, что Цицерон различал суеверия, «закрывающие в себе пустой страх перед богами», и «религию, которая состоит в благочестивом поклонении богам». Но борьба атеистов за освобождение от суеверий у Цицерона возражений не вызывает. Диапазон свободомыслия по отношению к религии в трактатах Цицерона достаточно широк. Философ полагает, что при обсуждении надо придавать значение скорее силе доказательств, чем авторитету, и осуждает тех, кто перестает сам рассуждать и считает бесспорными только суждения того лица, которое почитает⁵.

В целом правовая система Древней Греции способствовала появлению новых традиций, связанных с культом цивилизованности и государства. Вместе с тем сформированные традиции и обычаи охранялись государством от влияний новых воззрений, которые могли дестабилизировать сложившуюся общественную систему.

Следовательно, при всем своеобразии истории регионов древнего мира в духовной культуре населявших их народов содержались элементы богоборчества, скептицизма, безрелигиозного восприятия мира и человека. Наличие в древних государствах установок на обязательное соблюдение религиозных традиций и обрядов, с одной стороны, и скептическое отношение к ним и даже прямое отрицание их значения, – с другой, свидетельствуют о том, что уже на ранних этапах общественного развития сформировались различные подходы к религии, которые впоследствии были зафиксированы в понятиях свободы совести и вероисповедания.

7.3. Формирование представлений о религиозной свободе в Средние века

Процесс легализации христианства не был однозначным. Распространение христианства обоснованно рассматривалось римскими

властями как оппозиция государственному религиозному культу. Христианское вероучение воспринималось властями как безбожие, отрицание государственной власти. Однако христианская церковь, утвердившись в обществе, также стала использовать всю систему государственной власти для борьбы с инакомыслящими и различными оппозиционными ей мировоззренческими течениями. Христианская идеология утверждалась в борьбе не только со старыми идейными традициями, но и в борьбе с раннехристианскими представлениями низших слоев общества, с ересями и утопиями. В этих новых условиях принцип религиозной исключительности стал важным инструментом для проведения в жизнь текущей социально-экономической политики.

Формирование в христианстве представления об его исключительности неразрывно связано с социально-экономическими и политическими событиями периода существования и распада Римской империи. Процесс становления христианства, его идеологии и культа, растянувшийся на многие века, особенно интенсивно осуществлялся с I по V вв. н.э. В упорной борьбе различных точек зрения в период христианской патристики складывались основные догматы вероучения, формулировалась литургия, обрядность, церковная структура и иерархия.

Начиная с I по III вв., мировое влияние Римской империи стало заметно ослабевать под ударами кочевых племен, народов завоеванных провинций, гражданских войн и многочисленных выступлений рабов. К этому времени практически все потенциальные возможности рабовладельческой общественно-экономической формации были исчерпаны. В римском обществе разворачиваются дестабилизирующие процессы, среди правящих классов распространяются упаднические и мистические настроения. В философских школах неоплатонизма, неопифагоризма основное внимание уделяется процессу переосмысления античного свободомыслия, особое внимание уделяется гностицизму и мистицизму. Однако элитарные философские концепции, удовлетворяющие интеллектуалов, не могли стать всеобщей идеологией. Формирование и укрепление централизованной императорской власти требовало идеологического обеспечения, новых форм государственной религии. Следовательно, необходимо было нейтрализовать либо искоренить существующие в народе языческие культы, предложив нечто новое, способное консолидировать все слои империи, все народы, ее населяющие.

Покоренные Римом народы в борьбе за национальную независимость выдвигали не только политические требования, но и требования чисто религиозного характера, которые часто являлись причиной вооруженных выступлений против Рима. Переплетение проблем религиозных и политических привело к тому, что начиная со II в. до н.э. в Римской империи стала развиваться практика, не имеющая ничего общего с традиционной веротерпимостью по отношению к культам и обрядам, не получившим государственного признания.

Так, В 139 г. до н.э. был принят указ об изгнании из Рима иудеев и халдеев, осуществление которого на практике сопровождалось вспышками насилий на почве религиозной нетерпимости. В 59–49 гг. до н.э. появился указ и ряд постановлений, запрещающих культ богини Исиды. Римские власти практически не отделяли раннехристианские общины от иудейских. Именно поэтому в конце принципата императора Клавдия между 49–51 гг. н.э. из Рима были изгнаны как те, так и другие.

Раннее христианство свои социальные представления связывало с идеями равенства всех перед богом, с представлениями о праве всех на свободу и счастье хотя бы в загробной жизни. Эти идеи были созвучны мечтаниям рабов и неимущих свободных граждан. Их обращение в христианство приводило к столкновению с государственными властями, порождало многочисленные преследования и гонения. Все это вместе взятое говорит о том, что социальная ориентация раннего христианства, выполняющего нередко роль политической оппозиции, рассматривалась как определенная угроза государственной структуре. Поэтому власти принимали меры по защите строя и его идеологии. По мере распространения христианства и роста оппозиционных настроений религиозная нетерпимость в отношении христиан принимала все большие масштабы.

Распространению христианства в Римской империи способствовало и то, что со стороны традиционных верований отсутствовала серьезная конкуренция. С одной стороны, как уже отмечалось, философия была уделом интеллектуальной элиты, а с другой – традиционная религия постепенно скатывалась к формальной обрядности и суевериям, не удовлетворяя духовные потребности значительных масс населения: боги утрачивали свою сакральность, становясь предметом насмешек и сатиры. Лукиан (ок. 120 – ок. 180 гг.) в своих сатирических произведениях «Разговоры богов», «Зевс уличающий» и других делает мифологический сюжет предметом бытовой интимной беседы богов. Однако предметом сатиры Лукиана была не только традиционная религия, но и появившиеся новые суеверия, в том числе и христианство. В произведениях «Александр, или Лжепророк», «О кончине Перегринна» раннехристианские пророки предстают как невежды и обманщики. Им Лукиан противопоставляет учение Эпикура как единственного человека, знавшего истину о природе и человеке. Современник Лукиана – Авл Корнелий Цельс (II в.) в своих произведениях, в частности в «Правдивом слове», утверждал то, что только глупое и невежественное сознание может поддаться на христианскую ересь. Здесь прослеживается и тенденция компрометации нового религиозного течения и неприятия, по крайней мере, в течение первых двух веков, христианского учения римскими властями.

Как известно, процесс легализации христианства был неоднозначным, со взлетами и падениями, но в силу объективных закономерностей распространение и признание христианства были предопределены. Сначала император Галерий в 311 г., а затем император Константин в 313 г. издали указы, легализующие деятельность христианских общин и уравнивающие

христианство в правах с государственными культами. В результате христианство сделало качественно новый шаг в своем развитии: от состояния сектантской замкнутости – к статусу государственной религии; так складывались благоприятные условия для его социально-экономического и политического утверждения. По мере же укрепления положения христианства терпимое отношение к другим культам сменяется нетерпимостью, опирающейся на представления о собственной профетической исключительности. Последнее нашло отображение в раннехристианской патристике, в частности в социальной доктрине Августина (354–430 гг.), изложенной в его произведении «О граде Божьем». Раннехристианское учение о небесном граде и граде земном Августин представил как историю борьбы двух градов «божьего» и «человеческого», заложив тем самым основу теологического детерминизма. Обосновывая свою концепцию, Августин ссылаясь на философско-религиозные концепции Плотина (III в.), Прокла (IV в.), перерабатывая и приспособляя их для нужд христианства.

Совершенствование христианской идеологии осуществлялось одновременно с совершенствованием церковной структуры и централизацией власти внутри христианских объединений. Союз между рабовладельческим государством и христианской церковью официально был закреплен I Никейским собором в 325 г. Христианская церковь была провозглашена государственной религией Римской империи. Новый социальный статус христианской церкви позволил ей использовать всю систему государственной власти для борьбы с инакомыслящими и различными оппозиционными ей мировоззренческими течениями. Ее идеология утверждалась не только в борьбе со старыми идеологическими традициями, но и в борьбе с раннехристианскими представлениями низших слоев, с эгалитарными ересями и утопиями. В этих новых условиях принцип религиозной исключительности стал важным инструментом для проведения в жизнь текущей социально-экономической политики.

От имени христианской церкви было развернуто преследование сторонников поздней античной философии, представителей свободомыслия и атеизма, носителей античной культуры, а также адептов еретических течений внутри христианства, за которыми угадывались оппозиционные настроения. Так, эпикурейский материализм был объявлен аморальным учением, а один из его величайших представителей – Лукреций – сумасшедшим. В 391–392 гг. император Феодосий I издает эдикты, запрещающие исповедание языческих культов. При Феодосии I учреждается репрессивный институт для выявления и борьбы с еретиками и язычниками. Халкидонский собор 451 года окончательно закрепляет положение христианства в качестве государственной религии. Все другие религии объявляются неудобными и еретическими. Для любого иноземного богопочитания полагалось специальное разрешение. В 529 г. по приказу императора Юстиниана были закрыты все философские школы в Афинах. Последний оплот язычества, связанный с культом богини Исида на острове Филе (Египет), был

ликвидирован в административном порядке в 535 г. при императоре Юстиниане. Таким образом, учение Августина о том, что все, не соответствующее христианскому вероучению, является аморальным, безнравственным, сатанинским, призывало, по сути, власти карать не только за зло, но и за ложную веру, обосновывало идеологически принцип религиозной исключительности христианства.

Процесс централизации церковной власти развивался неоднозначно, неоднообразно, по восходящей линии. Здесь наблюдается сложная картина борьбы различных сил. Римские епископы, объявившие себя наследниками апостола Петра, последовательно стремились ограничить влияние пап на епископаты. В конце IX – начале X вв. наблюдается период ослабления папской власти и усиления власти епископов. Сфера влияния последних распространялась на крупные города. Но здесь уже возникали противоречия между самоуправляющимися городскими коммунами, с одной стороны, и епископальным патронажем – с другой. Эти противоречия выливались подчас в прямые столкновения, в которых города становились нередко победителями, добиваясь ограниченной самостоятельности.

В начале XI и особенно в XII в. вновь укрепляется папская власть, что соответствовало интересам в первую очередь монастырей, количество которых резко возрастает в это время. Начиная с XII в., христианская церковь стала получать многочисленные привилегии со стороны светских властей, всё более погружаясь в мирские заботы об обогащении. В широких народных массах стало утверждаться представление о том, что католическая церковь является таким же феодалом, как и светские правители.

Насколько глубоко политика религиозной исключительности переплеталась с экономическими проблемами, свидетельствуют средневековые документы. Так, император Фридрих II в 1220 г. в документе «Привилегии князьям церкви» подчеркивал, что светский меч создан в помощь мечу духовному. Отлучение от церкви влечет за собой утрату всех прав и должностей. Наследство церковных князей по этому документу передавалось только их наследникам и церкви; на него не могли претендовать светские правители. Городам категорически запрещалось принимать беглых крепостных, принадлежащих христианской церкви. Права городских коммун и сообществ определялись в соответствии с интересами князей церкви. Данное постановление показывает, что противоречия, вызванные конкуренцией между светской властью и церковью, между городами и князьями церкви, оставались острыми. К этому следует добавить, что в это же время происходит социальное расслоение внутри клира, нарастают противоречия между интересами высшего и низшего духовенства, намечается стремление последнего искать себе союзника в народных массах.

Постепенно структура государственной системы управления Римской империи переносилась на организацию централизованной церковной власти, а классовые противоречия и противоречия, существовавшие между различными социальными группами в миру, находили свое отражение и продолжение в церковной жизни. При этом противоборство разворачивалось

уже не только в социальной, политической и экономической сфере, но и в сфере идеологической полемики, в рамках религиозного мировоззрения. Теократическим устремлениям католической церкви, религиозной исключительности противопоставлялись идеи зависимости церкви от государственной власти, религиозной веротерпимости, поиска «справедливой» религии.

В условиях развития феодальных общественных отношений существенное внимание уделялось тотальному воздействию христианской идеологии на формирование мировоззренческих представлений. Усиление влияния христианской церкви, теократических тенденций, а также благоприятные для церкви конкретно-исторические условия позволили ей организовать фронтальное наступление на конкурирующие религиозные концепции, включая и ставшие неудобными уравнивательные идеи раннего христианства. Но, несмотря на это, на всем протяжении средневековья христианство сопровождали ереси как оппозиция официальной доктрине. В основе еретических движений средневековья лежали классовые антагонизмы и связанные с ними социально-политические течения. Свой отпечаток на средневековые ереси наложил противоречивый и зигзагообразный процесс становления и развития христианской идеологии и вероучения в целом. В зависимости от конкретно-исторической ситуации ереси были представлены то в виде мистических учений и поисков «лучшей» религии, то в виде идеализации раннего христианства, то в форме радикальных, оппозиционных феодализму социально-политических движений. В рамках христианства практически всегда существовали течения, противостоявшие доктринальному официозу и составлявшие пеструю картину противоборствующих точек зрения, направлений и школ. Эта плюралистическая тенденция проявляется достаточно очевидно уже с первых веков нашей эры. Можно только удивляться тому, с какой гибкостью лавировала христианская церковь среди многочисленных новаций и идеологических тупиков, как взвешенно и осторожно воспринимались теоретические взгляды отцов церкви и как решительно и бесповоротно отвергались любые идеи, не способствующие укреплению церкви.

Основой для возникновения различных ересей и толков в христианстве чаще всего служила Библия. Так, отсутствие единого мнения о том, какие книги Библия считает божественными, а какие нет, явилось одним из основных раздоров внутри христианства между католической и православной церквями. Свободное истолкование библейских текстов в эпоху Средневековья было запрещено, только церковь владела всей полнотой этого провозглашения истины, только через церковь и ее священнослужителей библейская истина могла достичь сознания верующего человека.

Заметную роль в развитии оппозиционно-еретического направления сыграло учение Иохима Флорского (ок. 1132–1202 гг.), который разработал историософскую концепцию в духе хилиазма и мессианства. Рассматривая три стадии человеческого общества, он утверждал, что заключительная

стадия должна наступить в 1260 г., когда почитание бога станет совершенно свободным, не предписанным никакими властями и никакими документами. В его учении предпринимается попытка обосновать требование свободного отношения к религиозному мировоззрению, требование религиозной свободы, противостоящее религиозной исключительности. Представления Иохима Флорского получили распространение среди крестьянско-плебейской оппозиции, а его последователи, объединенные в еретическую секту, стали называться иоахимиты.

Иоанн Скотт Эриугена (ок. 810–877 гг.), средневековый философ, решительно настаивал на примате разума перед авторитетом религиозного предания. Его главное сочинение «О разделении природы» содержит пантеистические идеи, в которых Бог и мир предстают в едином понятии сущего, или природы. В отличие от Августина Эриугена воспринимает Бога не как личность, описываемую по аналогии с человеческой личностью, но как присутствующее во всем и одновременно запредельное бытие, не поддающееся предметному постижению. Эти пантеистические настроения были чужды эпохе, и лишь в XIII веке их подхватывают еретические мыслители, преследуемые церковью.

Призыв к свободному рациональному поиску истины подхватил и развил Пьер Абеляр (1079–1142 гг.) – французский философ, теолог и поэт. Он отстаивал тезис о том, что Священное Писание, равно как и церковные таинства, не подлежат разумному осмыслению, однако авторитет церковного предания и догматики должен быть удостоверен разумом. Логический анализ догматических положений христианства в сочинениях Абеляра в ряде случаев расходился с официальным прочтением. Теологические сочинения Абеляра дважды осуждались на Соборах католической церкви (1121 и 1140 гг.).

В X–XI вв. в Северной Италии, Южной Франции, Германии, Фландрии широкое распространение получило движение богомолы. В середине XII в. ученик П. Абеляра Арнольд Брешианский выступил с требованиями секуляризации церковного имущества, полагая, что ограничение материальных возможностей церкви благотворно скажется на утверждении принципов свободы вероисповедания. Он возглавил в Риме антипапское восстание, а его последователи создали еретическую секту арнольдистов. Аналогичным образом возникают еретические течения: вальденсов (конец XII в., по имени основателя Петра Вальда), амальрикан (по имени основателя магистра Парижского университета Амори Бенского, призывавшего создать царство божье на земле) и др.

Особое место в плеяде мыслителей-вольнодумцев средневековья занимает Роджер Бэкон (1214–1292 гг.), утверждавший, что христианство в своем ортодоксальном проявлении не может быть истиной для всех времен, ибо христианское учение – лишь отдельный исторический этап в развитии человечества. По его мнению, христианское учение в существующем виде служит только утверждению авторитета церкви. Альтернативой церковной

власти должна стать сильная государственная власть как необходимое условие для обеспечения индивидуальной свободы вероисповедания.

Определенный вклад в становление и развитие свободомыслия внесли и средневековые научно-культурные центры. Открытые в Оксфорде, Кембридже; Неаполе, Падуе, Тулузе, Париже и других городах Европы университеты вскоре становятся научными и культурными центрами, притягивают к себе свободололюбивые и прогрессивные силы того времени. Конец XII в. характеризуется расцветом поэзии трубадуров, вагантов, миннезингеров, появлением на городских площадях средневекового театра. Средневековому искусству не чужды были сатира, бунтарский дух, антиклерикальные настроения, языческие традиции. |

Христианская церковь занимала весьма жесткую позицию по отношению к любым идеям и представлениям, подрывающим ее социально-политический статус, используя и методы психологического давления, и государственное преследование, доходя до прямого физического уничтожения противников. Куда сложнее было справиться с массовыми еретическими движениями, отражающими социально-экономические противоречия эпохи. В этих движениях популярны были идеи раннего христианства, концепция обмана, согласно которой истинная религия была сокрыта священниками. Здесь же выдвигались требования о восстановлении равенства между членами религиозной общины, о признании этого равенства в качестве нормы гражданских отношений.

С конца XII в. еретические движения распространяются особенно широко, охватывая народные массы. Кроме перечисленных выше еретических движений XI–XIII вв. были такие, как движение катаров, ломбардских бедняков, апостоликов, фратичеллей и др. Несколько позже, в XIV–XV вв., появляются движения гуситов в Чехии, лоллардов в Англии и др. В них в форме исповедания идеалов раннего христианства выражались социальный протест и антиклерикальные настроения. Вожди этих течений, противопоставляя духовное начало телесному и утверждая примат духовного, делали вывод о том, что церковь является составной частью материального мира, следовательно, является дьявольским началом. Более радикальные течения выступали с требованиями религиозно-нравственного обновления, церковной секуляризации и религиозной свободы, отвергали Ветхий завет, крест как символ веры.

В условиях все большего нарастания антицерковных настроений католический клир предпринимает репрессивные меры против еретических движений, любых попыток принизить статус церкви в обществе. Римско-католическая церковь не ограничивалась только постановлениями соборов, она, используя всю мощь государственно-репрессивной машины, жестоко подавляла еретические движения, охватывающие различные социальные слои населения. В арсенал средств католической церкви для борьбы с инакомыслием и еретическими движениями включаются крестовые походы, инквизиция. Так, начиная с 1209 г., ряд крестовых походов был предпринят против альбигойской ереси, широко распространенной в Южной Франции. В

1306–1307 гг. был организован крестовый поход против апостоликов. Пять крестовых походов были предприняты против гуситов в 1420–1431 гг.

Таким образом, на рубеже XII–XIII вв. в недрах феодального общества вызревают и проявляются ростки новой эпохи, происходят изменения в социальной структуре средневекового общества. Заявляют о себе новые производительные силы и новые социальные слои – бюргерство, городской плебс, представители многочисленных ремесленных общин и цехов; стабилизируется положение юристов и купцов. Продолжает набирать силу процесс дифференциации дворянства и духовенства, нарастает волна антиклерикальных движений, идет процесс формирования негативного отношения к принципу религиозной исключительности в народных массах и процесс поиска мировоззренческой альтернативы христианской ортодоксии. В известной степени распространение идеалов свободы религиозной совести, идей антиклерикализма, секуляризма в сознании широких народных масс в эпоху Возрождения и Реформации было подготовлено средневековыми ересями, социально-экономическими противоречиями феодального общества.

7.4. Проблемы свободы религиозной совести в эпоху Возрождения и Реформации

Выход на историческую арену новых производительных сил и утверждение в социальной структуре нового класса – буржуазии сопровождалось острой идеологической борьбой между противоборствующими социальными силами. В условиях, когда средоточием консервативных сил выступала официальная церковь, лозунг свободы религиозной совести представлял собой едва ли не основную предпосылку в борьбе за социальные и политические права нового класса – буржуазии, был направлен на ограничение власти церкви и на приспособление господствующего в обществе религиозного мировоззрения интересам «третьего сословия».

Развитие производства и науки сопровождалось утверждением социальной значимости буржуазной интеллигенции: юристов, врачей, педагогов, художников, скульпторов, что, в свою очередь, также ограничивало сферу влияния католической церкви. Деятельность этого слоя была направлена на утверждение идеалов светского гуманизма, на всестороннее развитие человеческой личности, на мировоззренческое обоснование идей свободы религиозной совести. Гуманисты Возрождения в противовес церковным канонам пассивно-созерцательного восприятия жизни обращались в поиске аргументов к культуре и философии античности, восстанавливали значимость практической деятельности. В их мировоззрении важную роль играл антропоцентристский принцип, отрицающий теоцентристскую картину мира и ставящий в центр бытия человека.

Центром Возрождения в период с XIV по XVI в. по праву считалась Италия. Одним из первых представителей Возрождения является Франческо Петрарка (1307–1374). Такие известные деятели эпохи Возрождения, как Джованни Боккаччо (1313–1375), Франсуа Рабле (1494–1553), Николай Кузанский (1401–1461), Джордано Бруно (1548–1600) и многие другие гуманисты также внесли существенный вклад в процесс изменения средневековой системы ценностей, поставив в центр бытия свободного человека во всей его реальности. Гуманисты эпохи Возрождения, исходя из ценности человеческой личности, противопоставили идею толерантности идее религиозной нетерпимости. Рассматривая человека в социальном плане, определяя его предназначение в мире, они отстаивали идею независимости мировоззренческих позиций личности от религиозных регламентации. Ценностями в эпоху Возрождения провозглашаются творчество, труд, нравственное совершенство, гражданская деятельность, гармония интересов личности и общества, просвещенность, образованность.

Стремление возвысить человека, показать его великие творческие возможности свойственно Ф. Петрарке (1304–1374), который в своих произведениях «Письма без адреса», «На римскую курию» высмеивал папский двор и духовенство, выступал с требованием права на свободу суждений, доказывая, что любовь человека к свободе является врожденным чувством. Его обостренный интерес к собственной личности постепенно преобразуется в интерес к другой личности, которая воспринимается как начало, духовно сложное и неисчерпаемое, исполненное достоинства, и цель которой – в ней самой. Человек – это свободный, активный создатель ценностей жизни, он может стать тем, кем пожелает.

Гуманисты предпочитают религиозной и национальной общности общность людей по культурным интересам. Поворот от традиционного теоцентризма к антропоцентризму не означал игнорирования нравственных принципов. В работах деятелей Возрождения Л. Бруни (1370 или 1374–1444), А. Ринуччини (1426–1499) заключены идеи гражданского гуманизма. В «Диалоге о свободе» Ринуччини в качестве высшей этической категории рассматривается свобода, возможность жить только по законам разума. Он выделил два аспекта свободы: социальную активность и свободомыслие – неограниченную ничем внешним умственную деятельность. Гражданский гуманизм основывался на признании равенства граждан, на служении обществу и государству и приходил в противоречие с католическим пониманием жизни.

Гуманисты Возрождения подвергли католическую церковь вместе со всеми ее институтами папской иерархией, монашеством, обрядами резкой критике. Л. Валла (1407–1475) в 1440 г. опубликовал историко-филологическое сочинение «Рассуждение о подложности Дарственной грамоты Константина». Л. Валла доказывал, что так называемый Константинов дар – грамота, якобы подписанная императором Константином в целях передачи власти в Римской империи папам, является фальшивкой.

П. Браччолини (1380–1459) и Дж. Бруно написали сочинения с одинаковым названием «Против лицемеров», где рассматривали поведение и нравственные черты монашества. Монахи – люди с притворным выражением лица, они несправедливы, бесчестны, лживы, безжалостны, бесчеловечны и т.д. – таковы оценки Браччолини. Дж. Бруно выступил не только против духовенства и папы, но и за секуляризацию монастырского имущества, против экономического господства католической церкви. Покушение на экономические привилегии церкви не было прощено Бруно: обвиненный в ереси, он был сожжен в Риме в 1600 г.

В эпоху Возрождения подверглась критике прежде всего схоластика, в которой мыслители видели авторитарную догматическую систему. Авторитет Аристотеля, в течение нескольких веков господствовавший в католической теологии, был подвергнут критике, вместо Аристотеля философы выдвигали на первый план другого мыслителя древности – Платона. В XV в. в Риме была основана Платоновская академия, члены которой вели борьбу против папства, намеревались объявить в Риме республику, а вместо традиционной религии установить философски осмысленное язычество.

Эразм Роттердамский, знаменитый немецкий гуманист, известный как критик католической схоластики, считал учение Христа бессильным в преодолении вражды и войн между людьми; оно не может убедить в благотворности мира тех, кто его (Христа) исповедует. Опираясь на натуралистический пантеизм, а также деистические представления, мыслители Возрождения подвергли критике идею бессмертия души. Врач, пантеист по своим философским убеждениям, Дж. Ванини (1585–1619), сожженный церковью, доказывал положение о смертности души: люди и животные схожи в своих восприятиях, формировании, рождении, питании, росте, строении и смерти, и если душа умирает вместе с животным, она должна умереть и вместе с человеком. Еще никто не возвращался из царства мертвых, но если бы душа была вечной. Бог бы вернул хотя бы одну из душ, чтобы осудить и опровергнуть атеизм. В трактате «О бессмертии души» П. Помпонацци (1462–1525) выставил возражения против обоснования идеи бессмертия души. Не будучи атеистом, он утверждает: признание смертности души не означает пренебрежения нравственностью.

Религиозно-утопические идеи раннего христианства и еретические учения возрождаются как социально-политические учения в новом качестве благодаря Т.Мору (1478–1535) и Т. Кампанелла (1568–1639). Т.Мор провозглашает право в обществе каждому следовать какой угодно религии, свободно ее пропагандировать и воздерживаться от оскорблений других религий. Т. Кампанелла мечтал о единстве и благоденствии человечества. Его утопия «Город Солнца» рисует идеальное общество, в котором отсутствует частная собственность, всеобщий труд гарантирует изобилие, но существует строгая регламентация быта, сохраняется религия, власть жрецов носит, по существу, теократический характер. За свое свободомыслие итальянский философ подвергся жестоким преследованиям инквизиции.

В эпоху Возрождения многие философы развивают идею человеческого происхождения религии. Ванини принимал теорию обмана, причинами же обмана считал корыстолюбие служителей религии, желание государей удержаться на троне и расширить владения. Он восстанавливает и учение древних, в частности Лукреция, о страхе и невежестве как источниках религии.

В этот период был поставлен и вопрос об эволюции религий. Итальянский политический мыслитель, философ и писатель Н. Макиавелли (1469–1527), полагавший, что религия сотворена человеком, утверждал, что религии сменяют друг друга, разрушая предшествующую им культуру. Он считал, что различные формы религиозных учений в течение последних 5–6 тысяч лет сменялись два-три раза. Когда возникает новая религия, ее первым делом для укрепления своей репутации является уничтожение старой. Признавая в религии опору общества, Н. Макиавелли искал возможности для установления новой, полезной для общества и государства религии: если религия ослабевает, надо менять ее формы.

Эволюция религий была предметом размышлений и Дж. Бруно. Он различал в развитии религии три эпохи: египетскую, являвшуюся культом природы, иудейскую, принявшую символы египетской за сверхъестественные существа, и христианскую, окончательно испортившую мифы о природе. Борясь против христианства, Дж. Бруно возвышал древнюю религию. Вслед за Дж. Бруно Дж. Ванини считал, что империи и религии тоже имеют свое начало и свой конец, но в отличие от Бруно он признает сущность всех религий одинаковой.

Светская культура Возрождения в целом противостояла феодализму и католицизму. Общечеловеческие ценности стали в некоей степени мерилom социальной жизни. Все это стимулировало теорию и практику антиклерикализма, активизировало требования секуляризации церкви, свободы вероисповедания. Если эпоха Возрождения теоретически подготовила и сформулировала эти требования, то Реформация развила их и во многом осуществила на практике.

Несмотря на то, что Возрождение как общеевропейское движение в социальном плане имело ограниченный характер распространения, его влияние на последующий ход исторического прогресса было неопределимым. И если представители Возрождения способствовали созданию теоретической основы антиклерикализма, секуляризации церкви, обоснованию требований свободы вероисповедания, то Реформация была практическим выражением всех этих идей и устремлений. В Германии предтечей Реформации был немецкий гуманизм в лице Р. Агриколы (1444–1485), Я. Вимпфелинга (1450–1528), К. Цельтиса (1459–1508), Г. Бебеля (1472–1518). Реформация – это логическое продолжение еретических движений раннего и среднего средневековья.

Принято связывать начало Реформации с появлением 31 октября 1517 г. 95 виттенбергских тезисов Мартина Лютера (1483–1546). В тезисах и последующих работах Лютера свобода совести христианина связывается им

с идеей вольной проповеди. Если убрать религиозную терминологию, то требование вольной проповеди окажется созвучным идее свободы слова, а требование Лютера свободы религиозных союзов весьма созвучно буржуазно-демократическому требованию свободы собраний. Особое место в работах Лютера отводилось требованию беспрепятственного распространения Священного писания. В буржуазно-демократической трактовке оно было развернуто как требование свободы печати.

Причина доминирующего значения лозунга свободы вероисповедания в период Реформации объясняется тем, что сугубо буржуазное требование свободы практической деятельности, основанной на частной собственности, в условиях господства религиозного мировоззрения получало идеологическое оформление в требовании свободы религиозной совести. Более того, социальные и классовые интересы, антиклерикальные традиции оказались как бы спрессованными в едином лозунге, понятном для всех социальных групп, – в требовании свободы религиозной совести, объединявшем их в борьбе с феодализмом.

В целом же следует признать, что обиходным и общепризнанным в рассматриваемый период, а также и позднее, остается религиозное понимание свободы совести как права исповедовать какой-то религиозный культ. На наш взгляд, религиозное толкование свободы совести объяснялось господством религиозного мировоззрения, которое предопределяло сведение лозунга свободы совести к свободе религиозной совести. С отделением церкви от государства происходил процесс секуляризации политических и правовых отношений, но не мировоззренческих основ. Эпоха Возрождения и Реформации, разрушая феодальные ценности, заложила основы гражданского видения мира, способствовала появлению нерелигиозного мировоззрения, освобождению личности от религиозных традиций. Не вызывает сомнения и тот факт, что идеи гуманистов Возрождения о праве личности на свободу убеждений получили дальнейшее развитие уже в Новое время. Но в мировоззренческом плане свобода совести рассматривалась как свобода религиозной совести.

Движение Реформации в социальном плане было чрезвычайно пестрым и разнородным. Требования наиболее влиятельных социальных групп этого движения заметно различались по своим целям и интересам. Так, бюргерская оппозиция ограничивалась чисто конституционными требованиями: ее антиклерикализм сводился к отмене особой юрисдикции для духовенства. Подобная позиция нашла впоследствии свое отражение практически во всех буржуазных революциях. Требования плебейской группировки были более радикальными. Они связывали борьбу за свободу религиозной совести с идеями борьбы за социальные преобразования. А так как и плебейская оппозиция была весьма неоднородной, то в случае преобладания в ней пролетарских элементов эти требования становились и более демократичными, более революционными.

Оценивая это крыло Реформации, следует указать на роль Т. Мюнцера (ок. 1490–1527) – вождя плебейской оппозиции. Мюнцер, выступая за

радикальные и глубокие перемены, призывал к объединению всех оппозиционных феодализму и церкви социальных сил независимо от их целей и политических требований. Обращаясь к авторитету Священного писания, к трудам Иоахима Флорского, он требовал установления «Царства Божия на земле», уничтожения любых форм угнетения. В отличие от идеологов бюргерской оппозиции, увязывающих требование свободы вероисповедания с требованием свободы предпринимательства, Мюнцер от требования равенства всех перед богом пришел к выводу о необходимости равенства всех на земле, то есть от идей раннего христианства подошел к идеям уравнительного коммунизма. Такой подход представлял собой попытку выйти за рамки всех существовавших тогда идеологий и обосновать положительный социальный идеал. Это была позиция, близкая взглядам Т. Мора и Т. Кампанеллы. Одновременно у Мюнцера формировались достаточно своеобразные представления о смысле свободы совести. Наряду со свободой религиозной совести, он считал, что человеку должна быть предоставлена свобода мировоззренческого выбора своего отношения к религии.

События показали, что понимание свободы совести Лютером и Мюнцером существенно различалось, отражая различные классовые интересы и социальные идеалы. Впоследствии это различие прослеживается в истории буржуазных революций как различие отношений к свободе совести буржуазии и угнетаемых масс. Практическая реализация линии Лютера по отношению к свободе совести привела к тому, что в Аугсбургском соглашении 1555г. свобода вероисповедания была сведена к конституированию бюргерской церкви, в которой упразднились пышные обряды и высокооплачиваемая церковная иерархия. Главой церкви объявлялся владетельный князь. Позиция религиозной исключительности и политика противопоставления друг другу верующих различных христианских течений – остались. В определенной мере подобная ситуация повторилась при утверждении автономии от Рима англиканской церкви.

У Мюнцера понятие веры выводилось за рамки религиозного иррационализма, рассматривалось в мировоззренческом аспекте как осознанное знание об окружающем мире. Опираясь на гуманистические традиции эпохи Возрождения, Мюнцер не ограничивался при провозглашении свободы вероисповедания только христианскими воззрениями, а распространял ее на все конфессии как общечеловеческую ценность. У Мюнцера в понимании проблем свободы вероисповедания предпочтение отдавалось человеческому достоинству, терпимости. По мнению Мюнцера, вера является не чем иным, как «пробуждением разума» в человеке и потому обладать верой могли и язычники». Таким образом, Мюнцер одним из первых политических и религиозных лидеров эпохи буржуазных революций в понимании проблем свободы вероисповедания толковал христианские представления в принципиально новом ключе. Его позиция преодолевала рамки собственно христианства и предвосхищала

появление буржуазно-демократического понимания свободы вероисповедания.

Процесс Возрождения и Реформации сменился периодом контрреформации и временного укрепления позиций католической церкви, ожесточенной деятельности инквизиции и религиозными войнами. Но исторические реалии были уже не в пользу принципа религиозной исключительности, характерной для периода феодальной замкнутости. Развитие общеевропейского и мирового рынка требовало замены идеологий, противопоставлявших один народ другим, политическими и правовыми доктринами, позволявшими им понимать друг друга, находить общий язык при решении совместных политических и экономических задач. Это было требование времени, которое не только отображалось в стихийном антиклерикальном и антифеодальном движении крестьянства и городского плебса, но и осознавалось дальновидными политиками, получая поддержку сверху. Например, по Нантскому эдикту 1598 г. господствующий во Франции католицизм предоставил гугенотам свободу вероисповедания и свободу богослужения, а также ряд политических прав. При этом, однако, подчеркивалось, что католицизм остается господствующей религией. Подобные эдикты действовали, как правило, недолго.

В решении проблем свободы совести в эпоху Возрождения и Реформации определились два существенно отличающихся друг от друга подхода. Первый характеризуется прогрессивной социально-политической направленностью, ориентацией на принципы гуманизма и является отражением интересов народных масс, наиболее последовательные представители которых стремились полностью освободиться от влияния церкви и религии. Второй, ограниченный, половинчатый в решении антиклерикальных проблем и проблем секуляризации, выражал интересы буржуазии, ее стремление подчинить себе церковь, а неполностью отказаться от нее. Однако общим для этих подходов было отрицание принципа религиозной исключительности и противопоставление ему принципа свободы религиозной совести, рассмотрение этих проблем не с религиозных позиций, а через призму социальных и экономических интересов, целевых политических задач. Уже это отношение свидетельствовало об историческом крахе церковного христианского мировоззрения.

7.5. Закрепление принципов свободы совести и вероисповедания в Новое время

Дальнейшее развитие представлений о свободе совести продолжалось в Новое время. Период с конца XVI до середины XVIII вв. характеризуется интенсивным утверждением в экономике, идеологии, политике большинства развитых государств Европы буржуазно-демократических идеалов и представлений. Идеологи буржуазии, обосновывая ее притязания на политическое и экономическое господство в обществе, опирались на правовые разработки, выражавшие и защищавшие интересы буржуазии. В

этих целях модернизировались концепции «правового государства», «естественного права», обосновывалась прогрессивность замены феодального общественного устройства буржуазным, рассматривались пути приспособления религии и церковной структуры к нормам и установка буржуазного государства. Законы буржуазного общества объявлялись «естественными», вечными и неизменными, вытекающими из природы вещей, общества и морали. Сущность и происхождение христианского мировоззрения объяснялись наличием в природе сверхъестественной божественной силы, а в природе человека – потребности верить в эту силу.

Исходя из такого статуса религии свобода религиозной совести получила свой секуляризированный статус как личное право и гражданская свобода каждого. Но под влиянием реакционных предрассудков буржуазных правоведов только атеизм исключался из перечня личных свобод и гражданского права. Однако логика жизни заставляет менять устаревшие стереотипы и уступать место новым прогрессивным идеям. Понимание свободы совести расширялось и углублялось вместе с прогрессивными преобразованиями в обществе.

Заметный вклад в развитие представлений о свободе совести внесли такие философы, как Б. Спиноза (1632–1677), Т. Гоббс (1588–1679), П. Бейль (1647–1706), К. Гельвеций (1715–1771), П. Гольбах (1723–1789), Ж. Ламетри (1709–1751) и многие другие представители французского Просвещения. Так, Дж. Толанд (1670–1722), английский философ-материалист, в своих произведениях «Племя левитов», «Христианство без тайн» не только показал никчемность духовенства для общества, но, рассматривая вопросы секуляризации, общественных отношений, высказал мысль, что атеизм значительно предпочтительнее суеверий и имеет бесспорные достоинства в системе общественных и мировоззренческих ценностей. Поэтому лозунг свободы совести в понимании Толанда относится не только к верующим, но и к атеистам. Английский философ Т. Гоббс утверждал, что бестелесных субстанций не существует, значит нет загробного мира, где, по религиозным представлениям, обитают души умерших. Гоббс предложил метафорически-аллегорическое толкование Библии: Бог и Сатана – это нарицательные имена человеческих качеств. Одним из первых он уделил внимание, происхождению религии, видя причины ее возникновения в страхе перед бедностью или другими бедствиями, в страхе перед будущим, в прямом обмане людей властью имущими, в любознательности и удивлении, в невежестве. Пьер Бейль в «Историческом и критическом словаре» отстаивал мнение, что свободу совести следует понимать не только как провозглашение права исповедовать любую религию, но и как право не верить в бога.

Английский деист Дж. Толанд (1670–1722) издал «Письма к Серене» – сочинение, примечательное для характеристики эволюции деизма. По существу, Толанд преодолевает деизм, связанный с идеей первотолчка. Материя для него – активное начало, обладающее внутренней энергией. Толанд полагал, что истинная религия лежит между суеверием и атеизмом, однако же суеверие губительнее для общества, чем атеизм. Под влиянием

Бейля Толанд возвысил образ атеиста. Атеиста удерживает от преступления не религия, а гражданское уважение к своим обещаниям, ничто не заставит его действовать на погибель другим. Атеист «никогда не преследует ненавистью или оружием из-за различия в убеждениях, так как его заботит не то, во что веруют другие люди, а как они поступают», – пишет Толанд. Он говорит о том, что атеист не ожидает посмертного воздаяния, знает, что никто не может достичь счастья без взаимной поддержки и усилий других людей.

Особое место и особый интерес в истории развития представлений о свободе совести занимают взгляды представителей французского Просвещения, французских материалистов и атеистов. Французские просветители также внедрили в общественное сознание мнение о возможности более широкого толкования свободы совести, включая право не только на свободу вероисповедания, но и возможность быть атеистом. Более того, последовательный антиклерикализм просветителей выдвигал на повестку дня проблемы отделения церкви от государства, а школы от церкви. Исторической заслугой просветителей явилось то, что они привнесли в общественное сознание мысль о возможности более широкого толкования свободы совести, включая право не только на свободу вероисповедания, но и право на свободу быть атеистом. Более того, их антиклерикализм в своем последовательном развитии выдвигал идеи отделения церкви от государства и школы от церкви. Тем самым принципы свободы совести наполнялись действительно демократическим содержанием.

У истоков атеизма XVIII века стоит творчество Ж. Мелье (1664–1729)¹. Он в своем единственном сочинении «Завещание» доказывал вечность и несотворенность мира, выступал против деизма. Философ обнаружил, что многие христианские чудеса совпадают с языческими. Например, рождение Иисуса от девы напоминает легенду древних римлян о рождении Ромула и Рема от девы-весталки: вознесение Иисуса на небо – вознесение Геракла Зевсом. Д. Дидро (1713–1784) установил, что многие положения христианства заимствованы из античной мифологии.

Французские атеисты резко критиковали религиозную мораль. П. Гольбах (1723–1789) полагал, что Христа нельзя считать образцом нравственного поведения, безнравственны попытки Христа разделить сына с отцом, дочь с матерью. Он полагал, что религия не содействует улучшению нравов, что само по себе убеждение в существовании Бога не удерживает человека от дурных поступков.

В сочинении Гольбаха подробно разбираются факторы, порождающие религию: бедствия, страдания, обман, незнание, страх перед внешними силами, деятельность воображения, заключения по аналогии. Возникнув в глубокой древности как результат невежества народа, а затем и как следствие

¹ Жан Мелье́ (фр. Jean Meslier; 15 июня 1664 — 17 июня 1729) — французский философ-материалист, атеист, утопический коммунист, католический священник.

обмана жрецов, религия стала передаваться по традиции: «Вера в Бога – не что иное, как укоренившаяся с детских лет привычка»».

Понятие же Бога возникло в результате перенесения качеств человека на природу и поклонение затем продуктам собственной фантазии. Большинство просветителей полагали, что религия противоречит требованиям разума, препятствует развитию науки, а также здоровой естественной нравственности. Ж. Мелье обвинял религию в поддержке социального неравенства и угнетения, называя ее и политику двумя ворами-карманниками, которые защищают и поддерживают друг друга.

К.А. Гельвеций рассматривал порочность принципа религиозной нетерпимости уже не с мировоззренческих, а с социальных позиций. Он писал: «Неужели народы, наученные своими прошлыми бедствиями, никогда не поймут необходимости наложить на фанатизм оковы и изгнать из всякой религии чудовищный догмат нетерпимости»¹. П. Гольбах вслед за П. Бейлем прямо указывал на возможность установления атеистического общества: «Общество атеистов, свободное от всякой религии, управляемое на основании разумных законов, обладающее правильной системой воспитания... свободное от всяких иллюзий, обманов и вымыслов, будет несравненно честнее и добродетельнее, чем построенное на религиозных началах общество, где все как будто направлено на отравление мысли и развращение сердца». И если Гельвеций и Гольбах утверждали идею и возможность существования атеистического общества с помощью нравственного обоснования, то Ж. Ламетри (1709–1751) уже апеллировал к праву. Он писал в этой связи: «Необходимо, чтобы атеист высказывал свое мнение, как только он поймет, что оно может принести какую-то пользу, следовательно, другие люди не имеют никакого права ограничивать в этом случае его свободу»². Благодаря такой последовательной позиции понятие свободы совести рассматривалось уже не в рамках религиозных интересов, а в рамках гражданских прав и свобод личности.

Противником религиозного фанатизма и клерикального гнета был Ф.М. Вольтер. Он признавал наличие Бога как высшего Разума, высшего Механика, Мастера, Математика, с бытием которого связывал движение небесных тел, совершенство строения живых организмов. Развитие же человека и человеческого общества Вольтер связывал с естественными причинами. Его антиклерикализм оказал влияние на распространение антирелигиозных настроений не только во Франции, но и во всей Европе, а также в Америке и России. Начала религиозного фанатизма, по Вольтеру, заложены в древневосточных религиях, особенно в иудаизме, послужившем одним из источников христианства и ислама. Все эти религии стремятся утвердить авторитарную власть в обществе. Особенно «досталось» от Вольтера римско-католической церкви; его призыв «Раздавите гадину!» был

¹ Религиоведение. Хрестоматия / Авт.-сост. П.И. Костюкович. – Минск, 2000.

² Савельев В.Н. Свобода совести: история и теория. – М., 1991.

подхвачен многими противниками и критиками экспансионистской политики католического Рима.

Свободомыслие в Германии XVIII в. испытало на себе влияние французских просветителей – П. Бейля, Вольтера, П. Гольбаха, а также пантеистического учения Б. Спинозы. В XVIII в. известными критиками церкви и религии в Германии были Г.Э. Лессинг (1729–1781), поэт и публицист Ф. Шиллер (1759–1805), а также философ-просветитель, историк, филолог, фольклорист И.Г. Гердер (1744–1803). Его книга «Идеи к философии истории человечества» – компендиум знаний того времени не только о происхождении Земли, ее положении во Вселенной, о ее растительном и животном мире, о происхождении и сущности человека, о его взаимосвязи с «матерью-природой», но и о религиозных верованиях народов Земли – китайцев, тибетцев, индусов, египтян, вавилонян, персов, греков, римлян, евреев и т.д. Идея развития от низших ступеней к высшим по естественным законам распространяется и на историю человечества, на его культуру, науку, религию.

И.Г. Гердер полагал, что общество движется к высшему состоянию, которое он назвал гуманностью; это – цель развития человеческой природы. Основываясь на знании истории религий, Гердер искал причины ее происхождения в самой природе человека. Религия возникла в результате того, что человек почувствовал действие сил природы; то, что предстает перед человеком, оживляет воображение. Разбирая религию евреев, он заметил, что «еврейские сочинения» давали доступные ответы на вопросы о сотворении мира, происхождении зла, но ложное их толкование причинило ущерб обществу: много жестоких учений возникло из рассказа о яблоке и змие; естествоиспытатели прицепляли все феномены строения земли к сорока дням потопа; историки привязывали все населяющие землю народы к одному богоизбранному народу. Рассматривая возникновение христианства, Гердер связывает его с все большим обнищанием еврейского народа, который держался за образ мессии; «откровения» были созданы в это время «до крайности напряженной фантазией». Гердер обращает внимание на двойственную роль христианства: оно учило людей верить в одного Бога и потому превращало народы в братьев, и оно же превращало народы в рабов, «навязывая им цепи и рабское иго: могучие христианские народы жестоко трепали друг друга, а каждый из них внутри полнился раздорами»¹⁰. Ярким представителем американского Просвещения был Б. Франклин (1706–1790), политик, естествоиспытатель и философ. Франклин, как и все американские просветители, был деистом. Он говорил, что человек – часть великого механизма вселенной, а его поведение зависит от него самого. Мораль, проповедуемая Франклином, в своей основе была свободной от религии. Он выступал против того, чтобы включать в конституцию США статью, требующую исповедания веры от членов конгресса. Самой лучшей службой Богу он считал творение добра другим его (Бога) детям. Франклин был последовательным антиклерикалом, выступал против преследований инакомыслящих, проповедовал веротерпимость.

Один из вождей американского народа в борьбе за независимость, автор «Декларации независимости» (1776 г.) Т. Джефферсон (1743–1826) публично выступал за отделение церкви от государства и религиозную свободу. Разум и свободное исследование – вот единственно действенная сила против заблуждений, считал он. Джефферсон показал негативные последствия принудительного введения христианства: миллионы людей после введения христианства были сожжены, замучены, оштрафованы, брошены в тюрьмы. Результатом принуждения было, по мнению Джефферсона то, что половина мира была объявлена «дураками», а другая половина «оказалась лицемерами».

Т. Пейн (1737–1809), активный участник войны за независимость Америки и затем – Французской революции, связывал критику религии с пропагандой и использованием современного ему естествознания. В сочинении «Век разума» он показал несостоятельность учения христианства о тайнах, чудесах и пророчествах, полагая их вымыслами, использованными для обмана человечества. Пейн стоит за создание новой невымышленной, истинной религии, божественное происхождение которой, очевидно, есть чистый и простой деизм. Пейн делает вывод, что человек может открыть Бога лишь с помощью своего разума. Он проанализировал одну книгу Библии за другой и пришел к выводу об их человеческом происхождении.

Антропологический материализм немецкого философа Л. Фейербаха (1804–1872) во многом определил особенности его атеистических взглядов. Цель познания религии, говорит он в «Лекциях о сущности религии», – содействие человеческой свободе, самостоятельности, любви и счастью. Фейербах развил многие идеи П. Бейля: для него Бейль – один из замечательных борцов за просвещение и веротерпимость, за свободу совести. Философ обосновывает тезис Бейля о нравственной и интеллектуальной состоятельности атеизма, теснейшим образом связывая атеизм с развитием духовной культуры, образования, гуманизма. Первым и высшим законом людей должна быть любовь к человеку. Надо заметить, что Фейербах не считал идею любви только христианской идеей, – христианство превратило любовь в дело веры, что привело в конечном счете к вражде между людьми. На самом деле любовь есть всеобщий закон природы и разума. Фейербах, как и его предшественники – французские просветители, – различает истинный атеизм и неистинный. Не может быть истинным, с его точки зрения, атеизм, «страдающий светобоязнью», не обладающий мужеством открыто выступить «на свет общественности», – это недостойный, пустой атеизм. Не приемлет Фейербах и тот род атеизма, который является голым отрицанием. Атеизм истинный, по Фейербаху, не боится света, он положителен: он не просто отрицает реальное бытие существа, называемого Богом, но ставит на его место «в качестве истинного действительное существо человека»¹¹. Сущность атеизма Фейербах выявляет, сопоставляя его позиции с позициями теизма. Отрицательным, с его точки зрения, является теизм, строящий веру на ничтожестве мира и человека: он приносит в жертву фантастическому существу действительную жизнь людей. Атеизм же утвердителен, ибо

возвращает природе и человечеству то достоинство, которое отнял теизм. Атеизм щедр, свободомыслящ, он от сердца радуется красоте природы и добродетели человека, и, отрицая «тот свет», он утверждает этот.

Фейербах объяснял, что атеизм не должен ограничиться простым отрицанием бога. Он должен вместо иллюзорного, предлагаемого религией счастья указать реальное решение всех проблем человеческой жизни. Человек, отмечал Фейербах, не с помощью религии, а только своей активностью, практической деятельностью в процессе материального и духовного творчества и созидания может и должен достичь подлинной свободы и независимости.

Претворение в жизнь идеалов гражданского общества сопровождалось насилием и различными ограничениями по отношению к церкви. Среди всех буржуазных революций того времени особое место занимает французская буржуазная революция по последовательности антиклерикальной направленности и остроте борьбы за утверждение свободы совести. Уже в 1791 г. во Франции принимается «Декларация прав человека и гражданина». В ней провозглашается свобода совести, собраний, свобода слова и т.д. Буржуазные лозунги демократических прав и свобод сразу же после захвата политической власти буржуазией стали классовыми лозунгами. И, разумеется, право на свободу совести стало рассматриваться не иначе как право на свободу религиозной совести. Подобная тенденция характерна для всех буржуазных революций.

В ходе французской буржуазной революции проводились многочисленные антирелигиозные мероприятия, сопровождавшиеся закрытием храмов, принуждением епископов и священнослужителей публично отказываться от сана и присягать на верность республике и конституции. Процесс секуляризации, размах антиклерикального движения, участие народных масс в революционных событиях эпохи Конвента оказали решающее влияние на распространение среди городских низов и особенно среди пролетариата массового неверия, атеистических убеждений. Это обусловило появление требования легализовать право на атеизм. В результате было введено гражданское летоисчисление, всеобщее светское образование, из ведомства церковных институтов изъято ведение актов гражданского состояния.

История европейских буржуазных революций показывает, что чем позже они свершались, тем более радикально решались проблемы секуляризации общественных отношений, утверждения принципов свободы вероисповедания. В значительной мере такая ситуация объяснялась участием раннепролетарских слоев в революционных процессах. Их антиклерикализм был близок к отрицанию религии вообще.

По мере совершенствования общественных отношений, расширения объема демократических прав и свобод в развитых государствах Европы и Америки свобода совести стала рассматриваться не только как свобода вероисповеданий, но и как право личности на свободу убеждений и на свободное проявление своего отношения к религии. Реформация и

буржуазные революции в Европе, развитие идей Просвещения содействовали расширению в обществе понимания свободы совести, не только как свободы выбора религии, но и свободы быть атеистом.

Дальнейшее развитие представлений о свободе совести было неразрывно связано с революционным движением пролетариата и его организаций в направлении расширения демократических прав и свобод, распространяемых на широкие массы трудящихся. Консолидация международного рабочего движения и осуществление его конечных целей во многом зависели от научно обоснованной программы действий, от глубокого анализа конкретно-исторической ситуации. Постепенный отказ буржуазии от либерально-демократических лозунгов по мере укрепления ее экономического и политического господства отразился на объеме провозглашенных ею демократических прав и свобод. Именно в этих условиях происходило формирование пролетарского понимания свободы совести, получившего научное обоснование в марксизме.

Основоположники марксизма К. Маркс (1818–1883) и Ф. Энгельс (1820–1895) указывали, что решение проблем свободы совести, возможно только с учетом научного объяснения сути религиозного феномена. Суть религии, подчеркивали они, нельзя объяснить (как это делали многие просветители) только страхом перед силами природы, заблуждениями в понимании общественных отношений, особенностями психики и неразвитостью научных знаний. Все это существенные, но вторичные причины, главная же заключается в том, что религия является продолжением определенных общественных отношений. Открытие основоположниками марксизма законов развития общества, а следовательно, и генезиса религии позволило им по-новому поставить проблему свободы совести, связать ее решение с социально-экономическим развитием.

Взяв за отправную точку исследований принципиальное положение Л. Фейербаха об отсутствии у религии собственного, т.е. находящегося вне материального мира, содержания, собственного развития, собственной истории, К. Маркс попытался наполнить эту идею конкретным социальным смыслом, дополнить метод сведения религиозного мира к его земной основе методом выведения религиозного мира из отношений земной социальной практики. Маркс полагал, что основой критики религии является положение о том, что человек создает религию, религия же не создает человека, и указывал на недостаточность абстрактного понимания человека как «человека вообще», человека как родового существа и т.п. Само сведение религии к антропологии, производимое Л. Фейербахом, может, по мнению Маркса, привести к правильным результатам только в том случае, если саму сущность человека рассматривать в определенном социальном контексте, в совокупности всех общественных отношений.

К. Маркс в работе «Критика Готской программы», развивая данную точку зрения, отмечал, что «буржуазная «свобода совести» не представляет собой ничего большего, как терпимость ко всем возможным видам религиозной свободы совести, а она, рабочая партия, наоборот, стремится освободить

совесть от религиозного дурмана»¹. Освободить совесть от религиозного дурмана – это значит создать такие условия, при которых совесть будет свободной как от внешних, так и от внутренних форм давления на нее.

Известно, что основоположники марксизма неоднократно критиковали анархистско-левацкую интерпретацию свободы совести, исключаящую право на свободу религиозных убеждений. Более того, подобная критика включала в себя глубокое понимание практического решения вопроса, исключаящее абсолютизацию законодательных актов и использование административных мер. В связи с этим К. Маркс подчеркивал: «Мы знаем, что насильственные меры против религии бессмысленны; но наше мнение таково: религия будет исчезать в той мере, в какой будет развиваться социализм»², то есть в той мере, в какой будут сниматься существующие социально-экономические противоречия.

Религия как один из многих (а не какой-то особенный, исключительный, «не от мира сего») видов идеологического сознания представляет собой не базисное, а надстроечное явление – вот принципиально новое по сравнению и с теологическими, и с радикально-атеистическими воззрениями видение проблемы религии в марксизме. Социальное значение данного образования приобретает конкретно-исторический характер, обусловленный различными общественными структурами и обстоятельствами, и потому всегда нуждается в специальной, дифференцированной оценке, не сводимой к однозначным констатациям «всегда хорошо» или «всегда плохо». Такое понимание проблемы позволило поставить анализ религиозных феноменов на особый, новый научный уровень.

Итак, истоки религии, по мнению Маркса, «находятся не на небе, а на земле», и она «для нас уже не причина мирской ограниченности, а лишь ее проявление». Другими словами, с такой точки зрения, не существует особого царства религиозных феноменов, первичных по отношению к земным событиям, определяющим законы этого мира. В этом, кстати, и состоит смысл того, что называют «атеизмом Маркса» (марксизма): отказ от дуалистического понимания сущего, от религиозного удвоения мира. Атеизм Маркса выступает здесь, во-первых, как антитеизм; во-вторых, как особая философская мировоззренческая позиция, отстаивающая принцип материального единства мира (первичность материального при решении основного вопроса философии, как его называли создатели марксистской теории); далее, это присущий марксизму принцип социальной и гносеологической активности субъектов практической деятельности. Как считали представители марксизма, нет ничего невозможного и непознаваемого для людей – пусть даже в бесконечной перспективе. При всем этом отметим, атеизм Маркса не тождественен его антирелигиозности. Иными словами, сам Маркс мог относиться к религии и церкви как угодно, но из его теории совершенно не следует, не выводится ни антирелигиозность

¹ Философский энциклопедический словарь. – М., 1998.

² Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. – М., 1966.

как вечная данность, ни антиклерикализм. Отказ от такой перманентной критики и неприятия ясно вытекает из требований конкретно-исторического подхода к надстроечным социальным явлениям в марксизме, в том числе и к религии.

Отрицание генерирующей общественной функции религии («все от религии»), конечно же, отнюдь не означало отказа от конкретно-исторического изучения того влияния, которое религия способна оказывать и на базис, и на надстроечные структуры. И точно так же, как религия в состоянии оказывать воздействие на мораль, политику, право, искусство, на экономику и пр., мораль, политика, право, общий уровень развития культуры, экономика в силах оказывать и неизменно оказывают свое воздействие на религию. Сама судьба религии теснейшим образом связана с характером такого воздействия.

Маркс ясно видел, что в религии представлена попытка преодолеть реально существующие ситуации беспомощности, придавленности, зависимости человека от гнетущих сил природы и общества. В ней заключена идея исправления – пусть и особым, специфическим религиозным способом – действительно господствующей в социальной практике людей несправедливости. Надстраивая над реальным миром, отчужденным и превратным, свой, иной мир, религия пытается восстановить должный порядок вещей, преодолеть дуализм, двойственность, разорванность человеческого бытия в царстве, как писал К. Маркс, «действительного убожества», т.е. претендует на шаг не в сторону от должного состояния дел, а к нему, на восстановление требуемого монизма человеческого бытия в мире.

Иными словами, К. Маркс обозначил проблему, как мы уже отмечали, совсем по-другому, нежели ее понимали прежние критики религии: бесполезно, да и безнравственно бороться с проявлениями, а не с причинами мирской ограниченности. Критика религии, как понимал эту задачу Маркс, подчинена задачам иной критики. «Критика неба превращается, таким образом, в критику земли, критика религии – в критику права, критика теологии – в критику политики»¹⁴. Атеизм Маркса получает в итоге четкую социальную направленность. Он преодолевает односторонность «голового» отрицания религии.

7.6. Формирование представлений о свободе совести в России

Противоречия на пути свободы совести особенно выразительно иллюстрирует отечественная история. Языческая Русь относилась терпимо к различным верованиям. Но в рамках рода индивид лишь пассивно воспроизводил верования сородичей. С принятием христианства Киевской Русью индивид по-прежнему не был свободен в отношении веры, а общество отступило от веротерпимости. Новая религия обрела статус государственной. Язычество подвергается гонениям. Власти принимают Православную церковь на своё обеспечение, наделяют её землей. Церкви передают часть государственных функций, в том числе судебную власть. Церковному суду

подлежали дела о разводе, двоеженстве, о браках в недозволенных степенях родства, об «умычке девиц», о колдовстве, о драках между женщинами и т.п. Под церковную юрисдикцию попадали «черное» и «белое» духовенство, население церковно-монастырских владений.

История оставила немало свидетельств о том, как вмешивались в дела церкви Александр Невский (1220–1263), Дмитрий Донской (1350–1389) и другие князья, направляя ее деятельность на укрепление собственного авторитета и государственной независимости. Формирование государственности на Руси сопровождалось движением к централизации власти и одновременно созданием единой церковной структуры. Различные толкования христианского вероучения порождали многочисленные ереси, с которыми Православная церковь вела непримиримую борьбу при поддержке светских правителей. Так, в XIV в. в Новгороде, в XV в. в Пскове широко распространилась ересь стригольников, которые отрицали монашество и мирские заботы церкви. В XV в. заявила о себе ересь жидовствующих, которая получила свое название по имени Схарии Жидовина.

Большие привилегии Православная церковь получила от татаро-монгольских ханов. Они понуждали русских князей платить оброк епископам, сохранили церковный суд, освободили духовенство от дани, предоставили льготы церковно-монастырскому землевладению. Показательно, что даже в 1551 г. на Стоглавом соборе митрополит Макарий, защищая интересы церкви, ссылаясь на охранные грамоты татарских ханов.

Эпизодические попытки православной церкви усилить свое влияние на государственную власть в XV–XVI вв. особого успеха не имели. С укреплением монархии при Иване IV усиливается церковная централизация, приоритет государственной власти укрепился еще больше, она взяла на себя функции охраны «правой веры», борьбы с еретическими учениями и вольномыслием. Усиление монархии сопровождалось появлением антиклерикальных настроений.

Наибольшего влияния Церковь достигла в XVII в. Приоритет государственной власти над церковной и определение Православной церкви как государственной религии получили правовое закрепление в Соборном уложении 1649 г. Патриарх Филарет как отец царя Михаила и патриарх Никон как «собинный друг» царя Алексея Михайловича непосредственно с царем участвовали в управлении государством. Патриарха Никона именовали «великим государем». В проповедях утверждалось, что «священство» выше «царства». Но в противостояниях патриарха и царя одержало верх не «священство», а «царство». Церковный раскол позволил царской власти взять контроль над церковью под предлогом защиты «правой» веры. Церковный собор 1666–1667 гг. осудил поведение Никона, он был сослан в монастырь.

Реформы Петра I окончательно подорвали теократические тенденции православия и экономическое могущество церкви. Ликвидирован был и статус патриарха. Управление церковью было поручено назначаемым императором Синоду во главе с «оком государевым» – обер-прокурором.

Созданная государственная система управления церковью существенно ограничивала религиозную свободу самой церкви, Однако православие оставалось господствующей религией. Православная церковь пользовалась особыми привилегиями: владела недвижимым имуществом, получала субсидии от казны, осуществляла контроль над народным образованием. Право на пропаганду своего вероучения, миссионерство и прозелитизм закреплялось в законе только за православной церковью. Духовенство получало жалование от государства, освобождалось от воинской повинности, имело налоговые льготы. В 1763 г. отдельные оппозиционные религиозные течения получили право на свободу вероисповедания, но это был акт, связанный с продолжением политики контроля государства над религиозными течениями.

В России первая половина XVIII в. ознаменовалась ломкой старых устоев, которая по своим масштабам соответствовала реформам эпохи Возрождения. Это проявилось и в распространении идей свободомыслия. С требованием обеспечения права на мировоззренческую свободу выступали М.В. Ломоносов (1711–1765) и А.Д. Кантемир (1708–1744). Основоположник Московского университета М.В. Ломоносов включает в его регламент следующее требование: «Духовенству к учениям, правду физическую для пользы и просвещения показующим, не привязываться, а особливо не ругать наук в проповедях». Дерзким вызовом религиозным догматам явилась пропаганда Ломоносовым «коперниковой ереси», резко осужденной церковью. Великий естествоиспытатель являлся автором сатирического сочинения «Гимн бороде», направленного против консервативного духовенства.

Русское Просвещение второй половины XVIII в. связано с такими именами, как Н.И. Новиков, Я.П. Козельский, Д.С. Аничков, С.Е. Десницкий, Д.Г. Фонвизин, А.Н. Радищев. Эти мыслители издали предпосылки к появлению на общественной арене русских революционных демократов: А.И. Герцена (1812–1870), Н.П. Огарева (1813–1877), В.Г. Белинского (1811–1848), Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова, М.П. Писарева. В борьбе с засильем религиозной идеологии, утверждавшей, что православное вероисповедание является отличительной чертой русского народа, они отстаивали право на свободу мировоззренческого выбора. В.Г. Белинский, характеризуя русский народ, отмечал, что «это по натуре своей глубоко атеистический народ. В нем много еще суеверия, но нет и следа религиозности... мистическая экзальтация вовсе не в его натуре».

В целом свободомыслие – примечательная традиция культуры России, страны, где религиозное вольнодумство приравнивалось царскими властями и церковью к «богохульству» и ереси и каралось особенно жестко. В архивах Тайной канцелярии XVIII в. сохранились дела по расследованию вольнодумства среди крестьян, солдат, унтер-офицеров, разночинцев, купцов и даже монахов. Чаще всего это наивная критика каких-то канонов и культовых установлений. Гонения на «богохульцев» продолжались в России вплоть до свержения монархии.

В XIX веке понимание свободы совести дополнялось новыми гранями. Русские мыслители конца XIX в. выдвигали требования отстранения духовенства от вмешательства в государственные дела, в процесс образования и воспитания, требовали отделения церкви от государства и школы от церкви. Н.П. Огарев и А.И. Герцен в статьях издававшегося за рубежом журнала «Колокол» сформулировали эту задачу в тесной взаимосвязи с необходимостью отождествления свободы совести со свободой людей высказывать свои убеждения, даже если они созвучны идеям, проповедовать которые запрещено. Этой традиции следовали такие яркие представители отечественной литературы, как В.Г. Белинский, Н.А. Добролюбов, А.И. Герцен, Н.Г. Чернышевский, Ф.М. Достоевский (1821–1881), Л.Н. Толстой, крупнейшие естествоиспытатели братья И.И. и Л.И. Мечниковы, И.М. Сеченов, К.А. Тимирязев и многие другие виднейшие представители российской культуры XIX – начала XX в.

Государство вмешивалось во внутренние дела различных конфессий, строго регламентировало их структуру и деятельность. Стеснялась свобода индивида: рожденному в православии запрещалось отступать от него и принимать иную веру. Имена отступников от православия брались под опеку. «Совращение» из православия рассматривалось как уголовное преступление, «совратителей» наказывали каторжными работами. В отношении других религий обеспечивались весьма скудные права. Некоторые исповедания считались «терпимыми»: католицизм, лютеранство, армяно-григорианская церковь, ислам, ламаизм, иудаизм (хотя гражданские права евреев были резко ущемлены). Разрешалось служение старообрядцев-поповцев, но им не дозволялось «совращать или склонять кого-либо в раскол свой». Часть исповеданий именовались «вредными сектами»: «жидовствующие ереси», молокане, скопцы, духоборы, старообрядцы-беспоповцы. В отношении них имели место еще более жесткие ограничения и даже гонения.

Перемещение центра революционной борьбы в Россию, рост классовой сознательности и организованности пролетариата, сложнейшее переплетение классовых противоречий, а также отсутствие элементарных основ демократии и демократических традиций – все это способствовало развитию революционной ситуации в стране. В проектах программ как буржуазных партий, так и партий революционного пролетариата нашли свое отражение и проблемы свободы совести.

В России в конце XIX – начале XX в. крестьянство, хотя и находилось под воздействием религиозных воззрений, в то же время разделяло антиклерикальные настроения, вовлекалось в революционное брожение. Влияние религии на различные слои населения обеспечивалось огромным штатом служителей культа.

Известно, что в начале XX в. в России насчитывалось 78 тыс. церквей и часовен Православной церкви, 25 тыс. мечетей, 6 тыс. синагог, 4,2 тыс. католических костелов, 200 старообрядческих церквей, более 2 тыс. храмов

Грузинской православной и Армянской апостольской церковью, 300 духовных учебных заведений, примерно 1 тыс. монастырей¹⁶.

Революционная ситуация в России в конце XIX – начале XX вв. вынудила правительство вносить коррективы в религиозную политику. В связи с ростом революционных выступлений ужесточилась политика царизма в отношении «сектантских» объединений. Так, с 1874–1885 гг. было зарегистрировано 3615 уголовных дел по так называемым «религиозным преступлениям», а с 1886–1893 г. – 754017.

17 апреля 1905 г. под давлением сложившейся в стране революционной ситуации император Николай II издал указ «О веротерпимости». Православие по-прежнему оставалось первенствующей и государственной религией. Однако были отменены многие ограничения в отношении других исповеданий. В частности, расширен круг «терпимых» религий, открыты их молитвенные дома, облегчался переход в иные исповедания. В какой-то мере эти новации расширили свободу убеждений личности.

Февральская революция 1917 г. упразднила самодержавие, лишила Православную церковь ее многовековой опоры. В программном документе Временного правительства «Обращение к гражданам», опубликованном 7 марта 1917 г., содержалось указание на отмену «сословных, вероисповедных и национальных ограничений». Затем Временное правительство принимает постановление о передаче церковно-приходских школ в ведение Министерства народного образования. Правительство затем сделало ещё один шаг на пути к свободе совести. Указом «О свободе совести» провозглашалось, что пользование гражданскими и политическими правами «не зависит от принадлежности к вероисповеданию и никто не может быть преследуем и ограничиваем в каких бы то ни было правах за убеждения в делах веры». Позднее религиозные приходы были наделены правом юридического лица. Была упразднена должность обер-прокурора Синода. «Закон Божий» был признан необязательным предметом во всех школах. Под свободой совести понималась веротерпимость. Внеисповедное состояние по-прежнему не признавалось. Господствующим положение Православной церкви оставалось на том основании, что православная религия является религией значительного большинства населения России.

7.7. Практика осуществления свободы совести в советский и постсоветский периоды

Осмысление содержания свободы совести с учетом специфики революционной ситуации в России нашло отражение в работах В.И. Ленина (1870–1924). По его мнению, в сложившейся ситуации вопрос о свободе совести следовало решать с учетом российских условий и обязательно поэтапно. Религия, согласно В.И. Ленину, является частным делом по отношению к государству, это служит предпосылкой обеспечения подлинной свободы совести. Каждый должен быть свободен исповедовать какую угодно религию или не исповедовать никакой. Необходимо отделение церкви от

государства и школы от церкви. Религиозные организации должны выступать как частные по отношению к государству. Недопустимы никакие различия между гражданами в их правах в зависимости от религиозных верований.

Следует учитывать, что В.И. Ленин был крупнейшим политиком, теоретиком и практиком социалистического рабочего движения. Следует отметить постоянную политизированность проблемы религии и атеизма у Ленина. Во-вторых, имел место некоторый отход от принципов конкретного историзма в рассмотрении религии и церкви («все современные религии и церкви; все и всяческие религиозные организации, марксизм рассматривает всегда как органы буржуазной реакции, служащие защите, эксплуатации и одурманиванию рабочего класса»). Ленин «краеугольным камнем всего миросозерцания марксизма в вопросе о религии» считал изречение Маркса: «Религия есть опиум народа».

Ленин выдвинул ряд принципов отношения социал-демократической рабочей партии к религии, церкви и верующим. Он неоднократно и настойчиво подчеркивал, что критика религии, атеистическая пропаганда не должна рассматриваться как самоцель, как нечто самодостаточное. В основе решения различных проблем должны лежать принципы социальной справедливости и социального развития с учетом интересов всех членов общества независимо от их отношения к религии и атеизму. Кроме того, осуществление свободы совести должно способствовать объединению всех членов общества для решения важнейших социально-экономических задач на основе принципов гуманизма и взаимопонимания. Как неоднократно подчеркивал Ленин, решение проблем свободы совести осуществляется не через конституции, декреты и политические лозунги, которые служат инструкциями к действию, а во взаимосвязи с решением социально-экономических задач, учитывающих объективные закономерности общественного развития.

Практическое осуществление свободы совести на этих принципах началось после Октябрьской революции 1917 г. Так, уже 26 октября 1917 г. был принят Декрет «О земле», предусматривавший национализацию 2,5 млн десятин земли. 2 ноября 1917 г. Совет Народных Комиссаров принял «Декларацию прав народов России», согласно которой ликвидировались национальные и религиозные привилегии, устранялось неравноправие в положении церквей и религиозных организаций. Затем последовали декреты, освобождающие церкви от выполнения функций регистрации и расторжения брака, записи актов гражданского состояния, главенствования в образовании, воспитании и передающие эти функции государству. Эти документы стали правовой основой для принятия Декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Этот декрет был принят 20 января 1918 г. Он гласил:

1. Церковь отделяется от государства.
2. В пределах Республики запрещается издавать какие-либо местные законы или постановления, которые бы стесняли или ограничивали свободу

совести или устанавливали какие бы то ни было преимущества или привилегии на основании вероисповедной принадлежности граждан.

3. Каждый гражданин может исповедовать любую религию или не исповедовать никакой. Всякие провозглашения, связанные с исповеданием какой бы то ни было веры или неисповеданием никакой веры, отменяются.

4. Действия государственных или иных публично-правовых общественных установлений не сопровождаются никакими религиозными обрядами или церемониями.

5. Свободное исполнение религиозных обрядов обеспечивается постольку, поскольку они не нарушают общественного порядка и не сопровождаются посягательством на права граждан и Советской Республики. Местные органы имеют право принимать все необходимые меры для обеспечения в этих случаях общественного порядка и безопасности.

6. Никто не может, ссылаясь на свои религиозные воззрения, уклоняться от исполнения своих гражданских обязанностей. Изъятия из этого положения при условии замены одной гражданской обязанности другой в каждом отдельном случае допускаются по решению народного суда.

7. Религиозная клятва или присяга отменяется. В необходимых случаях дается лишь торжественное обещание.

8. Акты гражданского состояния ведутся исключительно гражданской властью: отделами записи браков и рождений.

9. Школа отделяется от церкви. Преподавание религиозных вероучений во всех государственных и общественных, а также частных учебных заведениях, где преподаются общеобразовательные предметы, не допускается. Граждане могут обучать и обучаться религии частным образом.

10. Все церковные и религиозные общества подчиняются общим положениям о частных обществах и союзах и не пользуются никакими преимуществами, субсидиями ни от государства, ни от местных автономных и самоуправляющихся установлений.

11. Принудительное взыскание сборов и обложений в пользу церковных и религиозных обществ, равно как и меры принуждения или наказания ими своих членов, не допускается.

12. Никакие церковные и религиозные общества не имеют права владеть собственностью. Прав юридического лица они не имеют.

13. Все имущество существующих в России церковных и религиозных обществ объявляется народным достоянием. Здания и предметы, предназначенные специально для богослужения, по особым постановлениям местной или центральной государственной власти отдаются в бесплатное пользование соответствующих религиозных обществ.

В декрете последовательно решались задачи по осуществлению на практике свободы вероисповедания, учитывались потребности всех граждан страны, расширялись права верующих, признавалось право на свободу атеистических убеждений. Декрет о свободе совести создавал необходимые правовые основы для ее обеспечения, был положительно воспринят широкими народными массами. Вместе с тем некоторые руководители

религиозных центров и часть духовенства восприняли данный документ негативно как «открытое гонение на церковь». Возникшая конфликтная ситуация между советским государством и рядом религиозных центров в связи с принятием Декрета о свободе совести имела свои объективные предпосылки, свои исторические корни, которые с помощью декретов, постановлений и инструкций решить в одночасье было невозможно. Этому должно предшествовать изменение в представлениях и в установках всего общественного сознания.

Однако острота обстановки, политизация настроений, общая, характерная для периода гражданской войны, ориентация на решение вопросов административными и репрессивными мерами, – все это привело к осложнению отношений между советским государством и Русской церковью, вызвало ненужные и неоправданные жертвы со стороны рядовых верующих и клириков, повлекло обвинения церковных деятелей, включая патриарха Тихона, в контрреволюционных настроениях и саботаже выполнения постановления ВЦИК. В мае 1922 г. патриарх Тихон и ряд иерархов Русской православной церкви были привлечены к судебной ответственности. Более года церковь была обезглавлена, чем воспользовалась группа радикально настроенных клириков, развернувшая «обновленческое» движение.

На протяжении десятилетий первые годы советской власти освещались марксистским религиоведением однозначно: контрреволюционная деятельность РПЦ и руководителей других религиозных организаций стала причиной конфронтации советского государства с религиозными организациями и применения репрессивных мер по отношению к контрреволюционно настроенным священнослужителям. Такая трактовка причин является не совсем полной и достоверной. Как показывает изучение, объективный исторический анализ событий при этом иногда подменялся чрезмерным политизаторством. И вина за такое освещение событий ложится на определенные административные круги.

В настоящее время предпринимаются попытки, наоборот, идеализировать церковь того периода. При этом во всех грехах обвиняются атеисты и советское государство, якобы враждебное религии по своей сущности. Реальная историческая ситуация была куда более сложной и противоречивой, чем эти однозначные оценки. В целом можно констатировать, что крайности допускались как с одной, так и с другой стороны, что характерно для любой эпохи крутых социальных преобразований. В условиях гражданской войны и острого классового противоборства враждебное отношение части духовенства и руководства религиозных организаций к советской власти нередко являлось поводом для предубежденного отношения ко всем священнослужителям в целом.

Ленинский Декрет о свободе совести оказал существенное влияние на формирование нового социального облика церкви, способствовал освобождению церкви от государственных пут, предоставил возможность церковной оппозиции открыто отстаивать свои взгляды. Однако последующие правовые нормы, регулирующие эти отношения, существенно

отошли от этого эпохального документа. Можно сказать, что в этой сфере после смерти В.И. Ленина наблюдалась такая же деформация основополагающих социалистических принципов, как и в других областях социалистического строительства.

В условиях гражданской войны, интервенции, неприятия Советской власти со стороны руководителей религиозных организаций создавалась первая Конституция РСФСР. Обозначенные в ней демократические права и свободы граждан были подчинены в первую очередь классовым интересам. В статье 13 Конституции РСФСР 1918 г. право на свободу совести закреплялось только за трудящимися. Предполагалось, что такое ограничение демократических прав и свобод является временным актом и с изменением политической ситуации в стране должно быть заменено более демократическими законами. Так впервые в истории России свобода совести была возведена в ранг конституционной нормы.

В начале 20-х гг., когда начался тяжелейший период восстановления и реконструкции народного хозяйства, в силу объективных причин: разруха, голод, безработица и т.д. – наметилось оживление религиозных представлений у трудящихся, стал наблюдаться спад антиклерикальных настроений крестьянства. В условиях возросшего идеологического противоборства классов весьма актуальным был вопрос о необходимости разъяснения широким массам марксистско-ленинских принципов свободы совести, политики отношения советского государства к религии, религиозным организациям и верующим, разъяснения и конкретизации пунктов Декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». В этой связи постановлением Народных Комиссариатов юстиции и Внутренних Дел от 19 июня 1923 г. была принята инструкция по вопросам проведения декрета в жизнь, а 8 апреля 1929 г. решением ВЦИК и СНК РСФСР было принято постановление «О религиозных объединениях». Указанные постановления были направлены на устранение разнотолков в понимании статей декрета и Конституции, способствовали развитию правосознания верующих.

Для 30-х годов характерен процесс дальнейшего ограничения сферы деятельности религиозных организаций, их центров, духовенства и верующих. Начиная с середины 30-х гг., в выступлениях Сталина, других политических лидеров, а также в атеистической литературе получают распространение взгляды о том, что деятельность религиозных организаций контрреволюционна. На уровне обыденного сознания утверждаются представления о том, что у служителей культа отсутствуют нравственные качества, что не обязательно учитывать их конституционные права, что к верующим можно относиться пренебрежительно и грубо. Многие неверующие искренне верили, что именно таким образом они способствуют утверждению научного мировоззрения. Политика

30-х годов в отношении религии, церкви и верующих нанесла большой урон практике утверждения свободы совести. В этих условиях Русская православная церковь и другие религиозные организации зачастую

прилагали значительные усилия, чтобы подчеркнуть свою лояльность социализму и советскому государству. Доходило даже до того, что на местах службы начинались с панегириков в адрес руководителей государства и местной власти.

Сегодня мы с полным основанием можем утверждать, что появление Конституции СССР 1936 г. связано не со стремлением к демократизации общественных отношений, а с очередным тактическим ходом сталинского окружения. Согласно Конституции, за религиозными организациями и верующими признавалось лишь право на свободу отправления религиозных культов, пропаганда религиозных учений и взглядов исключалась. В статье 124 Конституции СССР 1936 г. говорится: «В целях обеспечения за гражданами свободы совести церковь отделяется от государства и школа от церкви. Свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды признаются за всеми гражданами».

Уже через несколько месяцев после принятия Конституции СССР 1936 г. начался очередной этап «завинчивания гаек», который привел к разгулу на местах административного подхода по отношению к религиозным организациям, неоправданным репрессиям по отношению к духовенству и рядовым верующим. В результате нагнетаемой в стране атмосферы «шпиономании», «ловли ведьм», изобличения вредителей, непримиримой борьбы с контрреволюционными организациями получила развитие такая антирелигиозная пропаганда, которая должна была бы ликвидировать религиозную проблему, хотя бы и ценой физического уничтожения верующих. Вся эта политика не имела ничего общего ни со свободой совести, ни с атеистической пропагандой.

Следовательно, хотя Конституция 1936 г. формально провозгласила свободу совести, но фактически она вуалировала режим сложившегося в стране государственного атеизма. Уже в 20–30-х гг. в стране были закрыты тысячи церквей, мечетей, синагог, молитвенных домов и других религиозных очагов. Прекратилась деятельность монастырей, духовных учебных заведений. Десятки тысяч служителей культа были репрессированы. Немалая часть верующих была вынуждена скрывать свои убеждения и осуществлять религиозные потребности приватным образом, а то и тайком.

Великая Отечественная война пробудила высокие патриотические чувства советских людей, в том числе верующих. С первых дней войны многие главы церквей выступили с осуждением нападения фашистов на нашу страну, с призывом встать на защиту родины, организовать сбор средств, в фонд обороны. Когда Сталин убедился, что дальше перегибать палку в отношении церкви не стоит, что ее патриотическая деятельность во время Великой Отечественной войны вызывает поддержку и понимание со стороны всего народа, религиозные организации получили определенную свободу, что в условиях послевоенных лет позволило церкви значительно укрепить свое положение в обществе. И в это же время атеистическая пропаганда практически не велась.

Негативные явления сталинского понимания свободы совести еще долгие годы после его смерти давали о себе знать. Нарушения конституционных норм осуществлялись не только по отношению к верующим и их организациям, но и по отношению к атеистам. Свободомыслящий, сознательный атеизм так же несовместим с культом личности, как и несовместима с ним искренняя религиозная вера в бога, не допускающая обожествления какого-либо лица или предмета.

Начиная с 1954 г., в стране стал развиваться процесс, весьма сложный, а порою и противоречивый, утверждения демократических принципов свободы совести на практике. Основная заслуга этого процесса состояла в том, что в ходе осуждения культа личности были намечены меры по развитию советской демократии, по формированию правовой и демократической культуры, гражданского достоинства личности. В этой связи был принят ряд постановлений, подчеркивающих, что в основе решения проблем свободы совести должны лежать научные принципы ее понимания. Так, в постановлении ЦК КПСС от 7 июля 1954 г. «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения» были рассмотрены вопросы о необходимости возрождения ленинских принципов отношения Коммунистической партии к религии, религиозным организациям и верующим.

В 60-е гг. был принят ряд решений, направленных на совершенствование правовых норм соблюдения свободы совести. Так, в декабре 1965 г. был создан Совет по делам религий при Совете министров СССР. 18 марта 1966 г. Президиум Верховного Совета РСФСР установил правовые нормы, способствующие утверждению законных прав верующих, религиозных объединений и служителей культа.

Середина 70-х гг. ознаменовалась разрядкой напряженности в международных отношениях, заключением в августе 1975 г. Хельсинского соглашения по безопасности и сотрудничеству в Европе, под которым есть подпись и главы нашего государства. В «Декларации принципов» в разделе VII, названном «Уважение прав человека и основных свобод, включая свободу мысли, совести, религии и убеждений», содержалось обязательство участников этого соглашения «уважать права человека и основные свободы». Это наложило отпечаток на государственно-церковные отношения в нашей стране. Существование и деятельность религиозных организаций начинают рассматриваться как необходимое условие обеспечения свободы вероисповедания, а оно, в свою очередь, как одна из составляющих комплекса «прав человека».

В 1977 г. была принята новая Конституция СССР, в 52-й статье которой право советских людей на свободу совести определялось следующим образом: «Гражданам СССР гарантируется свобода совести, то есть право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, отправлять религиозные культы или вести атеистическую пропаганду. Возбуждение вражды и ненависти в связи с религиозными верованиями запрещается. Церковь в СССР отделена от государства и школа – от церкви»²⁰.

Несмотря на то, что в 52-й статье Конституции СССР 1977 г. были провозглашены гарантии свободы совести, ситуация не изменилась, продолжали господствовать командно-административные методы осуществления свободы совести, которые не устраивали как верующих, так и неверующих, атеистов. По-прежнему религиозные организации не обладали статусом юридического лица, деятельность церкви и религиозных организаций регламентировалась многочисленными инструкциями, постановлениями, которые были направлены на отчуждение их от общества.

Проблемы, связанные с обеспечением гарантий свободы совести, со всей очевидностью проявились в процессе преобразований социально-экономических и политических отношений в нашем обществе.

С 1985 года, когда были решительно осуждены идеологизированный антирелигиозный фанатизм и догматизм, нарушения свободы совести, провозглашен курс на создание правового государства, со всей очевидностью стало ясно, что правовое обеспечение свободы совести должно опираться не только на ленинский Декрет о свободе совести, но и на мировой опыт, на такие общепризнанные документы, как Всеобщая декларация прав человека, итоговый документ Венской встречи представителей государств – участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Следует констатировать, что значение прав человека и общечеловеческих ценностей, определенное этими документами, нашло свое отражение в Законе СССР «О свободе совести и религиозных организациях», принятом в 1990 г.

Закон стал важным шагом на пути строительства правового государства. Конституция 1993 г. (приложение 1) закрепила основные положения названного закона. Она провозгласила Российскую Федерацию светским государством и предписала: «Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. Религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом».

Само понимание свободы совести в ст. 28 Конституции раскрывается следующим образом: «Каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними».

Тем временем минуло несколько стремительных лет жизни кардинально реформируемого российского общества. Явно устарели некоторые нормы этого закона, обнаружились и многие упущения в нем. Со стороны религиозных объединений и общественности вносилось предложение по дальнейшему демократическому совершенствованию законодательства. Полемика протекала бурно и широко освещалась в средствах массовой информации.

Наконец, в сентябре 1997 г. Федеральное Собрание при поддержке крупнейших конфессий России приняло новый Закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» (приложение 1). Этот закон стал вторым шагом на пути реализации принципов правового государства в религиозной сфере.

Он сохранил, углубил и конкретизировал гарантии свободы вероисповеданий, изложенные в ранее действующем законодательстве.

В преамбуле нового закона подтверждено право каждого на свободу совести и свободу вероисповедания, а также на равенство перед законом независимо от отношения к религии и убеждений. Здесь вновь констатируется светский статус Российской Федерации, признается особая роль православия в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры. Отмечается, что христианство, ислам, буддизм, иудаизм и другие религии составляют неотъемлемую часть исторического наследия народов России. Указывается на важность содействия достижению взаимного понимания, терпимости и уважения в вопросах свободы совести и свободы вероисповедания.

Так, в ст. 3 Закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» существенно обогащено и конкретизировано содержание права граждан на свободу совести и свободу вероисповедания. Приведем отдельные важнейшие фрагменты этой статьи: «В Российской Федерации гарантируется свобода совести и свобода вероисповедания, в том числе право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать и менять, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними... Установление преимуществ, ограничений или иных форм дискриминации в зависимости от отношения к религии не допускается... Никто не обязан сообщать о своем отношении к религии и не может подвергаться принуждению при определении своего отношения к религии, к участию или неучастию в богослужениях, других религиозных обрядах и церемониях, в деятельности религиозных объединений, в обучении религии. Запрещается вовлечение малолетних в религиозные объединения, а также обучение малолетних религии вопреки их воле и без согласия их родителей или лиц, их заменяющих».

Солидную часть содержания нового закона составляют уточненные положения о статусе и правоспособности религиозных объединений, а также нормы, конкретизирующие их отношения с государством. Эти нормы, в частности, подытоживают значительную за последние годы деятельность государства по ликвидации допущенных в советский период нашей истории ограничений свободы совести, а также регламентируют имущественные вопросы функционирования религиозных организаций.

В главу четвертую включены статьи, регулирующие осуществление надзора и контроля за исполнением законодательства о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях, а также ответственность за его нарушение. Надзор за исполнением этого законодательства осуществляют органы прокуратуры Российской Федерации, а контроль за соблюдением религиозной организацией ее устава в части целей и порядка деятельности осуществляет орган, зарегистрировавший религиозную организацию. Нарушение законодательства о свободе совести, свободе вероисповедания и о

религиозных объединениях влечет за собой уголовную, административную и иную ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Новый закон отражает реалии современной религиозной ситуации в России и отчетливо свидетельствует о существенном повышении культуры отношения общества к религии, обеспечении реальных гарантий свободы совести.

Однако нельзя не отметить, что до сих пор не удалось сформировать нормальное правовое и в то же время социально ответственное отношение светских институтов (власти, образования, культуры, прессы) к многообразию религиозной жизни. Отсутствие упреждающих действий со стороны органов власти по смягчению возможных последствий некомпетентного проведения церковной политики приводит к напряженности, а в ряде случаев и к прямым конфликтам между представителями различных конфессий, принимающим иногда не только имущественный, но и межрелигиозный характер. Для реального обеспечения свободы совести и создания благоприятных условий деятельности религиозных общин и объединений важное значение имеет создание законодательно закрепленного правового пространства, в котором могут осуществлять свои функции религиозные организации различных конфессий.

С начала 1990-х годов чрезвычайный размах и интенсивность получает религиозно-просветительская и миссионерская деятельность. Однако, казалось бы, общая задача религиозного возрождения страны не подвигла последователей разных конфессий к сотрудничеству и диалогу, но, напротив, вызвала взаимные опасения, претензии и напряженность отношений.

Серьезным осложняющим фактором явилось и то, что всего за 15–20 лет в религиозно-конфессиональной структуре России произошли беспрецедентные изменения. Если в конце 1970-х гг. существовали немногим более двадцати религиозных направлений, то сегодня их около шестидесяти. Трудно представить общество, способное в столь исторически короткий период спокойно, без проблем пережить подобное половодье неведомых ранее религиозных учений.

Религиозная политика в России должна базироваться сегодня на сочетании принципов функционирования светского государства с разумной регламентацией деятельности религиозных структур как юридических лиц, с возможностью ограничения деятельности деструктивных религиозных культов, с содействием расширению социальной и правовой базы взаимодействия государства с религиозными организациями и объединениями всех конфессий.

7.8. Свобода совести в системе ценностей современного мира

Теоретические разногласия по проблеме свободы совести, существующие между религиоведами и юристами разных стран, сложившиеся в силу исторических традиций и объективных закономерностей, получили

юридическое оформление в различных правовых системах, каждая из которых решает эту проблему в соответствии с целевыми установками, потребностями и интересами данного общества, установленным объемом демократических прав и свобод. Такова реальность сегодняшнего дня.

Любые попытки перенести теоретические и идеологические разногласия в область политики, межгосударственных отношений подрывают доверие между странами и существующими социальными системами, разъединяют людей по религиозному признаку, сужают сферы сотрудничества и взаимопонимания. Терпимое отношение к иным мировоззренческим представлениям и ценностным ориентирам представляет собой важную компоненту формирующегося нового мышления.

Современный этап в развитии представлений о свободе совести и вероисповедания условно можно отнести к XX в., когда были приняты основные документы по данной проблеме в мировом сообществе, идущем по пути глобализации и интеграции мира. В этой связи хотелось бы остановиться на их аналитической оценке.

В международном праве нет нормативного акта, который исчерпывающим образом перечислял бы общепризнанные его принципы и нормы. Поэтому в правоприменительной практике следует опираться на такие международные акты по правам человека и свободе совести, как: Всеобщая декларация прав человека, Международный пакт о гражданских и политических правах, Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, Итоговый документ Венской встречи 1989 года представителей государств-участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе и др.

Принцип свободы религии и свободы совести рассматривается в качестве основополагающей правовой, социальной и политической нормы, распространяемой на все сферы общественных отношений. Поэтому, по мнению западных религиоведов и юристов, правовые нормы, регулируя реализацию этого права, должны одновременно обеспечивать защиту от вмешательства государства и его органов в сферу личной свободы.

Современные мировые тенденции, связанные с поиском путей интеграции различных общественных групп и слоев в решении глобальных проблем современности, как никогда раньше утверждают значимость принципов социальной справедливости и социального равноправия всех членов общества независимо от их отношения к религии и атеизму. Следовательно, международные документы, регламентирующие права человека, должны включать в себя на паритетной основе как права верующих, так и права неверующих, атеистов и свободомыслящих. В противном случае либо одна крайность, либо другая проявляются в той или иной социальной системе, в конкретном государстве в виде нарушения прав человека.

В годы после окончания второй мировой войны свобода вероисповедания превратилась из идеи в одно из фундаментальных прав человека, которые должны признавать и обязаны защищать все государства в мире. С

принятием Всеобщей декларации прав и свобод человека в 1948 г. (приложение 2) начинается новая эпоха в формировании правовых гарантий реализации прав человека, в т.ч. права на свободу совести. В соответствии со ст. 18 Всеобщей декларации прав человека «каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии; это право включает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком в учении, богослужении и выполнении религиозных и ритуальных порядков». Пункт 2 ст. 29 гласит: «При осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться только тем ограничениям, какие установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе».

В декларации прямо сказано, что религиозные различия между людьми необходимо уважать. Это включает в себя политический принцип, согласно которому ключевая роль государства заключается в том, чтобы защищать религиозный выбор, а не насаждать религиозный конформизм. Большинству современных государств потребовались столетия, даже тысячелетия религиозных войн и религиозных преследований, чтобы прийти к этому положению, но сейчас данный принцип пользуется широким признанием. Следует отметить, что Декларация 1948 г. послужила моделью при определении стандартов прав человека для новейших конституций, принятых во многих странах мира, в т.ч. в Российской Федерации. Современный принцип свободы вероисповедания, в соответствии с которым государство декларирует своей нейтралитет в религиозных вопросах, оставляя каждому гражданину возможность на основе собственного человеческого достоинства принимать те или иные религиозные убеждения, не опасаясь репрессий, является продуктом эпохи Просвещения. Он получил международное признание во Всеобщей декларации прав человека 1948 года, что, несомненно, стало важной вехой в эволюции свободы вероисповедания во всем мире.

Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (1950) в содержании статьи 9 затрагивает тему свободы вероисповедания. Характерной особенностью этой статьи является заявка на ее применимость «к каждому» человеку. Это одно из фундаментальных достижений закона о свободе религии в XX веке. В отличие от более ранних схем обеспечения свободы веры ее защита в этой статье не ограничивается только гражданами какой-либо страны. Иностранцы, постоянно проживающие на территории страны или попавшие временно, тоже попадают под действие этого закона. Кстати это право распространяется не только на верующих. После второй мировой войны все чаще стало признаваться, что свобода совести и вероисповедания должна относиться не только к религиозным, но и к философским мировоззрениям. Более современные формулировки защищают также права религиозных групп. Таким образом, свободу веры теперь

понимают как общечеловеческую ценность. В последнее время это положение часто подвергается нападкам со стороны мусульманских кругов, требующих гарантии свободы вероисповедания только гражданам страны.

Права на свободу смены религии и веры – одна из проблем современного права. В рамках этой проблемы есть свои подвижки. Так, например, законы о призыве на военную службу обычно освобождают от ее несения тех, кто сознательно отказывается носить оружие, но эти законы не всегда чувствительны к смене религиозной веры, которая случается во время службы. В соответствии с положением ст. 9 и другими документами по правам человека свобода веры не может регулироваться государством. Регулированию могут быть подвержены только внешние проявления религии.

Другим расширением свободы веры является Декларация свободы богослужения в узком понимании. В практическом смысле начальные варианты богослужения не уходят от домашнего очага. Верующий может пригласить соседей или друзей для богослужения. Разрешение коллективного богослужения в церковных и иных зданиях. Такое понимание свободы распространяется только на само богослужение, в противоположность иным проявлениям религиозных чувств (посещение больниц или организаций спортивных соревнований). В ст. 9 признается право на свободу веры, которое распространяется и на общественное, и на частное поведение («исповедовать религию как единолично, так и сообща»). Распространение свободы веры на общественную сферу (исповедовать публичным или частным порядком) и на поведение верующих. Статья 9 распространяет действие свободы вероисповедания за пределы богослужения, право на «учение, отправление религиозных и ритуальных обрядов», преподавание религии, обучение, защита учрежденческих структур (семинарий), отправления обрядов, посты, праздники, воздержание от лечения, посвящения, устройство церковных судов, религиозных фестивалей. Но в этой статье есть и ограничения: она распространяется не на все виды деятельности, вызванные религиозными мотивами. Если религиозный человек выдвигается на выборную должность, например, то это не значит, что для этого требуется особая формулировка защиты права на свободу вероисповедания. Тот факт, что религиозные убеждения могут позволить женщине решиться на аборт, еще не значит, что право на аборт тоже относится к сфере прав на свободу вероисповедания. То есть существуют границы, иначе права на свободу вероисповедания будут разбавлены водой дополнительных прав и потеряют усиленную законодательную защиту.

Усиление государственных ограничений этих прав – явная тенденция нашего времени. Главное, что следует помнить – ограничениям могут подвергаться только внешние проявления веры. Хотя правило законодательного сдерживания и давало некоторые гарантии того, что государство не будет злоупотреблять властью, история показала, что только сдерживания оказалось недостаточно. Серьезные случаи преследования по религиозным мотивам в течение двух последних веков проходили под

личиной нейтрального права. Для этого достаточно закона, запрещающего населению заниматься какой-либо конкретной деятельностью, если эта деятельность относится к какой-либо группе верующих. Часто это случается и не по злему умыслу. Поэтому более прогрессивные законодательные системы добавили еще один тип сдерживания ограничений свободы вероисповедания. Статья 9 требует, чтобы свобода проявления религии подвергалась только «ограничениям, необходимым в демократическом обществе, в интересах общественной безопасности». Вмешательство в дела религии должно быть оправдано «настоятельной социальной необходимостью», «пропорционально преследуемой законодательной цели». Страны, находящиеся под юрисдикцией Страсбургского суда, опираются на эти принципы. В США это соответствует требованию Закона о восстановлении свободы вероисповедания.

Если Всеобщая декларация прав и свобод человека связала все подписавшие ее государства моральным обязательством, то более поздние документы пошли еще дальше, введя правовое обязательство исполнять ее общие принципы. Так, Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 года, ратифицированный на сегодняшний день 144 странами, запрещает религиозную дискриминацию, как сказано в п. 1 ст. 2, «без какого бы то ни было различия, как-то: в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного положения, рождения или иного обстоятельства». Статья 18 не только гарантирует те же права, что перечислены в ст. 18 Всеобщей декларации, но и дополняет их другими правами, включая право родителей обеспечивать религиозное воспитание своих детей в соответствии со своими собственными убеждениями. Статья 20 запрещает подстрекательство к религиозной ненависти, а ст. 27 определяет, что представителям этнических, религиозных и языковых меньшинств не может быть отказано в праве жить в своей культуре. Кроме того, Международный пакт 1966 года дает широкое толкование понятия религии, которое включает в себя как теистические, так и нетеистические религии, а также «редкие и практически неизвестные вероисповедания».

Кроме того, Генеральная Ассамблея ООН ранее, 12 декабря 1960 г., приняла резолюцию, осуждающую «все проявления и практики расовой, религиозной и национальной ненависти в сферах политики, экономики, образования и культуры» как нарушения устава ООН и Всеобщей декларации прав человека. Это было связано с «эпидемией свастики» и давлением африканских стран по данной проблеме. Декларация о ликвидации всех видов расовой дискриминации была провозглашена резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1963 г. Конвенция вступила в силу 4 января 1969 г., она стала одним из наиболее широко ратифицированных правовых актов в области прав человека. В ст. 5 содержатся обязанности государств, запрещающие расовую дискриминацию и гарантирующие всеобщее право на равенство перед законом, особенно в

реализации некоторых прав, в числе которых право «на свободу мысли, совести и религии».

Определение дискриминации, данное в Конвенции, полезно для толкования общего смысла понятия дискриминации как любого различия, исключения, ограничения или предпочтения, основанного на расе, цвете кожи, генетическом, национальном или этическом происхождении, и имеющего своей целью или результатом аннулирование или умаление признания, предоставления или реализации на равной основе человеческих прав и фундаментальных свобод в политической, экономической, социальной, культурной или любой другой области общественной жизни. Положения Конвенции применимы к ситуациям, в которых этнические и религиозные характеристики совпадают, как в случаях дискриминации евреев, сикхов, курдов, армян или других групп, где религиозную принадлежность невозможно отделить от этноса. Религия в большей степени, чем любой другой фактор, зачастую оказывалась главным компонентом в сохранении самобытности, единства и исторического развития этнических групп, народов или наций.

Орган, проводивший в жизнь принципы Конвенции, – Комитет по ликвидации расовой дискриминации. Исполнение Конвенции основывается на системе докладов. В число обсуждавшихся вопросов входили: политика правительства, побуждающая к обращению в исламскую веру в Бангладеш; антисемитская деятельность в Австрии; положение мусульманского меньшинства в Греции. В круг рассматриваемых проблем входило также рассмотрение положения различных церквей в СССР и Восточной Европе.

В конвенциях довольно часто рассматривался и вопрос пола и религии. Некоторые религии, в том числе основные, даже сегодня не соблюдают принцип полного равенства мужчин и женщин. Конвенция 1979 г. о ликвидации всех форм дискриминации относительно женщин констатировала, что «наиболее всеобъемлющие доводы государств против международных норм, гарантирующих права женщин, и их применения, сформулированы со ссылкой на защиту религии», следовательно довольно часто имеют место быть конфликты между правами женщин и свободой религии.

Декларация ООН о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений (приложение 2) провозглашена резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 25 ноября 1981г. В настоящее время это наиболее важный международный правовой акт в отношении религиозных прав и запрещения нетерпимости или дискриминации. Декларация не носит обязательного характера, но обладает авторитетом официального заявления ООН, выражающего настроения, которые преобладают в международном сообществе на данном этапе. Но она имеет правовой эффект и подразумевает желательность ее выполнения членами международного сообщества в такой степени, что может считаться изложением норм общего международного права.

Современные мировые тенденции, связанные с поиском путей интеграции различных общественных групп и слоев в решении глобальных проблем современности, как никогда раньше утверждают значимость принципов социальной справедливости и социального равноправия всех членов общества независимо от их отношения к религии и атеизму. Следовательно, международные документы, регламентирующие права человека, должны включать в себя на паритетной основе как права верующих, так и права неверующих, атеистов и свободомыслящих. В противном случае либо одна крайность, либо другая проявляются в той или иной социальной системе, в конкретном государстве в виде нарушения прав человека.

В условиях новой объединенной Европы родилась и новая интерпретация международных норм свободы вероисповедания. Главные положения свободы вероисповедания сформулированы в Принципах 16 и 17 Итогового документа Венской встречи 1989 г. (приложение 2). Они содержат замечательный список особых требований, помогающих избежать распространения нарушения прав на свободу вероисповедания. Они служат полезным «сборником» конкретных норм свободы вероисповедания, признанных во всей Европе, включая бывший Советский блок, в США и Канаде в результате хельсинского процесса, и хотя решения этого процесса не являются формальными юридическими обязательствами, но удерживают участников политически.

Принцип 16. С целью обеспечить свободу личности исповедовать религию или веру государства-участники будут среди прочего:

16.1 – принимать эффективные меры по предотвращению и ликвидации дискриминации лиц или убеждений на почве религии или убеждений в отношении признания, осуществления и пользования правами человека и основными свободами во всех областях гражданской, политической, экономической, социальной и культурной жизни и по обеспечению действительного равенства между верующими и неверующими;

16.2 – способствовать климату взаимной терпимости и уважения между верующими различных объединений, а также между верующими и неверующими;

16.3 – предоставлять по их просьбе объединениям верующих, исповедующих или готовых исповедовать свою веру в конституционных рамках своих государств, признание статуса, предусмотренного для них в соответствующих странах.

Статья не приводит различия между «местными» и «иностранными» общинами верующих, государства обязаны предоставлять признание статуса, данного им в соответствующих странах. Законы, регулирующие приобретение статуса юридического лица, должны способствовать свободе совести. Отказ от юридического признания есть отказ в праве на свободу вероисповедания, так как без него религиозные организации даже не в состоянии приобретать собственность. Отказ может быть допустим только тогда, когда требуется защита каких-либо важных государственных

интересов, причем если такой защиты нельзя добиться менее жестким способом.

Существует упрощение процедур приобретения статуса юридического лица, исходя из презумпции того, что религиозная организация невиновна и достойна обеспечения ее прав на свободу вероисповедания до тех пор, пока не будет доказано противоположное. С нарушениями следует разбираться, но отказывать в регистрации – недопустимый вид предварительного контроля.

16.4 – обращение к вопросам права религиозной общины – на самоуправление и самоопределение: возможность строить, арендовать, иметь в собственности здания, соответствующие обрядам и религиозному поведению. Правилами использования земли нельзя манипулировать так, чтобы места богослужений оказывались пространственно отделенными от расположения религиозных общин.

Вмешательство государства в иерархическую структуру наносит удар пониманию религиозной организации самой себя; способ подбора персонала церкви – тоже сфера самостоятельности религиозной организации. Поэтому следует уважать право религиозных организаций:

- основывать и содержать свободно доступные места богослужений и собраний;

- организовываться в соответствии со своей собственной иерархической и институционной структурой;

- выбирать, назначать и заменять свой персонал согласно своим соответствующим требованиям и стандартам, а также любым свободно достигнутым договоренностям между ними и их государством;

- испрашивать и получать добровольные финансовые и другие пожертвования.

16.5 – вступать в консультации с религиозными культурами, учреждениями и организациями с целью достижения лучшего понимания потребностей религиозных свобод;

16.6 – уважать право каждого давать и получать религиозное образование на языке по своему выбору или индивидуально, или совместно с другими;

16.7 – уважать среди прочего свободу родителей обеспечивать религиозное и нравственное воспитание своих детей в соответствии со своими собственными убеждениями;

16.8 – разрешать подготовку религиозного персонала в соответствующих учреждениях;

16.9 – уважать право верующих и религиозных организаций приобретать и использовать священные книги и религиозные издания на языке по своему выбору и другие предметы и материалы, относящиеся к использованию религии или веры, и владеть ими;

16.10 – разрешать религиозным культурам, учреждениям и организациям производить, импортировать и распространять религиозные издания и материалы;

16.11 – благожелательно рассматривать заинтересованность религиозных организаций в участии в общественном диалоге, в том числе через СМИ.

Принцип 17. Государства-участники признают, что осуществление вышеупомянутых прав, относящихся к свободе религии или убеждений, может подлежать лишь таким ограничениям, которые установлены законом, совместимы с их обязательствами по международному праву и их международными обязательствами. Они будут обеспечивать в своих законах и административных правилах и при их применении полное и эффективное осуществление свободы мысли, совести, религии или убеждений.

Статья 16.1 – особенно важна для религиозных меньшинств. Личности и общности нуждаются в гарантиях, что они не будут страдать от дискриминации больше других;

Статья 16.3 – о предоставлении юридического статуса религиозным организациям или группам нужна, чтобы процедура признания не являлась слишком бюрократической и была гибкой, способной учесть организационные особенности разных конфессий.

Правила, регулирующие финансовую деятельность, не должны давать возможности дискриминации каких-либо групп.

Статьи 16.6 и 16.7 – о религиозном образовании и обучении полезны для снятия напряженности между разными конфессиями, если оставить религиозное образование на попечении семьи и церкви без вмешательства государства. Нельзя допускать, чтобы требования школьных программ образовательной системы находились в конфликте с искренними убеждениями и обрядами.

Статьи 16.8 и 16.9 – защита прав на приобретение, обладание, производство, ввоз и распространение религиозной литературы обеспечивает облегчение людям доступа к информации, на которой основаны верования. Кроме книг это могут быть другие средства передачи информации (фильмы, видеозаписи и др.). Происходит также обеспечение права обмениваться взглядами со сторонниками других религий.

Решения Европейского суда по правам человека не исключают возможности крайних случаев, когда людей привлекают обманом или насильственно, что уголовно наказуемо, но эти решения одновременно защищают миссионерскую деятельность.

В действительности вышеперечисленные международные документы имеют обязательную силу только для тех государств, которые предпринимают шаги по приданию им правового статуса. Иными словами, они не вступают в силу автоматически. Положения о защите свободы вероисповедания, содержащиеся в этих международных документах, не имеют силы закона, однако они уже определяют форму законодательства о правах человека в государствах-участниках и составляют одну из ключевых черт развивающегося и, хотелось бы надеяться, более мирного мирового порядка. Тем не менее, сегодняшний мир – это мир, в котором религия по-прежнему служит источником серьезного раздора, а фундаментальные принципы религиозной свободы нарушаются чаще, чем соблюдаются.

Огромное количество религиозных конфессий в современном мире, их разнообразие связано с различиями в религиозных представлениях,

особенностями исторического пути, традициями и обычаями отдельных народов. Довольно часто это явление становилось причиной непонимания, а иногда – серьезных разногласий и даже вражды между различными религиями и церковными организациями. К сожалению, конец II и начало нового III тысячелетия не стали исключением – достаточно вспомнить межконфессиональные войны и этноконфессиональные конфликты в Ливане, Северной Ирландии, Индии, арабо-израильскую, боснийскую, сикхскую проблемы и т.п.

В целом преследования на религиозной почве продолжают оставаться серьезной проблемой во всем мире, несмотря на предпринятые мировым сообществом значительные шаги (особенно после второй мировой войны) по борьбе с этим явлением. Это служит отрезвляющим напоминанием о том, что декларации, конвенции и другие документы нелегко провести в жизнь. Государства должны серьезно относиться к положениям международных договоров о правах человека, интегрируя их в свои правовые системы.

Современная, светская по своему характеру, концепция прав человека в приложении к политическому упорядочиванию культурного и религиозного многообразия на основе толерантности породила основное онтологическое противоречие современности, остро актуализировавшееся в современном перестраивающемся мире: противоречие между моралью, правом, свободой и справедливостью. Так, например, свобода мысли, совести и вероисповедания является одной из основ демократического общества и защищена Статьей 9 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Эта свобода — один из наиболее важных элементов, связанных с индивидуальностью верующих и их пониманием жизни. Гарантируя эту свободу, Статья 9, тем не менее, при определенных условиях допускает ограничение ее выражения. Вопрос репрезентации религиозных символов в публичной сфере, особенно в системе образования, рассматривался Европейским судом по правам человека¹. Ввиду относительной нехватки консенсуса среди государств — членов Совета Европы в том, что касается религии, Суд имел тенденцию предоставлять государствам значительную — хотя не безграничную — «степень допустимого отклонения», т.е. свободу выбора в данной области. По мнению Ю. Хабермаса, принятие факта мировоззренческого плюрализма вынуждает религиозные учения осуществлять саморефлексию, благодаря которой верующие оказываются в состоянии усвоить мораль, признающую права человека. Это, помимо прочего, имеет следствием отказ от средств политического принуждения к следованию истинам веры (Glaubenswahrheiten) и признание добровольности религиозного объединения².

¹См. например: Куртулмуш против Турции, № 65500/01, решение от 24 января 2006 г.; Лейла Шахин против Турции, решение от 10 ноября 2005 г. (Большая Палата); Дахлаб против Швейцарии, решение от 15 февраля 2001 г.

² Хабермас Ю. Когда мы должны быть толерантными? О конкуренции видения мира, ценностей и теорий // Социологические исследования. 2006. № 1. С. 50.

В документе «Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека» указывается, что «с точки зрения Православной Церкви, политико-правовой институт прав человека может служить благим целям защиты человеческого достоинства и содействовать духовно-нравственному развитию личности. Для этого реализация прав человека не должна вступать в противоречие с богоустановленными нравственными нормами и основанной на них традиционной моралью. Индивидуальные права человека не могут противопоставляться ценностям и интересам Отечества, общины, семьи. Осуществление прав человека не должно быть оправданием для посягательства на религиозные святыни, культурные ценности, самобытность народа»¹. В цитируемом церковном документе отражено как раз такое понимание иерархии ценностей, согласно которому концепция прав человека воспринимается в качестве эффективного инструмента защиты достоинства каждой человеческой личности только в том случае, если свобода выбора не становится инструментом злоупотреблений.

Именно этот важный смысловой компонент концепции прав человека является одним из предметов межрелигиозного взаимодействия. Сфера прав человека и соответствующих документов секулярна в смысле своей идеологии и реализуемых подходов, но не может и не должна быть намеренно изолирована от воздействия традиционных нравственных подходов, которые присущи религиозному мировоззрению. Напротив, религиозные убеждения, которыми руководствуется подавляющее большинство населения планеты, в состоянии обеспечить смысловые ориентиры и сущностное наполнение деятельности в области прав человека.

7.9. Диалог культур как способ решения межконфессиональных проблем

Преобладающее большинство народов нашей страны на протяжении веков сложились как этнические общности на территории России, и в этом смысле они являются коренными народами, сыгравшими историческую роль в формировании российской государственности. Благодаря объединяющей роли русского народа на территории России сохранились уникальное единство и многообразие, духовная общность и союз различных народов. При этом указывается, что в духовной сфере развития общества важным является «учет взаимосвязи национальных обычаев, традиций и обрядов с религией, поддержка усилий религиозных организаций в миротворческой деятельности»².

Образование «евразийской» или «собственно российской» культуры было обусловлено тем, что Российское государство исторически создавалось на принципе диалога разных культур. Этот диалог изначально предполагал

¹ П. III.5. Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека. 26.06.2008. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/428616.html>

² Концепция государственной национальной политики Российской Федерации. Постановление Правительства РФ от 1 мая 1996 г. №547.

поиск и выработку системы ценностей и норм взаимовыгодного сосуществования разных культур.

Являясь манифестацией условия единства общей культуры, диалог, таким образом, обеспечивал сосуществование многих конкретных этнических, социальных и конфессиональных групп. Следовательно, сохранение исторического наследия всех народов России в лоне евразийского этнокультурного пространства, формирование в социуме атмосферы уважения к их культурным ценностям, возрождение и развитие национальной самобытности и традиций взаимовлияния славянских, тюркских, кавказских и других народов России представляется одной из главных задач современного российского общества.

При этом важно, чтобы все стороны той или иной проблемы рассматривались целостно и во взаимодействии, без наделения одной из них примата всеопределяющей роли. Межконфессиональные проблемы неотделимы от проблем межэтнических и межкультурных, и поэтому осмысление их роли в современном российском обществе требует разумной оценки, которая позволила бы провести вектор консолидации сил на пути построения демократического общества и государства.

Рост конфессионального разнообразия России обусловлен рядом причин: присоединение к ее составу новых областей (концепция колонизации сопредельных территорий); свободная иммиграция в страну иноземцев, а также современная волна иностранных проповедников; образование новых конфессий в разные исторические периоды в результате расколов или объединений. При этом важно учитывать, что в одних случаях конфессия отождествлялась с конкретной этнической культурой, в других случаях несколько конфессий представляли одну этническую культуру.

Россия не является, и никогда не была мононациональной и моноконфессиональной. Она изначально складывалась как общее государство восточных славян, угров-финнов и тюрков, а в последние два века — и народов Северного Кавказа, Закавказья и Средней Азии, как общая родина христиан и мусульман, буддистов и последователей иных национальных религий.

Большую роль в становлении такого единства сыграла религия. Развитие межконфессиональных отношений в России в разные периоды истории носило своеобразный характер. В царской России взаимоотношения между религиозными организациями на институциональном уровне практически отсутствовали, будучи ограниченными системой, предусматривающей законодательное различие в статусе конфессий, определявшей их положение, и делившей их на категории: «первенствующая» Русская православная церковь, являвшаяся государственной церковью (и подчинявшаяся Синоду, включенному по указу Петра в состав 12 коллегий), «иностранный исповедания», или «терпимые», то есть религии народов, так или иначе оказавшихся в составе России (сюда входили ислам, буддизм, протестантизм и католицизм, и их деятельность была ограничена), и, наконец, «раскольники», чья деятельность была запрещена.

После Октябрьской революции, когда был провозглашен принцип отделения церкви от государства, новые власти стали активно бороться с религией, воспринимая ее как «пережиток прошлого». Религиозность стала рассматриваться как разновидность гражданской неблагонадежности и неполноценности. Произошел массовый отход от церкви. В стране велась активная пропаганда атеизма.

После Великой Отечественной войны межконфессиональные взаимоотношения оживились и в основном сводились к совместным акциям в защиту мира (с 1949 года), иницилируемых государством, а также к участию с 1961 года ряда христианских церквей в деятельности Всемирного Совета Церквей в рамках протестантско-православного диалога. В этот исторический период государство применяло административные методы управления и контроля в области межконфессиональных отношений, поэтому эти отношения носили формальный характер, нежели содержательно деловой.

Следует отметить, что опыт взаимодействия, накопленный в советский период, позволил конфессиям (пусть только на институциональном уровне) активно участвовать в общественно-политической жизни.

Процесс возрождения национального и религиозного самосознания, начавшийся в нашей стране в период перестройки, носил внутренне противоречивый характер. В результате демократических преобразований значительное изменение претерпел характер межконфессиональных отношений. Принятие в 1990 году Закона «О свободе вероисповеданий», а также изменение политической обстановки позволило конфессиям сменить искусственную регуляцию их взаимоотношений посредством административных методов государственного контроля на правовые способы регуляции межконфессиональных отношений. Во-первых, законодательное установление свободы религиозной деятельности и пропаганды учений привело к обострению конфликта на почве борьбы за паству. Во-вторых, их развитие существенно коррелировалось осложнением межнациональных отношений и возникновением межэтнических конфликтов. В-третьих, ситуацию в религиозной сфере значительно усложнило проникновение в Россию зарубежных религиозных движений и возникновение отечественных религиозных новообразований.

Совокупность этих факторов поставила перед обществом задачу сохранения опыта межконфессионального взаимодействия, накопленного за всю историю России, а государственное участие в них направить на путь равноправного диалога в пространственном поле культуры.

Предпринятый некоторыми конфессиями поиск идейной платформы взаимопонимания и совместных действий был вызван необходимостью адаптации к новым условиям и решения назревших проблем. Реализация этих идей нашло отражение в деятельности Российского отделения Международной ассоциации религиозной свободы (МАРС), проведении ряда конференций с участием представителей различных конфессий и т.д. Объективная потребность в межконфессиональном диалоге вызвала к жизни

создание Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте РФ.

На заседаниях этого Совета представителями разных конфессий обсуждаются проблемы совершенствования государственно-церковных отношений в России на этапе развития демократических реформ, рассматриваются проекты новых федеральных законов. Например, «О внесении изменений и в Федеральный закон «О некоммерческих организациях», «О внесении изменений и дополнений в Закон «О свободе вероисповеданий», «Об альтернативной гражданской службе», анализируются перспективы возможного межконфессионального взаимодействия в достижении консолидации российского общества и др.¹

Особенностью современных межконфессиональных отношений на Северном Кавказе, в том числе и в Дагестане является их теснейшая связь с межнациональными отношениями, где последние «задают вектор» развития многих социокультурных процессов. Представляется, что теоретическая модель развития поиска предельных оснований нашего общества должна учитывать национально-культурное многообразие дагестанского населения.

При этом следует исходить из того, что многонациональность не является источником проблем, а являет собой дополнительный ресурс для духовного возрождения человека, устойчивого экономического развития. Препятствия, мешающие полноценному диалогу культур различных этносов, необходимо преодолевать на путях выработки универсальных ценностей.

Необходимо подчеркнуть, что система ценностей каждой культуры содержит как способствующие сохранению и развитию ее самобытности, так и обеспечивающие открытость, способствующие диалогу с другими культурами ценности. Они имеют большое значение в становлении конструктивных межконфессиональных и межэтнических отношений, влияющих на стабилизацию положения в современном дагестанском обществе и построение в России в целом демократического общества.

С первых шагов своего существования дагестанская народность формировалась как особый культурно-исторический тип в общем потоке евразийского цивилизационного процесса.

Россия и мусульманский восток явились двумя составляющими развития дагестанских народностей, и через их противостояние реализовался механизм их саморазвития. Дагестанские народности, начав формировать свою культуру в языческих и мифологических формах, минуя их рационализацию в парадигмах собственной культуры по типу античности, сразу заменили их мусульманской верой.

Особенно важно подчеркнуть, что такой шаг был вызван не проблемой экономического или социо-культурного отставания, а носил скорее чисто политический характер поиска интеграцию с восточной мусульманской культурой. Следовательно, процесс исламизации Дагестана, хотя и шел со

¹ Вопросы философии, Сб. статей, вып. 8., М., 2001. С. 404.

своими отличительными особенностями, но все же имел общекавказские культурные истоки, коренившиеся в древних духовных традициях.

Важно учитывать, что в России, в том числе и в Дагестане, этногенез шел медленнее, чем в Европе. Это позволяет говорить о тенденции слияния у дагестанских народностей таких понятий, как конфессиональная и этническая идентичность. Это определялось тем, что в Дагестане этнические границы были слабо выраженными, а этно-групповые идентичности не имели взаимоисключающий, множественный характер.

Эти идентичности перекрывались более мощными формами лояльности, основанными на религиозных, кланово-династических и других отношениях. Подобная особенность Дагестана не являлась формой отставания от других регионов России, а выражала специфический характер ее культуры, для которой всегда была характерна своя скорость развития.

В анализе проблемы принятия Россией, в том числе и дагестанскими народностями, ценностей западной культуры необходимо учитывать особенность постсоветского геополитического пространства и населяющих его народов: идеалы дружбы и сотрудничества национальностей (и репрезентирующих национальные культуры конфессий), заложенные в период существования СССР, до сих пор сохраняют статус социально значимых ценностей, а межнациональные и межконфессиональные конфликты не имеют глубоких корней в обществе, и скорее всего, являются следствием экономической нестабильности и политических интриг.

Поэтому в построении диалога культур необходимо учитывать специфические особенности российской культуры. Однако, при этом не стоит отказываться от перспективы диалога с европейской культурой (например в адаптации к российским условиям ценностей «открытого общества»), а находить основу для диалога на равных началах.

Диалог культур как методологический прием решения межкультурного взаимодействия является достоянием русской философской мысли, особенно со 2-й половины 20 века. При этом, как правило, основное его практическое приложение находилось в области педагогики, в то время как идея диалога культур была идеей междисциплинарной (находившей свое приложение в культурологии, филологии, истории, психологии, философии). При этом необходимо учитывать и тот факт, что единого понимания (как собственно и единой концепции) диалога культур нет. В. С. Библер определял диалог как «не только эвристический прием усвоения монологического знания и умения, но определение самой сути и смысла, усваиваемых и творчески формируемых понятий (понятие диалогично по своей логической природе и по своей психологической для создания данности). Важно, однако, помнить, что речь идет о диалоге культур, общающихся между собой в контексте современной культуры¹.

¹ Библер В. С. Школа диалога культур: введение в программу // Теоретико-методологические и методические проблемы. М., 1994.

М. М. Бахтин понимал диалог как универсальный метод исследования не только человеческой личности, но и всех видов духовной культуры человечества, когда культурная основа делает диалог жи-вой потребностью повседневного быта людей. В процессе общения происходит диалог культур, который ускоряет и обогащает развитие каждой культуры. По мнению ученого, «истина не рождается и не находится в голове отдельного человека, она рождается между людьми, совместно ищущими истину, в процессе диалогического общения»¹.

Диалог, в котором происходит узнавание и самоузнавание культур, взаимообогащение и стимулирование их развития, создает и сам фон, от качества которого зависит четкость контуров взаимодействующих систем. При этом межконфессиональные отношения, с одной стороны, могут рассматриваться как конкретный диалог культур, но, кроме того, в такой встрече культур есть богословский и бытовой уровни, каждый из которых обладает специфическими особенностями.

В контексте данной проблематики под диалогом культур необходимо понимать диалог конкретных национальных, этнических культур, получивших определенное профессиональное выражение, однако в такой же мере подобное выражение может быть в отношении культур социальных слоев (городской и сельской), культур различных общественных систем и т.д.

Идея диалога как формы межкультурного взаимодействия позволяет рассматривать явление межконфессиональных отношений в системе культуры. При таком подходе диалог культур выступает аксиологичным основанием (диалог как ценность или признание ценности другого) решения межконфессиональных противоречий, а его цель — создание новой культурной среды, в которой догматические противоречия отступали бы на второй план и не мешали формированию общественного согласия последователей разных религий. Полифония культур, их самобытность, раскрывающаяся в диалоге, является реальностью современной цивилизации, поэтому осмысление межконфессиональных отношений как диалога культур позволит найти не только пути преодоления существующих противоречий, но и предотвращения возможных конфликтов в будущем.

¹ Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979, С. 126.

Литература

1. Абдулагатов З. Российские православные и мусульмане: общие проблемы разные взгляды // *Общественные науки и современность*. 2004. №2.
2. Абдулатипов Р.Г. Судьба ислама в России. М., 2002.
3. Актуальное прошлое — Об этноконфессиональном многообразии в истории России. URL: <http://shperk.ru/friends/2009/07/aktualnoe-proshloe-ob-etnokonfessionalnom-mnogoobrazii-v-istorii-rossu>
4. Андреева Л.А. Религия и власть в России. Религиозные и квазирелигиозные доктрины, как способ легитимизации политической власти в России. М., 2001.
5. Асмолов А.Г., Солдатова Г.У., Шайгерова Л.А. О смыслах понятия «толерантность» // *Век толерантности: научно-публицистический вестник*. 2001. № 1-2. С. 9.
6. Атлас современной религиозной жизни России. В-3-х т. / Отв. ред. М. Бурдо, С. Филатов. М., СПб., Т. 1. 2005.; Т. 2. 2006; Т. 3. 2007.
7. Афанасьев Я.А. О том, почему в обеспечении веротерпимости в современном российском обществе более заинтересованы органы государственной власти, чем сами конфессии // *Насилие и ненасилие: философия, политика, этика*. М., 2003.
8. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979, С. 126.
9. Белл Д. Культурные противоречия капитализма // *Религия и общество. Хрестоматия по социологии религии / Сост. В.И. Гараджа, Е.Д. Руткевич*. М., 1996. С. 699-703.
10. Белла Р. Привычки сердца // *Религия и общество*.
11. Белла Р. Привычки сердца // *Религия и общество*.
12. Белла Р. Социология религии//*Американская социология*. М., 1972. С. 274-281.
13. Библер В. С.Школа диалога культур: введение в программу // *Теоретико - методологические и методические проблемы*. М., 1994.
14. Буттаева А.М. Исламское возрождение на Северном Кавказе: теоретические и прикладные аспекты Монография. –Махачкала: 2011. 188 с.
15. Вопросы философии, Сб. статей, вып. 8., М., 2001. 404.
16. Выступление на заседании Президиума Госсовета, состоявшемся в Уфе 10 февраля 2011 г., в котором Президент Д.А. Медведев отметил, что Россия не поддерживает отказ от идей мульти- культурализма, провозглашенный главами некоторых европейских государств. См. также Выступление на педагогическом совещании в Адыгее 19.08.2011. URL: http://www.gazeta.ru/news/lenta/2011/08/18/n_1972169.shtml
17. Выступление Президента РФ Д.А. Медведева на Заседании Президиума Госсовета о мерах по укреплению межнационального согласия. Уфа. 11.02.2011 // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://президент.рф>
18. Гегель Г.В.Ф. Философия религии: В 2 т. - М., 1975. Т. 1.

19. Гуревич П.С. Религиоведение: учебник / П.С. Гуревич. - М.; Воронеж, 2005. - 340 с.
20. Джон В. Берри, Айп Х. Пуртинга, Маршалл Х. Сигал, Пьер Р. Дасен. Кросс-культурная психология. — Харьков, 2007. С. 382.
21. Жижек Славой. Хрупкий абсолютизм, или Почему стоит побороться за христианское наследие. М., 2003.
22. Зиммель Г. К социологии религии // Избранное. Т. 1. Философия культуры. М., 1996.
23. Зиммель Г. Проблема религиозного положения // Избранное. Т. 1. Философия культуры. М., 1996.
24. Конституция Российской Федерации. М., 1993.
25. Концепция государственной национальной политики Российской Федерации. Постановление Правительства РФ от 1 мая 1996 г. №547.
26. Леонидов Ф. Введение в вероучение народов мира: учеб.-метод. пособие / Ф. Леонидов. - М.: Флинта; Изд-во МПСИ, 2005. - 128 с.
27. Манхейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994. С. 503-571.
28. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. – М., 1966.
29. О свободе вероисповеданий // Ведомости Верховного Совета СССР. М., 1993. №12. О свободе совести // Ведомости Верховного Совета РСФСР. М., 1993 №12.
30. П. Ш.5. Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека. 26.06.2008. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/428616.html>
31. Панкин С.Ф. Религиозная антропология: конспект лекций / С.Ф. Панкин. - М.: Флинта; Изд-во МПСИ, 2006. - 200 с.
32. Религиоведение. Хрестоматия / Авт.-сост. П.И. Костюкович. – Минск, 2000.
33. Религия и общество Хрестоматия по социологии религии / сост. В.И. Гараджа, Е.Д. Руткевич. - М.: Аспект Пресс, 1996. - 775 с.
34. Савельев В.Н. Свобода совести: история и теория. – М., 1991.
35. Самыгин С.И. Религиоведение: социология и психология религии / С.И. Самыгин и др. Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. - 672 с.
36. Себенцов А.Е. Развитие религиозной ситуации в современной России // Власть. 2009. № 7.
37. Семенов И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И. Идентичность в системе координат мирового развития // ПОЛИС. Политические исследования. 2010. № 3.
38. См. Гречко П.К. Различия: от терпимости к культуре толерантности. - М.: РУДН, 2006. С. 296-306.
39. Сравнительное изучение цивилизаций: хрестоматия / сост. Б.С. Ерасов. - М.: Аспект Пресс, 1998. - 556 с.
40. Тиллих П. Мужество быть // Избранное. Теология культуры. М., 1995.

41. Тиллих П. Христианство и встреча мировых религий // Избранное. Теология культуры. М., 1995.
42. Трофимова З.П. Религиоведение: учеб. пособие / З.П. Трофимова. - М.; Воронеж, 2000. - 160 с.
43. Философия религии: хрестоматия / сост. П.С. Гуревич. - М.: Изд-во МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2008. - 600 с.
44. Философский энциклопедический словарь. – М., 1998.
45. Фрейд З. Будущее одной иллюзии // Сумерки богов / Сост. и ред. А.А. Яковлев. М., 1989.
46. Хабермас Ю. Когда мы должны быть толерантными? О конкуренции видения мира, ценностей и теорий // Социологические исследования. 2006. №1.